

Ислам
Карачайлы

A decorative black flourish is positioned on the left side of the cover. It features a large, stylized initial letter 'К' that overlaps the first letter of the word 'Карачайлы'. The flourish includes intricate scrollwork, a small flower-like motif, and a teardrop-shaped element at the bottom.

*Ислам Хубиев (Карачайлы)
1896—1938*

Ислам Карачайлы

СТАТЬИ И ОЧЕРКИ

*Вопросы атеистической работы
и борьбы
с пережитками*

КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
СТАВРОПОЛЬСКОГО КНИЖНОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА
ЧЕРКЕССК, 1984

63.5(2—6кч)
Х98

Составление, подготовка текста и приложения
Р. С.-Б. ЛАЙПАНОВА и И. М. ШАМАНОВА

Общая редакция А. Д. БАУЧИЕВА

Рецензия Э. Х. ДЖЕГУТАНОВА

Х98

Хубиев И. А.-К. Статьи и очерки. Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1984 г.

176 с.

В сборник вошли статьи и очерки, посвященные вопросам атеизма и борьбы с пережитками. Книга рассчитана на специалистов и массового читателя.

63.5(2-6кч)

Х $\frac{4603000000-58}{M 159 (03)-84}$ без объявл.

© Карачаево-Черкесское отделение
Ставропольского книжного издательства, 1984.

Слово об авторе и книге

Ислам Карачайлы — литературный псевдоним известного карачаевского публициста и общественного деятеля Ислама Абдул-Керимовича Хубиева.

Ислам Хубиев родился 22 мая 1896 года в ауле Карт-Джурт. Отец его Абдул-Керим Хубиев работал аульным писарем, служил переводчиком в Горском суде¹, в народе считался знатоком тогдашнего официального законодательства, в меру своих сил защищал интересы сограждан, умело оформляя многочисленные прошения и жалобы. По словам очевидцев, дом Хубиевых был всегда полон обиженными, искателями правды и справедливости. Домашняя обстановка и семейное воспитание позволили любознательному Исламу с детских лет познакомиться с горестями и радостями своих земляков, а наличие в доме отца богатой библиотеки привило особый интерес к книге и любовь к чтению.

После завершения Учкуланской четырехклассной сельской школы он поступил в 1 Ставропольскую мужскую гимназию, которую успешно окончил в начале марта 1918 года.

Из стен гимназии, известной своими богатыми традициями, Ислам Хубиев вынес не только программные знания курса наук. Здесь, вступив в подпольный революционный кружок горской молодежи, как свидетельствует сам Ислам Хубиев, он приобщился к революционным идеям. Ставропольская гимназия «всегда слыла красной», неоднократно подвергалась чистке за беспорядки, ревизиям и т. д.²

Поэтому Ислам, как и многие из его сверстников из числа горской молодежи (Коркмасов, Габиев, Цей, Туганов, Кубатиев, Мансуров и др.), прошел здесь свою первую революционную школу, позже вступил в ленинскую большевистскую партию и неразрывно связал свою жизнь с народом, неустанно вел журналистскую работу, а в годы революции всецело отдался агитационно-пропагандистской работе.³

Как свидетельствует анкета делегата Всероссийского съезда Советов, в 1920—1921 годах он член Карачаевского окрревкома, его неизменный секретарь. В эти годы он принимает активное участие в укреплении органов Советской власти на территории нынешней

---

¹ Государственный архив Краснодарского края, ф. 454, оп. 2, ед. хр. 1229, л. 107.

² Газета «Красный Дагестан», № 271 (502), 3 декабря 1923 г.

³ Центральный Государственный архив Октябрьской революции, ф. 1318, оп. 1, ед. хр. 638, л. 92.

области. В ноябре 1920 года в составе карачаевской делегации вместе с У. Алиевым, К. Курджиевым и другими принимает участие в работе учредительного съезда Горской республики во Владивкавказе. В декабре 1920 года он в составе делегации Карачаевского национального округа участвует в работе I Всероссийского съезда национальностей. 26 сентября 1921 года избирается заведующим отделом политпросвета Карачаевского окрревкома.

Несмотря на чрезмерную занятость партийно-советской работой, он продолжает учиться (в политехническом институте), сотрудничает в краевых газетах, ведет большую организаторскую работу по созданию областной периодической печати. В январе 1922 года принимает участие в издании органа оргбюро Карачаево-Черкесского обкома РКП(б) — газеты «Горская беднота», редактирует ее. Его статьи печатаются в газете «Карахалк» (позже — «Красная Кабарда»), органе Кабардино-Балкарского ревкома.

Именно с этого периода начинается новый этап профессиональной журналистской деятельности И. А.-К. Хубиева, а его псевдоним «Ислам Карачайлы» приобретает широкую известность в Северо-Кавказском крае.

В 1922—1927 годах, работая одновременно корреспондентом газет «Терек» (г. Пятигорск), «Советский Юг» (г. Ростов-на-Дону), редактирует областные газеты «Горская беднота», «Горская жизнь», выходящие на русском и карачаевском языках. В августе 1927 года его избирают в инициативную группу по организации Карачаево-Черкесской Ассоциации пролетарских писателей (АПП), входит во временное правление ее¹. (В областную Ассоциацию пролетарских писателей вошли 14 карачаевцев и 10 черкесов. — Ж. «На подъеме», 1923, № 4, с. 74). В ноябре того же года в 132 номере газеты «Таулу джашау» Ислам Хубиев выпускает первую литературную страницу карачаевских поэтов И. Каракотова, А. Уртенюва, А. Боташевой и других.

Через год на страницах этой газеты были опубликованы рассказ Ислама Хубиева «Женитьба Хасана», стихотворение Исы Каракотова «Кавказ», поэма М. Ю. Лермонтова «Демон» в переводе Асхата Биджиева и другие.

Вместе с У. Алиевым И. Хубиев принимает деятельное участие и в разработке нового тюркского алфавита — НТА,² в организации книгоиздательского дела.

Работая редактором «Горской жизни» («Таулу джашау»), Ислам Хубиев в полную меру проявил высокое мастерство организатора-редактора, создал и укрепил основы нового типа партийной газеты в нашей области. Для исследователя истории становления и развития периодической печати в нашей области представляет исключительно большой интерес газета «Горская жизнь».³ Разделы рубрики, тематика выступлений и их жанры, верстка и вид газеты, а самое главное — идейно-политическая направленность и боевой, наступательный характер демонстрируют высокое профессиональное мас-

¹ Караева А. И. Становление карачаевской литературы. Черкесск, 1963, с. 18.

² В феврале-марте 1926 года участвует в работе Первого Всесоюзного тюркологического съезда (жур. «Революция и горец», 1929, № 3, с. 6).

³ Она выходила форматом «Правды» на русском и карачаевском языках, интересна содержанием и оформлением.

терство редактора, его политическую зрелость и умение ставить газету на уровень подлинного коллективного организатора и пропагандиста, боевого органа областного комитета партии. Юбилейный 20-полосный номер газеты (1927 г., №132, 7 ноября), посвященный 10-летию Великого Октября, по глубине содержания и богатству материала равнозначен политическому журналу.

В конце 1927 года один из старейших спецкоров «Советского Юга» Ислам Хубиев (Карачайлы) назначается заместителем представителя Карачая и Черкесии при ВЦИК¹.

В 1928 году в Ростове-на-Дону, центре Северо-Кавказского края, было начато издание политико-экономического, литературно-публицистического и историко-краеведческого ежемесячника «Революция и горец» (орган Северо-Кавказского Краевого Национального Совета при КИК, Северо-Кавказского комитета Нового тюркского алфавита и Северо-Кавказского краевого Горского научно-исследовательского института). Ислам Хубиев (Карачайлы) был избран соредактором и ответственным секретарем этого журнала. Со дня издания и до прекращения его выхода в конце 1933 года И. Хубиев (Карачайлы) работал на этой должности.

Годы работы в Ростове можно считать самым плодотворным периодом творческой жизни Ислама Хубиева. Выступая на страницах краевых журналов «Коммунист»², «Ленинский путь»³, «Советский Северный Кавказ»⁴, «На подъеме»⁵, «Лава»⁶ и других, он разрабатывает многие актуальные проблемы.

Изучение публицистики Ислама Хубиева (Карачайлы) представляет большой интерес как в понимании проблематики этого периода, так и в уяснении мировоззрения одного из видных представителей горской интеллигенции 20—30 годов.

Отдавая много сил журналу «Революция и горец», он находит возможность учиться в институте журналистики, ведет научную работу в краевом Горском научно-исследовательском институте, разрабатывая проблемы истории, языкознания и литературы. Когда открывается в институте отдел лингвистики⁷, его секретарем избирается научный сотрудник Ислам Абдул-Керимович Хубиев.

В 1930 году планируются подготовка и издание «Северокавказской энциклопедии», от Национального Совета Крайисполкома в состав редакционной коллегии избирается Ислам Хубиев (Карачайлы)⁸.

---

¹ Газета «Советский Юг», № 265, 19 ноября 1927 г.

² Ежемесячный журнал, орган Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) и Донского обкома РКП(б), Р/Д., 1922—1925 г.г.

³ Ежемесячный журнал Северо-Кавказского Крайкома ВКП(б), Р/Д.

⁴ Краеведческий научно-популярный, литературно-художественный, приключенческий иллюстрированный журнал, Р/Д., 1930—1931 г.г.

⁵ Ежемесячный журнал литературы, критики и искусства Северо-Кавказской Ассоциации пролетарских писателей (краевой литературно-художественный журнал).

⁶ Литературно-критический журнал, орган Северо-Кавказского объединения АПП.

⁷ Председателем Лингвистического отдела был избран У. Алиев, директор ГНИИ, он же возглавлял Терминологическую комиссию Крайисполкома («Революция и горец», 1929, № 5 (7), с. 78).

⁸ «Революция и горец», 1930, № 12 (см. хронику).

В 1931 году И. А.-К. Хубиев избирается кандидатом в члены Президиума Краевого Национального Совета¹.

После прекращения издания журнала «Революция и горец» Ислам Хубиев переводится на работу в Москву, где продолжает журналистскую и научную деятельность. Талантливый публицист, интернационалист, он всю душевную силу и способности отдавал делу торжества ленинских идей в строительстве новой жизни.

Жизнь Ислама Абдул-Керимовича Хубиева трагически оборвалась в период творческой зрелости, и дарования его остались не раскрытыми до конца.

В 1920—1930 годы имя Ислама Хубиева (Карачайлы) было хорошо известно в журналистских и литературных кругах Северного Кавказа. Его лично знали А. В. Луначарский, В. В. Маяковский, А. А. Фадеев, А. М. Горький и многие другие, с кем ему посчастливилось работать.

Свидетельством его авторитета среди читателей и литераторов является и то, что на титульном листе журнала «На подъеме» в ряду известных пролетарских поэтов и писателей, активно пишущих, — А. Бусыгина, А. Безыменского, М. Голодного, А. Жарова, Ю. Либединского, В. Маяковского, П. Максимова, М. Светлова, А. Серафимовича, И. Уткина, А. Фадеева, К. Федина и других — названо и имя Ислама Карачайлы².

Но до сих пор жизнь и творчество Ислама Хубиева (Карачайлы) абсолютно не изучены и не получили должной оценки. Кроме публикации нескольких фотографий в «Горской жизни» и в «Революции и горце», а также дружеского шаржа с текстовым посвящением Исламу Карачайлы в газете «Советский Юг» (1924 г., № 2), в двадцатые годы о творчестве его специально не писалось. В 1931 году в V томе «Литературной энциклопедии», вышедшей под редакцией А. В. Луначарского, помещена специальная статья об Исламе Карачайлы (с. 19—20).

Интересуясь творческой биографией журналиста И. Карачайлы, в 1970-ые годы мы опубликовали на страницах областных газет ряд статей, а в учебнике-хрестоматии карачаевской литературы для 8 класса дана краткая биография и его рассказ «Женитьба Хасана». С жизнью и творчеством Ислама Хубиева вкратце знакомит читателя и книга А. М. Урусовой «Воспоминания о современниках», изданная в Черкесске в 1975 году.

В 1976 году в связи с 80-летием со дня рождения Ислама Абдул-Керимовича в г. Черкесске прошла научно-теоретическая конференция.

В материалах конференции впервые была сделана попытка осветить высокую гражданскую значимость творческого наследия Ислама Хубиева, актуальность разработки многих тем из его творчества, в частности современное звучание ряда статей в борьбе с вредными бытовыми пережитками и религиозными воззрениями.

В те дни доктор филологических наук Л. П. Егорова писала: «В свете задач, поставленных XXV съездом КПСС в области коммунистического воспитания, и партийных документов об охране культурных ценностей возникает настоятельная необходимость собирания и обстоятельного критического анализа наследия И. Хубиева в полном его объеме... Настала, видимо, пора изучить избранные статьи и высказывания Ислама Хубиева. Все лучшее, что создано талант-

¹ «Революция и горец», 1931, № 3, с. 77.

² Ж. «На подъеме», 1928, сентябрь, книга 9-ая.

ливым литератором, сегодня служит воспитанию нового человека, новым взаимоотношениям между людьми»¹.

Однако до сих пор творчество Ислама Хубиева для широкого круга читателей остается неизвестным и крайне малодоступным. При мечательно, что он писал исключительно на русском языке и печатался главным образом в журналах и газетах тогдашнего Северо-Кавказского края. В наше время доступ к ним затруднен тем, что они хранятся лишь в немногих библиотеках. К тому же, Ислам Хубиев пользовался многими псевдонимами или просто инициалами.

Ислам Хубиев печатался в журналах «Мусульманин», «Жизнь национальностей», «Лава», «Революция и горец», «Коммунист», «Путь Советов», «Советский Северный Кавказ» («СКАЗ»), «На подъеме», «Большевицкая печать», «Ленинский путь», в газетах «Мусульманская газета», «Путь юности», «Терек», «Советский Юг», «Горская жизнь», «Карахалк», «Красный Дагестан», «Известия Советов», «Молот», «Вечерняя Москва» и др.

Публикуя в одних и тех же номерах газет и журналов по несколько материалов, он зачастую подписывал их своей настоящей фамилией, псевдонимами, а иногда инициалами: «Ислам Карачайлы», «Карачайлы», «Карачаевец», «И де-Рок Казбеков», «Амалатбек», «Амиран», «Хаджи-Мурат», «Ол Кесн», «Мен Кесим», «И. А. К», «И. К.», «И.», «К» и т. д. Многие же материалы прошли просто без указания авторства.

Составители настоящего сборника в качестве приложения в конце книги сочли возможным дать библиографическую справку. Думается, что она поможет в определенной степени ознакомиться с объемом и характером творческого наследия И. Хубиева².

* * *

Ислам Хубиев прожил недолгую жизнь, но журналистская биография его началась удивительно рано. Впервые он печатается 16-летним гимназистом в журнале «Мусульманин»³ в 1911 году. Первая статья — «Несколько слов о Карачае» — напечатана в пятом номере (стр. 201—204). В том же году в 24 номере журнала публикуются его статьи «Сословные недоразумения в Карачае» (с. 973—976), «Положение женщины в Карачае» (с. 979—980). Последнюю статью он подписывает псевдонимом «Карачаевец». С этого времени псевдоним — Карачаевец (Карачайлы) — приобретает широкую известность, почти вытеснив его фамилию.

Знакомство с ранними публикациями показывает, что юноша Ислам наделен не только наблюдательностью, но и горячим желанием принять активное участие в житейских судьбах народа, стремлением разобраться в причинах неустроенности жизни. Он рано стал пони-

¹ Егорова Л. П. Словом критика и публициста. «Ленинское знамя», 30 декабря 1976 года.

² Составители не претендуют на полноту исследования, несомненно, есть еще пробелы. Настоящая библиографическая справка — лишь первая попытка приведения публикаций Ислама Хубиева в хронологическую систему.

³ Издавался в Париже в 1908—1911 г.г. либеральной мусульманской буржуазной интеллигенцией на русском языке. (См. сборник «Общественно-политическая мысль адыгов, балкарцев и карачаевцев в XIX — начале XX в.в.». Нальчик, 1976.)

мать общественную роль печати и старался использовать ее как рупор общения с читателем, обмена мыслями, мобилизуя общественное внимание на ликвидацию недостатков, язв и зла в тогдашней действительности Карачая. Он пишет о тяжелой участи горянки, о сословных недоразумениях, о безграмотности.

Но, фиксируя факты, раскрывая противоречия, он еще не дошел до понимания классовой сущности этих противоречий. Поэтому, в сущности, идеи его полны юношеской наивности. Так, например, путь к преодолению сословных, классовых противоречий, предоставления женщине равных с мужчинами прав, облегчения условий жизни он видит в сугубо просветительской деятельности национальной интеллигенции и прогрессивной части мусульманского духовенства, в просвещении народа.

В статье «Сословные недоразумения в Карачае» он, в частности, пишет: «... сословные недоразумения никогда не найдут себе разумного оправдания и поэтому карачаевец происхождения сословий объясняет библейскими легендами... Устранение описанных выше ненормальностей должно быть одной из первых задач горской интеллигенции». И дальше он продолжает: «Слияние всех сословий в одно, рано или поздно, каким бы то ни было образом — неизбежно, и тогда мы будем достойными гражданами России... только тогда, когда оставим позади все мнимокостовые различия и личные честолюбивые счеты и дружно, как равноправные члены одной трудовой семьи, примемся за возрождение и просвещение темных собратьев на почве братского взаимоуважения...»

Этот тезис показывает, насколько далек еще Ислам от понимания внутренних классовых противоречий России, от понимания того, что неумолимый бич господствующих в самой России сечет и терзает русских рабочих и крестьян, но еще не понимает, что для создания «единой трудовой семьи» «равноправных членов», для установления «братского взаимоуважения» необходимы революционные преобразования всего общественного строя.

В другой статье — «Положение женщины в Карачае», реалистически рисуя положение горянки, выдвигая идею равенства и равноправия, он выражает надежду на помощь прогрессивных эфенди, но тут же примерами из жизни показывает, что творит зло само духовенство.

Эти мысли молодого публициста уже показывают, насколько зорко и внимательно всматривается юный Ислам в жизнь. Но в то же время мы ясно видим, что противоречия в его суждениях связаны с непониманием классовой сущности подмеченных им бед, с незнанием революционной теории борьбы, с недостаточностью жизненного опыта и молодостью.

Эти первые статьи Ислама включены в сборник как образец первых шагов будущего партийного публициста.

Они помогут читателю проследить развитие общественной мысли не только юного Ислама, но всей новой интеллигенции горских областей Северного Кавказа, которая позже приняла активное участие в проведении ленинских идей в жизнь после победы Великого Октября.

Дальнейшее пребывание в стенах гимназии, знакомство с запрещенной марксистской литературой, участие в подпольном революционном кружке гимназистов оказали исключительное влияние на формирование мировоззрения Ислама Хубиева, закалили его характер.

Ислам Хубиев принимал активное участие в общественной жизни гимназии, входил в редакционную коллегию газеты «Путь юношест-

Ислам Хубиев в 20-е годы.

ва». Его публикации в этой газете отличаются остротой, принципиальностью позиции. Много выступая на страницах газеты, он подписывал их псевдонимом И. де-Рок Казбегов¹.

В статье «Жизненные знания» он критикует старую систему обучения, несовершенство программы. «Дайте умение, дайте знания, пригодные для жизни! Вот вопль, который несется уже несколько лет от воспитанников наших средних школ.

...Ведь знать — значит любить!» — пишет он.

«До сих пор все имеющиеся руководства и учебники до того устарели, сухи, неинтересны, что читая их — с тоски зеленой пропадешь.

...Почему бы, не взять произведения величайших поэтов: Пушкина и Лермонтова, наших писателей: Горького, Немировича-Данченко».

В этот период он заявляет, что патриотом может быть лишь тот, кто знает нужды своего народа, кто борется за его благо. Он борется за единство убеждения и действия, проявляет бескомпромиссность, сталкиваясь с враждебной ему позицией. Об этом свидетельствуют разрыв Ислама Хубиева с газетой «Путь юношества» и его заявление об уходе, опубликованное в последнем номере ее.

«...Я не считаю возможным работать в «Пути юношества», официозе... который составлен из лиц, проникнутых, если не духом черносотенства, то, во всяком случае, вообще реакционным духом, и потому прошу считать меня выбывшим из состава коллегии «Пути юношества».

По этому поводу председатель редакционной комиссии сделал сообщение: «...лишившись последнего из активных работников в лице И. Хубиева, я вынужден прекратить издание последующих номеров газеты...»².

Победа Октября, установление Советской власти на Северном Кавказе открыли широкую дорогу Исламу Хубиеву для всестороннего раскрытия таланта публициста, журналиста, организатора. Его творческая деятельность отличается необычайной широтой тематического диапазона, политической заостренностью, страстной партийностью. «С настойчивой необходимостью требуется напомнить и авторам и их редакторам о великой политической ответственности, которую возлагает на них наша партия — поставить себя целиком, без остатка, на службу великому строительству социализма», — подчеркивает он в своей статье «Колумбы от литературы, которые Америки не открыли»³.

Эта мысль — кредо его жизни. Он требовал, чтобы на советской бумаге не печаталось ни одной строчки, безразличной к задачам социалистического строительства.

Свое отношение к оценке работников искусства и литературы Ислам Хубиев еще полнее раскрывает в других статьях: «Каждый работник искусства, большой или маленький, должен ясно и четко представить себе, что он прежде всего солдат революции; прежде всего он классовый пролетарский революционер — боец на фронте искусства, сын своего класса, а потом все остальное.

Тысячу раз был прав Маяковский, когда он говорил:

Я всю свою звонкую силу поэта
Тебе отдаю, атакующий класс!

¹ Кабаченко Е. Ислам Карачайлы. «Ставрополье», Ставрополь, 1966, № 4, с. 62.

² Из статьи Кабаченко Е. в альманахе «Ставрополье».

³ Революция и горец, 1932, № 2—3, с. 125—143.

Каждый работник искусства, в особенности национал — потому, что у нас таких работников мало и их дробление по течениям и идеологиям было бы преступным расточительством сил и времени, изменой своему классу, его великим задачам, — каждый такой работник должен нечто подобное этим строкам Маяковского сказать о себе.

В такой целеустремленности их искусства, в высокой классовой сознательности их служения, в классовой выдержанности и принципиальности их работы будет заключаться ценность и историческая миссия этих работников»¹.

«Нельзя... забывать, что мы ставим перед собой задачи интернационального воспитания миллионов, и поэтому должны быть сугубо безупречны, кристально чисты. Ведь книги могут воспитывать, книги могут портить и разлагать людей — в зависимости от того, кем, для чего и как они написаны...»²

К какой бы теме не обращался Ислам Хубиев, в статьях его мы ощущаем душевный импульс, честность, убежденность. В этом — глубоко воздействующая сила публицистики Ислама.

В творчестве Ислама Хубиева значительное место занимает ленинская тема, которая, вне сомнения, в будущем привлечет внимание исследователей. В статьях «Ленин и самоопределение народностей», «Ленин и угнетенные народы Востока» он разъяснял горцам суть ленинской национальной политики. Неоднократно возвращался к этой теме, видя в ленинизме залог расцвета ранее бесписьменных, «немых» народов, залог победы коммунизма. Ислам Хубиев тяжело переживал смерть вождя, посвятил этой невосполнимой утрате ряд статей, призывая активно бороться за дело Ленина, быть верными заветам Ильича.

«Телеграф принес потрясающую весть о кончине величайшего вождя трудящихся и угнетенных всего мира, Владимира Ильича Ленина...

Что можно сейчас сказать о т. Ленине?

Очень многое, которое в то же время будет сейчас очень мало, будет не в состоянии выразить и охватить силу, мощь и глубину ленинского гения, ибо все слова будут бледны, ничтожны, обыденны и нерельефны в приложении к этому имени, которое по своей яркости и значительности не имеет себе равного.

Кем же был т. Ленин для угнетенных народностей?

Он был первым мощным, единственным и последовательным сторонником и застрельщиком их раскрепощения экономически и духовно.

...Они говорят о своих правах на место в жизни, они верят, что они его получат, и эту веру, которая их больше никогда не оставит, вдохнул в них Владимир Ильич Ленин.

Первая в мире Советская республика показала человечеству невиданные до сих пор образцы человеческих отношений. Она первая уничтожила разъедавшую нас и губившую дело трудящихся малых народов — национальную рознь. И тут мы чувствуем, мы видим следы гения Ленина.

---

¹ Амалатбек. О горской музыке и ее пионерах. «Революция и горец», 1930, № 12 (26), с. 68.

²И. К. Перебийнос М. и Ф. В теснинах Кавказа. По Балжарии и Сванетии «Революция и горец», 1930, № 8 (22), с. 83.

Острые крылатые слова его вошли в наш обиход, в нашу речь. Мы полны его мыслями, его чувствами. Мы не отделимы от него...» — пишет он. Вместе с тем Ислам Хубиев запечатлел для потомков картину траурных дней в Карачае и Черкесии: «Население Карачая и Черкесии пожелало отметить у себя эту несравненную утрату, чтобы слепые видели, глухие слышали, чтобы самые холодные люди почувствовали, кого потеряло человечество в лице товарища Ленина...

Над каждой карачаевской и черкесской саклей — траурный флаг. Траурные флаги можно видеть во всех мечетях. Этого до сих пор никто никогда прежде не видел.

Трудящиеся массы нашей далекой окраины глубоко почувствовали и запечатали в сердцах эту великую потерю.

Мы глубоко верим в свою очередь ...что они сумеют не только сохранить память о великом друге и защитнике угнетенных, но осуществят в жизни его бессмертные идеи, идеи освобождения труда и всех трудящихся, служить этим идеям»¹.

В знак траура горцы снимали с себя оружие, пояс, в те дни были воздвигнуты первые памятники В. И. Ленину в Баталпашинске, в Каменномосте, а население Учкулана, Хурзука и Карт-Джурта собрало деньги и построило больницу в честь памяти вождя.

Ислам Хубиев был страстным пропагандистом ленинских идей, ленинские мысли красной нитью проходят во многих статьях его. Опираясь на учение Ленина, он вырабатывает четкую линию борьбы с вредными пережитками старины, с религиозным фанатизмом. Возвращаясь к теме своих первых выступлений на страницах журнала «Мусульманин», освещает их с марксистско-ленинских позиций, раскрывая их классовую сущность. Работая над проблемами обычаев — адатов, он приходит к твердому убеждению, что «борьба против горских адатов — это борьба за социализм».

Атеистическая публицистика Ислама Хубиева и сегодня имеет важное практическое значение. Поэтому составители данного сборника преодолели искушение представить все творчество Ислама Хубиева и отобрали лишь те материалы, которые так или иначе объединяются вокруг вышеозначенной темы. Предлагаемую творческую идею публицист раскрывает сам: «Необходимость борьбы с устаревшими обычаями горцев абсолютно несомненна. Нужно при этом иметь в виду, что борьба против адатов, которые являются, с одной стороны — продуктом патриархально-родового общества, а с другой — феодальных и полуфеодальных отношений, должна быть подкреплена основательным знакомством с этими обычаями. Это необходимо для того, чтобы критика обычаев, борьба против них не были наездническими и дали максимальный эффект. Знакомство с обычаями должно освещаться, осмысливаться овладением марксистско-ленинской методологией.

Нужно хорошо понимать причины, вызвавшие те или другие обычаи. Нужно понимать, когда, кому и зачем они были нужны и почему они теперь стали не нужными, превратились в лишний и вредный балласт.

Партийцам и комсомольцам — националам, работающим в ауле, нужно вооружиться хорошо, чтобы популярно объяснять все это,

---

¹ «Советский Юг, 1924. № 19 — Карачайлы И. Ленин и угнетенные народы Востока: № 25 — Хаджи-Мурат. Горцы о Ленине: № 35 — Карачайлы И. Отголоски на смерть вождя в Карачае и Черкесии.

Карачаевская делегация на Учредительном съезде Горской Республики 15 ноября 1920 г., Владикавказ.

Во втором ряду (слева направо):

Курман Курджиев, Мудалиф Урусов, Рамазан Куатов,
Умар Алиев, Али Хасанов, Иммолат Хубиев.

В первом ряду (слева направо):

Ислам Хубиев (Карачайлы), Абдул-Керим Халкечев, Магомет
Батчаев, Али-Солтан Герюгов, Шахым Алиев, И. Битиев.

выдвигая новые институты, проявляя максимальную инициативу в борьбе за новые коллективные обычаи...

Новый, так сказать, социалистический человек в горских областях может быть выкован и воспитан в непримиримой борьбе с адатами...»¹

Естественно, прямого приложения в практической работе могут и не иметь вошедшие в сборник статьи и очерки, так как они написаны много лет назад и на основе тогдашних фактов, но знакомство с ними поможет распознать «родимые пятна» многих явлений, которые до сих пор бытуют иногда в нашей среде в той или иной форме, определить и объяснить их социальные истоки.

Чтобы успешно вести воспитательную работу среди населения, чтобы эффективно бороться с вредными пережитками в быту, человек должен быть убежден в правоте своего дела, а убеждение приходит вместе со знанием, пониманием вопроса.

Порой нам приходится слышать мнение, что развитие культуры, образования, научный и технический прогресс автоматически вытесняют из жизни отжившее, чуждое нашей действительности, что вместе со стариками уйдут из жизни религиозность, соблюдение обычаев

---

¹ Карачайлы И. Борьба против горских адатов — борьба за социализм. «Революция и горец», 1932, № 8—9, с. 88—89.

и обрядов адата и шариата, другие бытовые пережитки. Однако жизнь и практика подтверждают необходимость постоянной работы и активной борьбы.

Статьи и очерки Ислама Хубиева лишний раз убеждают нас в том, что и тогда встречались подобного рода «оптимисты», считавшие делом прошлого вредные обычаи и привычки. В трудах Ислама Хубиева мы как раз находим отповедь носителям таких взглядов, понимание сути которых, очевидно, полезно и сегодня.

В статье «От патриархальной семьи к атеистической» Ислам Хубиев отмечал: «Хотя часто приходится слышать о горском фанатизме, порою не без основания, существует удивительная пословица, говорящая о силе адата, — «Ахрат азабдан эсе дунья намыс кючлюдю» («Намыс в земной жизни могущественнее наказания в аду»), Здесь дело в том, что даже религия отходит на десятое место по сравнению с адатом»¹.

Наблюдения показывают, что и ныне неправильное понимание нравственных норм — «горских адатов» — отдельными горцами служит своего рода оправданием и защитой лишённой социальных корней религиозной обрядности. А ведь не секрет, что своей «жизненностью» религия в горском быту в значительной степени обязана адатам, горскому «намысу», «хабзе».

Это особо наглядно демонстрируется при совершении обряда похорон или обручения молодых. Люди, не ставящие ни во что ни бога, ни религию, атеисты по существу, оказываются в плену ложных предрассудков, делаются бессильными, опутанными и безвольно следуют «требованиям обычая отцов». Как не вспомнить здесь статью Ислама Хубиева (Карачайлы) «Ораза на Северном Кавказе». Он писал: «Есть еще комсомолцы, которые заявляют, что для сохранения своего авторитета в глазах окружающих они должны соблюдать оразу. Даже среди некоторых партийцев неблагоприятно в этом отношении. Коммунист и комсомолец должны быть образцом для остальных, а не плестись в хвосте борьбы за новый быт, новую этику и нового человека...»

Современно и актуально звучит и другой тезис в этой статье: «Нам в быту нужно бороться за то, чтобы было яснее ясного, что только труд и труженик или трудящийся, т. е. не живущий паразитом, за счет другого, на шее у другого, а производящий те или иные общественно-полезные ценности, — только они достойны уважения...»

Созидательный коллективный труд, отношение каждого члена общества к труду в современных условиях приобретают особый смысл, ибо труд создает не только материальные блага, но и формирует нравственный облик человека.

«И общественное признание, и материальное благосостояние человека должны определяться прежде всего тем, как он работает. Здесь имеет значение не одна лишь экономическая сторона. Не менее значима сторона идейно-нравственная. Ведь в труде человек не только создает материальные ценности, но и выковывает свои лучшие способности, закаляет волю, развивает творческие силы, утверждает себя как гражданин, активный строитель коммунизма»², — подчеркнул июньский (1983 года) Пленум ЦК КПСС.

Карачаево-Черкесский областной комитет КПСС, мобилнзуя тру-

¹ А м а л а т б е к. От патриархальной семьи к атеистической. «Революция и горец», 1929, № 7—8.

² Материалы Пленума ЦК КПСС 14—15 июня 1983 года. М., Политиздат, 1983, с. 36.

дящихся на выполнение исторических решений XXVI съезда КПСС и послесъездовских Пленумов ЦК КПСС, обращает постоянное внимание на идейно-политическое, нравственное, трудовое и интернациональное воспитание населения области. В этой работе значительное место занимает борьба против негативных проявлений среди некоторой части населения, в том числе — борьба с вредными бытовыми и религиозными пережитками.

Составители настоящего сборника понимают громадное значение печатного слова в агитационно-пропагандистской атеистической работе и, предлагая его специалистам и широкому кругу читателей, надеются, что он принесет определенную практическую пользу.

* * *

Хочется верить, что собранные нами журнальные статьи, очерки, рецензии, персоналии и рассказы Ислама Хубиева (Карачайлы) со временем найдут место в отдельных тематических сборниках, которые послужат полезным вкладом в дело изучения творческого наследия известного в свое время талантливого партийного публициста, страстного просветителя.

Открывается сборник ранними статьями Ислама Хубиева (Карачайлы), составители при этом имели в виду представить хронологию развития основной темы сборника. На первый взгляд может показаться, что статья «Горец в производстве и рабочие кадры для нацобластей» не вписывается в общую тематику сборника, но идеологический аспект статьи оправдывает ее включение. Борьбу с пережитками, воспитательную работу Ислам Хубиев всегда рассматривал в неразрывной связи с пролетарским, интернациональным воспитанием, привнесением в горский быт, в сознание горца революционных идей рабочего класса. И в этой статье акцент делается на эту идею. С другой стороны, партия и правительство в 20—30-е годы провели огромную работу по созданию национальных рабочих отрядов, по подготовке базы для создания промышленности в горских областях, для успешной индустриализации их. Задача эта была трудной, многопроблемной, но она успешно была решена. Однако в нашей национальной художественной литературе эта тема до сих пор не нашла должного отражения, хотя очевидна значительность темы как в интернациональном воспитании, так и в познавательном плане.

К сожалению, атеистическая работа, борьба с проявлениями вредных пережитков порой носит у нас кампанейский, урывчатый характер. Этому виной является благодушие отдельной части интеллигенции, примиренческое, снисходительное отношение к носителям старины, привычка думать — все преодолено, все позади, а частные проявления суть мелочи. Поэтому сочли целесообразным включить в сборник статью о споре «Большевистской смены» со «Сказом» («Советский Северный Кавказ»). Знакомство со статьей поможет по-новому посмотреть и на сегодняшнюю действительность, осмыслить и понять свои упущения, убедиться в необходимости ведения активной, наступательной воспитательной работы и в нашем сегодня.

Р. ЛАЙПАНОВ

СОСЛОВНЫЕ НЕДОРАЗУМЕНИЯ В КАРАЧАЕ

(Пережиток старины)

Как почти у всех народностей Кавказа, скрытая сословная вражда — печальное недоразумение — существует и у нас в Карачае. Памятный манифест 19 февраля 1861 года положил конец произволу и владычеству над человеческой личностью, но этого, как оказывается, для горцев, сохранивших неизменно свои суеверия, предрассудки и обычаи, далеко недостаточно.

У карачаевцев население делится на три сословия: «биев» (князей), «узденей» (дворян), «кулов»¹ (крестьян). Огромное большинство населения Карачая принадлежит к последним двум сословиям. Почти все аулы, за исключением так называемых азатов (азат — вольный крестьянин, которого владелец почему-либо нашел нужным освободить), находились в крепостной зависимости у узденей и биев до манифеста 19 февраля 1861 года, принесшего им свободу. В Карачае на кулов принято смотреть с презрением, как на нечто грязное, ничтожное.

Само слово «кул», обратившееся у нас в кличку, произносится также с оттенком презрения. Быть в родстве с крестьянским сословием, вступать с ними в брак у нас считается позором. Всякая княжеская или дворянская фамилия, член которой нарушил этот адат, предается

---

¹ В определении сословной структуры автор здесь допускает неточности: уздени — это основная масса трудового населения карачаевского общества — юридически свободных крестьян, но отнюдь не дворянство (как принято у некоторых горских народов); кулы — зависимая часть крестьянства; бии — привилегированное сословие, приравниваемое к дворянскому сословию. (См. Невская В. П. Социально-экономическое развитие Карачая в XIX веке (дореформенный период). Черкесск, 1960, с. 101—133. Она же. Карачай в XIX веке (Эволюция аграрного строя и сельской общины). Черкесск, 1966, с. 28—32. Тамбиев И. О родах и сословно-феодальных отношениях в дореволюционном Карачае и об их фальсификации. — «Революция и горец», 1931, № 12. — Примечание составителей.

презрению всех других фамилий, из которых, впрочем, нет ни одной, несколько раз не нарушавшей его. Случаи браков между кулами и членами высших сословий были редки, но за последние годы они стали учащаться. Такие браки никогда не благословляются родителями супруга, происходящего из узденей или биев. Кроме того, таким образом супруги подвергают свою жизнь серьезной опасности со стороны беспощадной толпы, которая из-за фамильной чести готова иногда на все.

В свою очередь князья находят для себя оскорбительным войти в родственные отношения с узденями, но все-таки браки между ними гораздо чаще и носят более мирный характер, чем браки между крестьянами и дворянами или князьями, которые иногда сопровождаются несчастьями.

Как на одну из немаловажных причин, заставляющих молодую девушку оставить родительский дом, вопреки долгу детей перед родителями и без их благословения вступить в брак вообще, а в частности, с кулами (беру типичное карачаевское семейство), я укажу на безотрадное положение девушки в семье. Она, ведя чуть не гаремную жизнь в отношении права пользования свободой, является незаменимою опорой наравне с матерью и несет на себе почти всю тяжесть, все бремя по домашнему хозяйству вплоть до выхода замуж. А между тем, праздная толпа аульной молодежи от нечего делать бездельничает, поет или задевает прохожих где-нибудь на ныгыше до глубокой ночи. Девушка же лишена самых элементарных человеческих прав. Выбор жениха — самое естественное из прав женщины, за очень редкими исключениями, никогда не дается ей. Легко поэтому объяснить, почему так часты у нас «добровольные» похищения невест. Похищения можно разделить на добровольные, когда девушка уходит с женихом по своему желанию, хотя это уже не похищение, и недобровольные — когда ее крадут против ее воли; в том и в другом случае бывает одинаковый переполох, и никто не считается с тем, по своему ли желанию она вышла. Неудивительно, что идеалом горянки являются самостоятельность и освобождение.

Нечего говорить, что сословные недоразумения никогда не найдут себе разумного оправдания, и поэтому карачаевец происхождение сословий объясняет различными библейскими легендами. Пророк Ной, после шестимесячного плавания во время потопа, усталый вышел из ковчега, чтобы отдохнуть и погреться на солнце. Жалкое

рубище, в которое он был одет, еле укрывало его тело. Он сел где-то в уютном местечке и вскоре заснул в весьма неудобной позе. Его старческое тело от дуновения ли ветра или от другой причины обнажилось. Один из его сыновей, увидя обнаженное тело отца, смеялся над ним и называл его глупым. Другому сыну становится жаль старого отца, но, видя его в карикатурном положении, краснея уходит. Наконец, третий подошел осторожно к спящему, чтобы не разбудить, заботливо укрыл и удобнее уложил старца. Современное человечество, гласит далее легенда, потомство Ноя, причем кулы потомки первого сына (смеявшегося над старцем), уздени — второго сына и бни — третьего. Таким-то образом оправдывают у нас сословные различия.

Устранение описанных выше ненормальностей должно быть одной из первых задач нашей горской интеллигенции. В данном случае нужен целый ряд мер, разумно и умело направленных к тому, чтобы упразднить вредные традиции, предрассудки и обычаи, ибо все гнилое и вредное должно уступить свое место новому, полезному. Нужно заметить, что лучшие наши обычаи, лучшие черты карачаевца, как, например, гостеприимство, почитание старших, скромность начали искореняться, а между тем параллельно с этим печальным явлением наблюдается рост безнравственности и цинизма. Поэтому необходимо составить проект борьбы с невежеством, путем обмена мыслями в печати. Нет, конечно, сомнения, что настанет день, когда не будет у нас сословий, их и сейчас нет у нас, но чем скорее настанет тот лучший из дней, чем раньше народ освободится от предрассудков и суеверий, тем он станет ближе к культуре, тем скорее улучшит свое положение.

Слияние всех сословий в одно, рано или поздно, каким бы то ни было образом — неизбежно, и тогда мы будем достойными гражданами России, а это для самолюбивого горца также важно, как и для горячего патриота, только тогда, когда оставим позади все мнимокостовые различия и личные честолюбивые счеты и дружно, как равноправные члены одной трудовой семьи, примемся за возрождение и просвещение темных собратьев на почве братского взаимоуважения. Таким-то образом мы выйдем из окутавшего нас мрака невежества и можем наверстать потерянное время.

Мнимые сословные различия и все искусственно создаваемые нами самими препоны на пути к благу должны

отойти в область забвения, а не омрачать и без того мрачную жизнь полудикого сына гор.

Мне кажется, карачаевцу становится досадно при мысли, что почти за 85 лет¹ ровным счетом ничего не сделано в смысле улучшения положения и просвещения карачаевского народа, а между тем мы имели право надеяться на гораздо большее внимание к себе.

ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИН В КАРАЧАЕ

(Факты действительности)

Карачаевская женщина находится на самой низшей ступени человеческого развития. Несмотря на неоспоримость этого грустного факта, на очевидность пользы учения, у нас не замечается никакого движения в этом роде. Главнейшие препятствия этого столь благого дела — это равнодушие темного населения и враждебное настроение нашего духовенства против образования наших женщин. К прискорбию, оно слишком далеко от светлого и доброго, далеко от идеалов, стремление к которым предначертано пророком. И кто в этом виноват? Разумеется, опять-таки никто другой, как наше духовенство.

Роль девушки в семье родителей пассивная: она самостоятельно не может предпринять ни одного более или менее значительного шага, касающегося даже всей ее будущей жизни, как, например, выбор жениха. На нее принято смотреть почти как на рабыню, которая работает для других не зная устали. Карачаевская поговорка «У девушки бывает сорок сил»² показывает до некоторой степени взгляд карачаевца на женщину. Она никакого образования не имеет, да и не принято ей быть слишком умной, как у нас выражаются. Дочери зажиточных родителей умеют иногда кое-что разобрать по-арабски и читать Коран. Вот все образование, даваемое будущей матери будущего аристократического семейства. Среди дочерей бедных родителей сравнительно реже найдется обладающих и этими премудростями. Но это не по-

---

¹ Имеется в виду экспедиция отряда царского генерала Эммануэля в Карачай в 1827 г.

² Буквально — следовало бы перевести: «У девушки бывает сорок душ», но так совершенно было бы непонятно. Эта поговорка употребляется с некоторым оттенком комизма и означает, что девушка обладает неисчислимыми запасами сил, потому она никогда не может устать.

тому, что у богатых родителей более сознания пользы учения, нет, это, вероятно, зависит от того, что богатые родители не нуждаются в услугах своих дочерей и дают им возможность учиться, тогда как дочери бедных родителей являются опорой и незаменимыми помощницами своих тружениц-матерей. Учение ведется по старинной моде и продолжается по нескольку лет. Едва ли можно сказать, что это бесконечное зубрение всего непонятно-го приносит какую-нибудь пользу.

Один весьма даровитый молодой мулла, родом карачаевец, хорошо владевший русским языком, изобрел новый, до невозможности легкий метод обучения арабской грамоте, но, увы, ему не удалось широко применить к делу изобретения: болезнь унесла его.

Что же касается обучения русской грамоте, то об этом нечего и говорить. К вопросу обучения женщин русской грамоте типичный карачаевец относится скептически. В течение долгого времени, научившись грамоте (русской), сделаются безнравственными. Попытки уверить в ошибочности такого мнения бывают бесполезны. Причина та же — враждебное отношение нашего духовенства ко всему новому и светлому. Отрадно отметить, что за последнее время у нас начали появляться прогрессивные мุลлы, на которых можно возложить некоторые надежды. А ведь это для нас огромное нравственное утешение.

А вот грустный случай, имевший место в Карачае. Этот случай убил надежду поднять женщину на более или менее подобающую высоту. Это было в 1906—1907 учебном году в центральном карачаевском ауле Учкулане. За несколько лет до этого было открыто там женское одноклассное училище по инициативе одного из бывших смотрителей Учкуланского 2-х кл. училища, супруга которого — учительница по профессии — заведовала женским училищем. Училище посещалось главным образом детьми русских ремесленников и лавочников, которых в торговом центре Карачая достаточно. Давно уже слышались ропот и неудовольствие фанатиков открытием женского училища. Результатом всех негодований явилось то, что в один прекрасный день аульный сбор постановил закрыть школу как бесполезное учреждение. Нет надобности говорить, как пагубно отражается все это на экономическом благосостоянии народа. Будем надеяться, что наши передовые и влиятельные муллы Измаил Эфенди Боташев, Хусейн и Хаджи-Хамзат Урусовы и некото-

рые другие не откажут в своей авторитетной помощи в деле образования и улучшения положения наших несчастных обездоленных сестер.

ПРОБЛЕМА ГОР

Очерк

«Большевики на то и большевики, — говорит тов. Сталин, — чтобы преодолевать трудности». На нашей северо-кавказской горской практике приходится лишний раз признать, что это именно так, а не иначе. Перефразируя т. Сталина применительно к нашим условиям, можно сказать: большевики на то и большевики, что они, несмотря на колоссальные трудности, не побоялись поставить перед собою проблему гор и разрешают ее.

Многие при этих двух словах «проблема гор» жмут плечами и делают удивленные глаза. Оно и понятно: эта труднейшая задача в условиях Северного Кавказа могла быть поставлена лишь на 13-м году Октябрьской революции, потому что для ее разрешения требовалось большое хозяйственное и политическое укрепление Советской власти.

Итак, что же это за проблема гор, которую среди других колоссальных задач должна разрешить наша пятилетка в четыре года — если не окончательно, то, во всяком случае, в основных чертах?

Проблема гор заключается в том, чтобы подтянуть горные полосы нацобластей во всех отношениях до уровня наиболее культурно и экономически развитых плоскостных районов. Она заключается в том, чтобы сжать раствор «ножниц» между горами и плоскостью, чтобы «горные трущобы» заискрились всеми цветами радуги, чтобы в них культурных, материальных и иных ценностей было не меньше, чем в других районах нашего края.

Ряд горских областей — Чечня, Ингушетия, Осетия, Кабарда с Балкарией, а в советское время — еще и Карачай — распадаются на резко отличающиеся друг от друга части: горную и плоскостную¹. В то время как для окружающих русских районов не существует земельной нужды, горские области в целом в большинстве своем являются безземельными областями, а горные районы их почти лишены земель, годных для земледелия.

---

¹ Благодаря наделению Советской властью безземельных карачаевцев земель в советское время возник плоскостной Карачай.

Даже плоскостные районы горских обастей выглядят богато по сравнению с горными, где земельная теснота достигает таких размеров, что порою, не имея возможности или, вернее, пространства прорыть русло для ручья, орошающего убогую полоску горца, роют русло сквозь саклю, и ручей протекает сквозь жилое помещение по земляному полу, а семья тут же живет, ест, спит.

Часто бывает так: негде покойника хоронить, и его хоронят в сакле. Тут же, где могила покойника, люди живут, едят, спят и т. д. Такие случаи бывали еще не так давно.

Вот характерная легенда о том, как горец потерял и снова нашел свой участок земли.

Горец-бедняк трудился над своей убогой полоской земли. Наступило время намаза (молитвы). Горец сделал омовение, разостлал бурку и молитвенно сосредоточился, обратившись лицом к югу, в сторону знойной Аравии, где находятся священные для мусульман города Мекка и Медина. Намаз кончился. Горец встает с бурки, чтобы продолжать работу, но, к своему ужасу и недоумению, не может найти полоски. Думает, ломает голову, напрягает память, не может сообразить, куда же исчезла его земельная полоска. Наконец в отчаянии он решает уйти отсюда и, собравшись домой, поднимает бурку и... находит свое «поле»: оказывается, утерянное «поле» все уместилось под буркой.

В то время как плоскостные части любой горской области не так уже оторваны от городов, не так уже далеко отстоят от железных дорог, больше связаны с русскими, более культурными населенными пунктами, больше между ними хозяйственного сотрудничества и разделения труда, больше подвержены они советскому (экономическому, политическому, культурному и т. д.) влиянию, горная полоса в значительной степени остается неохваченной нашей работой и нашим влиянием.

И куда к чертям разговоры об «охвате влиянием», о систематической советской, партийной, комсомольской работе, когда, например, целые районы Итум-Калинского округа в Чечне, целые аулы не имеют ни школы, ни избы-читальни, ни ликпункта, ни одного комсомольца, никаких признаков кооперации, а среди сотен и тысяч учащихся Чечни ни одного своего представителя, когда такие аулы ни разу не видели у себя кинопередвижки.

Эти аулы, окруженные громадами темнозеленых гор и серыми скалами, аулы, куда ведут узенькие тропки,

аулы, где не видели даже арбы, ибо даже арба требует известного пространства, годами не видят работника своего областного центра.

Таковы или приблизительно таковы некоторые районы Карачая, как, например, Даутское ущелье, местности вроде Джалпак, аулы вроде Джазлык и т. д. Таков ряд районов Балкарии.

Вот характерные штрихи того, как одни аулы Карачая, Чечни и других изолированы, оторваны от других. Из аула Терезе Карачаевской области (к примеру говоря) гораздо легче попасть в Ленинград, чем из того же Терезе в аул Хурзук той же Карачаевской области, хотя расстояние между Карачаем и Ленинградом в несколько сот раз больше, чем между двумя точками того же Карачая или Чечни. Здесь нужно оговориться, что горные районы наобластей далеко не однородны. Есть среди них более доступные и менее доступные.

Еще год-два назад были такие горские области, которые на всю свою территорию не имели ни одного кинотеатра. Даже теперь вся Карачаевская автономная область имеет только один кинотеатр в своем областном центре — в г. Микоян-Шахаре.

Наши старые «знакомые» — адат и шарият — только подкрепляют и усиливают эти затруднения, делают порою невозможным обслуживание местного населения, особенно женского, например, медицинской помощью.

Больные женщины, «стыдясь» лечиться, отказывались от всякого лечения у мужчин-врачей, запускали болезни, порой заживо гнили, гибли семьями. Наши классовые враги, хранители адата, могли гордиться, что адат соблюден, но зато несчастным людям, искалеченным и изувеченным адатом, нечем было гордиться, нечему радоваться. Не приходится оспаривать, что все эти болезни (туберкулез, сифилис, трахома) носят, безусловно, классовый, социальный характер, так как богатые горцы, не считаясь ни с какими адатами, везли своих жен, дочерей и т. д. к профессорам, ученым светилам медицины.

Не будет преувеличением сказать, что еще совсем недавно наш классовый враг, местный мироед-кулак и его неизменный союзник мулла абсолютно бесконтрольно, беспрепятственно хозяйничали в горных районах наобластей.

Есть местности, например, в Чечне, где нет стариков, потому что кровная месть, война всех против всех ставит пределом человеческой жизни возраст в 30—40 лет.

В то время как на плоскости, близкой к городам, к культурным населенным пунктам, кровная месть уже приняла более мягкие формы или уже совсем изживается, благодаря политическим, хозяйственным и культурным мероприятиям Советской власти, в глухих горных районах она еще существует в наиболее свирепой, непримиримой, людоедской форме. Множество молодых жизней, которые могли бы быть боевыми строителями социализма, погибают во цвете лет.

Огромные запасы неисчерпаемой человеческой энергии уходят на то, чтобы обеспечить горные районы городскими фабрикатами и хлебом, ибо хлеба местного производства в горах хватает максимум на две-три недели в году, а доставка, в силу ужасающего бездорожья, стоит огромных, порою нечеловеческих трудов.

Отсюда полная зависимость гор от плоскости, от русских районов, которым они, кроме продуктов своего скотоводческого хозяйства, ничего дать не могут. Огромные запасы человеческой энергии, которые тратятся на борьбу с голодом, с голодной смертью, на преодоление и предупреждение ее, должны быть освобождены и сохранены для других целей.

Партия и Советская власть организуют культурные походы в горы, проводят шоссейные и железные дороги, строят школы, больницы, избы-читальни.

Там, где еще нет дорог, — будут дороги.

Там, где еще нет школ, ликпунктов, кооперативов, изб-читален, — они будут.

Это вопрос только времени.

Советская власть на 13-м году своего существования, на 10-м году своего укрепления в горских областях берет за самые трудные, казалось бы, проклятые, неразрешимые вопросы, их разрешает и разрешит.

Есть две неписанные программы разрешения проблемы гор.

Одна — большевистская, другая — оппортунистическая.

Оппортунистическая программа в качестве идеала предлагает достижение уровня передовых районов нацобластей. А что дальше — будет потом видно.

Большевистская программа имеет в виду, что даже самые передовые нацобласти идеалом для нас не являются. Она говорит, что нужно вовлечь в строительство жителей даже тех горных трущоб, в которых нет ни одного комсомольца, студента, рабфаковца, где не может проехать колесо арбы из-за отсутствия дорог.

Пусть в этих районах нет хлеба, нет технических культур, зато есть свои богатства, горные недра, целебные источники и пр.

И вот их разработка, их эксплуатация являются экономической базой (большевистского решения проблемы гор.

И это время не за горами!

БЫТ ГОРСКИХ НАРОДНОСТЕЙ ЮГО-ВОСТОКА

Зову крушить устои вековые,
Творить простор для будущих
семян.

Валерий Брюсов.

Вступление

Если наш великий, необъятный Советский Союз, занимающий 1/6 часть всей суши, изобилует пестрыми, многонациональными окраинами, то среди них самым пестрым, самым многокрасочным и разнородным в племенном отношении надо признать наш Юго-Восток, в частности, Северный, или Передний Кавказ.

Пестроту и обилие красок здесь создают горские народности, исповедующие ислам.

Они имеют между собой много общих черт социально-бытового и культурного характера.

Чуть ли не самая маленькая (если не считать Адыгеи) из республик и областей края — объединенная автономная область Карачая и Черкесии, эта «карманная» (не в обиду ей будь сказано) Республика насчитывает в своих пределах 12 национальностей.

Горская республика, основное ядро которой составляют осетины и ингуши, имеет 16 национальностей.

И тут, в Карачае и Черкесии, и во всех горских областях основную массу населения составляют горцы.

Они принадлежат к различным этапам культурного и общественного развития, от полуномандов-пастухов (часть карачаевцев, некоторые народы Дагестана) до того положения, при котором нет семьи, не имеющей хотя бы одного члена со средним образованием. Эта народность, к сожалению, пока единственная, сумела создать свою письменность, за короткое время, в течение каких-нибудь 25—40 лет создала и создает свой национальный театр, национальную поэзию и музыку, выдвинула из своей среды ряд поэтов, художников, людей науки, имеет все более развивающуюся прессу на родном языке.

Я говорю, конечно, об осетинах.

Наш очерк имеет заголовок «Быт горских народностей Юго-Востока».

Несмотря на это, о горском быте не приходится говорить как о чем-то во всех случаях однородном, для всех народов безусловно общим и одинаковым.

Тут нужны обобщения очень осторожные и менее всего возможны определения и формулировки, приемлемые для всех народностей. Но это не отрицает наличия общих черт в быту, в психологии, в культуре, в оценке вещей и явлений, в подходах к различным моментам семейной и общественной жизни горцев.

Об экономических предпосылках и факторах горского быта

Хозяйственное положение горцев, равно как и весь пройденный горскими народами исторический путь, определяет культурные этапы и дает ту или иную окраску быту их, характеризует и обуславливает его.

Быт горцев... Нельзя представить себе ничего разнообразнее, разнороднее, чем этот мало кому известный или, вернее, никому, кроме самих горцев, неизвестный горский быт.

Он пестрее и причудливее узоров ковра восточной работы, потому что пестра сама экономика, пестры способы хозяйствования, различны способы существования, житейские навыки, приемы борьбы за место в жизни.

С одной стороны, пастухи, дети мифического Аймуша¹, не знающие ничего, кроме своих стад, пастушьего посоха, кроме своего коша, или дети безграничных солончаковых и степных просторов, также скотоводы, но в то же время и кочевники, проводящие полжизни на коне.

С другой стороны, высококвалифицированные рабочие-текстильщики или нефтерабочие грозненских и бакинских промыслов.

И между первобытным пастухом и рабочим, покрытым копотью нефти и мазута, вполне и совершенно «акклиматизировавшимся» в рабочей обстановке, — все промежуточные стадии, все формы и виды хозяйствования, пестрая цепь различных ремесел.

В одних местах, например, в отдаленных углах Даутского ущелья (на Кубани), можно встретить «чистых»

---

¹ Аймуш — герой карачаевской легенды, идеальный пастух, добротелли которого воспеваются в народных песнях.

пастухов. В других эта «чистота» нарушена. Возделывание суконов и бурок или же торговля фруктами идет параллельно со скотоводством. В то время когда младший брат остается на Андийских высотах, а престарелый родитель охраняет семейный очаг, старший брат, более искушенный в жизни, бывавший в городах и потому более опытный, нагружает на ишака пуда два-три различных фруктов, с тем же неизменным посохом в руках и куском железа на ремне, его опоясывающем, спускается в долину, бдительно следя за каждым шагом этого мирного животного, почти с легкостью серны проделывающего бесчисленные, причудливые зигзаги ослиных троп, не только бесконечно опасные и рискованные, но и бесконечно утомительные, столь характерные для Кавказа.

В этих труппах, в «орлиных гнездах», как любят говорить, за длинной-предлинной цепью гор, покрытых вечными снегами, живут люди, которые никогда не видели колесной дороги, где допотопная двухколесная арба является предметом высокой техники. Старший брат отправляется в город, продает свои фрукты, покупает пуд-полтора кукурузной муки, несколько аршин бязи и поднимается в орлиные гнезда, где его возвращения ждут с нетерпением.

* * *

Так как центр тяжести горской самобытности, горской рабоче-крестьянской инициативы, наиболее яркое выражение горского характера надо искать в Дагестане, то мы и остановимся на примерах прежде всего Дагестана, а затем коснемся, по мере надобности, других областей, населенных горцами.

Авторитетное лицо, олицетворяющее волю и творческий порыв трудящихся масс Дагестана, председатель Дагсовнаркома т. Джелал Коркмасов говорит:

— Едва ли где-либо так резко выражена связь между географией и историей, экономикой и политикой, как в Дагестане. В действительности эта связь выразилась в беспредельной и тяжелой борьбе за жизнь с суровой природой, в течение 60-ти лет — с самодержавием за независимость, в трехлетней гражданской войне — за социальную революцию и, наконец, в борьбе против разрухи.

Далее тот же товарищ говорит:

— По естественным условиям Дагестан на 4/5 сплошь

заполнен горами и в 1/5 части — равнина, и та почти пустынная, покрытая солончаками или заболоченная (малырийная), или, выражаясь точнее, на языке цифр: из 4.545.343 десятин, составляющих Дагестан, 1.564.084 десятины приходится на голые скалы, 198.500 десятин — камыши, 94.440 десятин — болота, 321.045 десятин — пески, 1.002.730 десятин — пастбища, 704.000 десятин — сенокосы, 182.820 десятин — леса, 24.444 — сады и только 453.280 десятин — пашни, т.е. 1/10 часть всей поверхности, пригодная для земледелия, и то подверженная засухе¹.

Если при этом учесть количество населения, которое превышает миллион, то легко понять размеры и характер земельного голода в Дагестане и причины того, что земледелие тут никак не может быть не только основной, но и вообще сколько-нибудь значительной отраслью народного хозяйства. На первом месте, конечно, стоит скотоводство. Дагестанский горный скот и лошади вполне соответствуют природе и географическим особенностям этой «страны гор». Скот, крупный и мелкий, в довоенное время (по данным Дагнаркомзема) насчитывался в количестве 2.268.866 голов. За время европейской и гражданской войн и голода уничтожено и погибло более 40 процентов. Недавно однодневная выставка по животноводству в Хасав-Юрте, устроенная местными силами, показала горцам следующую поучительную картину:

С одной стороны, горный скот, малорослый, представляющий весьма малую ценность и в отношении молока и мяса, хотя и не требовательный в отношении корма, довольно высоко стоящий в смысле годности для работы, приспособленности к горной местности.

С другой — украинские быки, весом в пять-шесть раз больше дагестанских, немецкие коровы, которые доятся в сутки три раза и дают по несколько ведер молока ежедневно.

То же самое надо сказать о лошадях разных пород, экспонированных наравне с туземными породами на этой выставке.

Эта демонстрация ресурсов по животноводству показала горцам поразительную картину разницы, и, несомненно, она послужит толчком к усовершенствованию и улучшению у себя пород домашних животных.

---

¹ См.: Стенографический отчет 4-го совещания ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей, стр. 157.

Крайнее безземелье сделало дагестанцев в высшей степени изобретательными в борьбе за существование. Одни из них — их около ста тысяч — уходят ежегодно на сторону для работы по найму или же для того, чтобы открыть где-нибудь «дело» вроде кузницы, вроде починочной, лудильной, сапожной мастерской и т. д. Дагестанские оружейники и другие мастера, работающие на золоте, на серебре, те, которые изготавливают газыри из слоновой кости, из рогов, из серебра и железа с золотой насечкой, не только газыри, но и другие вещи удивительно тонкой, изящной, художественной работы, рассеяны по всему Кавказу. Другие остаются в горах, изготавливают весьма высокого качества и в то же время недорогие дагестанские сукна, бурки, войлоки, паласы, ковры и т. п. Есть мастерские-фирмы, которые известны далеко за пределами Дагестана. Османовские и Базалаевские кинжалы известны всему Кавказу. Базалаевская фирма считается более древней и в порядке наследования перешла от деда к отцу, от отца к сыну. Дело тут в том, что семья Базалаев знает никому неизвестный секрет особой закалки стали.

Дагестанские оружейники в старое время обслуживали войсковые части, а дагестанские бурки и сукна тоже закупались в большом количестве для тех же целей.

Огромные перспективы открываются перед Дагестаном в области курортного дела. Талгинские серные источники, по свидетельству специалистов, не имеют себе равных. Природные богатства, залежи свинца, серебра, ртути, серы, нефтяные богатства, пока не разработанные и не эксплуатируемые, просто неисчислимы. Все это в равной степени относится и к Чечне. Тут центр тяжести находится в скотоводстве. Не в пример прочим горским областям количество скота в Чечне еще сохранилось — очевидно, благодаря географическому положению местности. Горная Чечня, в противоположность плоскостной, не была ареной борьбы, и добровольческие банды сюда не имели никакого доступа.

Земледелием занимаются только на плоскости, потому что в горах нет земли для пахоты. Успешно произрастает кукуруза. За время Советской власти, с 1920 года, когда территория Чечни достигла 915.270 десятин, увеличившись на 35 процентов всей довоенной площади, заметно стремление (как и в Карачае, отчасти в Дагестане) перейти к более высоким культурам злака, например,

к пшенице. Правда, при населении в 400 тысяч душ (по статистике 288.536), при наличии, как и в Дагестане и в Карачае, большого количества негодной ни для какой культуры территории (скалы, недоступные горы и т. п.) земельная нужда удовлетворяется лишь на 65—75 процентов. Следовательно, надо думать о каких-то иных источниках к существованию. В настоящее время во всех горских областях наблюдается совершенно незнакомое до сих пор явление: безработица. Огромно количество горцев, которые, по пословице, не имеют «ни кола ни двора». Образование этих кадров ставит перед властью громаднейшие затруднения. Особенно тяжело приходится в зимние месяцы, когда на улицах ближайших к аулам городов можно встретить десятки людей, просящих милостыню. В летние и осенние месяцы, в периоды сенокоса и полевых работ, острота нужды и острота безработицы значительно притупляется. Это явление общее и для Дагестана, для Чечни, для Адыгеи, Кабарды и остальных горских областей.

Нужда, голод, безработица ломают быт. Не до адатсв, «воркхабза», «ёзденлик» становится людям голодным.

Обычаи были особенно крепки у экономически более обеспеченных народов. К примеру, Кабарда, которая всем горским народностям диктовала свои адаты, потому что землей и скотом она была богата, а кабардинские лошади известны всему миру. И зажиточный горец, которому хотелось возвращаться в «хорошем обществе», должен был обязательно ехать в Кабарду, иметь там друзей, бывать у них и принимать их у себя.

Помимо всего этого, нужно учитывать наличие целого ряда моментов, которые нельзя отделить от экономики, без которых невозможно было бы объяснить и осмыслить целый ряд явлений в горском быту.

Необходимо остановиться на этих моментах, которые вносят в наш быт особый колорит, в связи с тем, на плоскости или в горах живет, какую религию исповедует та или иная народность.

* * *

Как видно из предыдущего, есть горная Чечня и плоскостная Чечня. То же надо сказать о Дагестане. Тут имеется еще и приморская (прикаспийская) полоса. Есть осетины-мусульмане, а у них братья — осетины-христиане. Миссионерам Победоносцевых, ранних и поздних, нужно было «спасать» осетинские души, разбивая живое

тело маленького народа на две половины — на христианскую и мусульманскую.

Есть абазинцы-мусульмане, есть у них по ту сторону Кавказского хребта братья — абхазцы-христиане, у которых не смогли убить сознания общности происхождения и взаимного братства никакие религиозные перегородки. Почему? Потому, что и те и другие — дети труда, с общими врагами, со своими эксплуататорами и кулаками, привыкшими извлекать из них все соки, независимо от того, какую религию исповедовали и эксплуатируемые и эксплуататоры.

Есть племена, у которых скотоводство и земледелие, скотоводство и кустарная промышленность, кустарная промышленность и земледелие идут параллельно. Есть чистые кустари, уходящие на чужбину для заработков, скитающиеся далеко за родными рубежами не месяцы, а годы. И все они горцы. И все перечисленные явления, близость и отдаленность к городам, близость к морю — факторы быта. Они обуславливают те или иные особенности его. Они дают ему особый отпечаток, служат, так сказать, его колориту, воспитывают в массах тот или иной способ мышления и оценки вещей, те известные навыки, специфические и характерные для данной обстановки.

Говоря о горском быте, нужно непременно иметь в виду наиболее показательные бытовые черты, свойственные всем или возможно большему количеству народов, глубже и шире их охватить.

Однако нельзя говорить о «горском быте» как о чем-то однородном.

Можно говорить отдельно о быте балкарца, о быте черкеса, салатавца или о быте кустаря, каменщика, пастуха, горца-рабочего с фабрики или завода, рабочего-нефтяника, но размеры нашего очерка не позволяют нам останавливаться на всем этом.

Но так как мы все еще не изжили двух главных институтов, в которых и возле которых создается быт, института семьи и рода, то можно, думается нам, начать наш очерк именно с горской семьи и родового строя...

Род и семья

Еще недавно, лет 20—40 тому назад, горская семья являлась весьма прочной, исправной и стройной организацией, в которой каждому члену отводилось свое собственное место, своя роль, свои обязанности. Эти

обязанности каждый из них выполнял с максимальной добросовестностью, с точностью часового механизма, как предписывали передаваемые от отцов и дедов адаты, потому что никому никогда не приходило в голову их критиковать, говорить об их большей или меньшей целесообразности, не повиноваться им, ибо не повиноваться им никто не был властен.

Семья эта была патриархальная, и главенство в ней принадлежало деду, отцу, старшему сыну, либо же бабке или матери в случае отсутствия старших мужчин, в случае несовершеннолетия членов семьи мужского пола, имеющих право заступить место старших.

Отцу принадлежала роль руководящая, доминирующая, а остальным членам семьи роли служебные, исполнительные. Если отец или дед был стар, то его главенство было номинальным, де-юре, а не де-факто.

В семье, в горской семье, под внешней суровостью отца, деда, дяди, старшего брата имелось в виду покровительство старшего, чувствовались ответственность семьи за поступки каждого члена ее, безусловная готовность и обязанность заступиться всех за одного, а одного за всех.

Отец-горец скуп на нежности, на ласки не только по отношению к взрослым, но даже к детям. Это воспитывало и закаляло стальные спартанские характеры. Он скуп особенно при посторонних. В недрах горской семьи еще могут быть частичные проявления ласки, нежности, но «на людях», открыто — никогда, ни за что.

Это дисциплинировало людей.

Мы помним такой случай, характеризующий, с одной стороны, эти неписанные законы о семейной и родовой дисциплине, а с другой — взаимоотношения двух братьев-горцев, старшего и младшего.

Два родных брата, жившие под одной кровлей, не разговаривали друг с другом. Каждый раз, когда у них начинался разговор по самому ничтожному поводу, он кончался ссорой, доходил до колкостей с той и с другой стороны.

И тем не менее младший брат всегда оказывал старшему требовавшиеся от него по обычаю услуги, вставал и уступал ему свое место при его появлении, не вступал в разговоры там, где старший принимал участие, словом, вел себя так, как подобает младшему.

Старший брат в свою очередь видел, понимал и ценил это. Но никогда ни по какому поводу они не мог-

ли столкнуться между собою. О чем бы они ни говорили — обязательно два разных мнения. Это портит их отношения и сильно огорчало близких.

И вот однажды младший брат в одном общественном месте в результате ссоры с посторонним человеком получает кинжальную рану. Старший, все время следивший за разговором со стороны, с быстротой молнии подбегает к обидчику, который первым обнажил кинжал, наносит ему тоже кинжалом еще большую рану. Он, конечно, не думал в этот момент ни о своей ссоре и неладах с братом, ни о судебном процессе, который мог его скомпрометировать как гражданина и как работника, члена исполкома. «Заигравшая» кровь затуманила ему сознание, и он с легким сердцем занес кинжал над человеком, который ему персонально ничего дурного не сделал. Такова сила власти, невидимой и не всегда ощутимой власти семьи, власти рода, потому что за семьей всегда стоит род...

Мы заговорили о власти рода. Власть рода — это не пустые слова, а самая реальная сила. Ибо родовой строй у горцев не только не изжит, но поныне здравствует. Родовой строй питает и дает соки этой семье. Конечно, в только что приведенном нами случае два больших рода, насчитывающих сотни семейств, были поставлены на ноги, оба были готовы кинуться друг на друга, уничтожить до последнего ребенка из противного рода. Вмешательство других родов и затем состоявшееся примирение положило конец этой вражде, которая могла бы длиться многие годы, если бы не это удачное примирение.

«Тукум ючюн джан алдырган», «Тукумга джан берген» — «Тот, кто отдал душу за род», «Готовый отдать за род, фамилию всю душу», — говорят горцы про того или иного защитника родовой или фамильной чести — одни с завистью и уважением, другие с благоговейным приветом и почтением. И нет звания более почетного, чем то, которое дается спасителю «фамильной чести».

«Намыслы» — тот, кто соблюдает и чтит намыс или намус, приверженный к адатам старины, так же уважаем, как и тот, кто спасает родовую, фамильную или семейную честь.

Намыс означает одновременно и благородство, и

честь, и репутацию, и доброе имя, и уважение к обычаям, и преданность долгу, и достоинство — личное, фамильное, родовое, человеческое и т. п.

Одно слово «намыс» содержит в себе все эти понятия. «Намыс болмаган джерде насыб болмаз» — «Там нет счастья, где нет намыса». «Бизге неда болсун, тукумну намысы тас болмасын» — «Пусть со мною будет что угодно — это не беда, — лишь бы род не лишился своего намыса». «Ахрат азабдан дуния намыс кючлюдю» — «Намыс мира, в котором мы живем, сильнее страха мук, которые ожидают грешника в аду» — вот обычные выражения у горцев, говорящие о том, как они дорожат мнением и честью рода, об их глубокой органической связи с ним.

Заботы о том, чтобы семья не подверглась оскорблению с чьей-нибудь стороны, чтобы род не был унижен в глазах других родов — это входит в круг обязанностей каждого горца, который происходит из того или иного рода. Этого требует «намыс». «Мен тукумсузджуксузмамы?» — «Что я, без роду и племени? Некому за меня заступиться, думаешь?» — с гордостью и задором говорит каждый горец про себя, когда ему нужно намекнуть на готовность рода защитить его. И все помыслы проникнуты сознанием своей кровной связанности с коллективом, надо сказать, близоруким, эгоистичным, неразумным коллективом, который называется родом.

Есть горские фамилии, которые насчитывают до 500 семейств. И каждый горец, член данного рода, является братом каждому другому горцу и горянке, которые происходят из этого же рода. Есть громадные фамилии по несколько сот дворов, в недрах которых за сотни лет их существования не было случая брака между представителями обоих полов.

В Карачае, например, есть старые фамилии: Хубиевы, Баташевы, Алиевы, Биджиевы и др. Каждая из них состоит из нескольких разветвлений. Носить ту или иную фамилию, конечно, не значит быть родственником непременно всем, кто носит ту же фамилию. И тем не менее за сотни лет существования, например, рода Баташевых никто не знает случая, когда бы имел место брак между женщиной и мужчиной, происходящими из этой фамилии. То же самое надо сказать о других фамилиях. И не нужно думать, что о своем роде хлопчат только «уздени», дворянские роды.

Фамильная честь у крестьянских родов, порою то-

же многочисленных и влиятельных, тоже имеющих свои родовые и фамильные традиции, стоит очень высоко. И они гордятся тем, что никогда крепостными крестьянами не были, никому не служили, а, наоборот, были совершенно свободны. И в самом деле, эти «недворянские роды» ничем не уступают т. н. дворянским родам. Не нужно думать, что это именно наблюдается у всех горцев. Сохранение родовой целостности и родовой «чистоты» возможно только вдали от культурных центров, где-нибудь в далекой дагестанской, чеченской или карачаевской глуши. Тут они стараются жить вместе, ближе друг к другу, большими или меньшими группами, «кварталами», причем это название у горцев означает всю территорию, занимаемую данным родом, сколько бы там ни было настоящих кварталов.

Положение женщины

Положение женщины почти у всех народов одинаково неприглядно. Если есть какие-нибудь различия в этом отношении, то такое явление наблюдается в связи с большей или меньшей близостью к русским поселениям, к городам и станицам. Близость города накладывает на горский быт и горскую действительность свой отпечаток, и те горцы, которые живут в городах, естественно, развитее и грамотнее, следовательно, лучше и скорее разбираются во всех вопросах. Положение же горянки, вообще говоря, характеризуется полной зависимостью от окружающих людей. Она целиком находится в руках отца и братьев — до замужества, в руках мужа и его родных — после замужества, и каждый из них считает себя вправе ждать и требовать от нее каких угодно услуг. Дело в том, что в первом случае она «кыз» или «эгеч» («дочь» или «сестра»), а во втором — она «келин», которой сам бог велел угождать всем и каждому. Когда какой-нибудь сердобольный гость пожелает освободить хозяйскую дочь от непосильных и тяжелых трудов и забот по хозяйству, ему обычно отвечают поговоркой: — «Кайгырмаз, кызны кыркджаны барды» — «Ничего страшного, у всякой девушки сорок душ, она все перенесет».

Так смотрят горцы на женщину-труженицу. Но основным вопросом, в котором женщина особенно бесправна, безгласна и безучастна, надо считать вопрос

о замужестве, о выборе жениха. Если наши молодые люди имеют право сказать в 50 случаях из 100, по русской пословице (буквально): «Без меня меня женили», то, думается нам, 99 из 100 замужних горянок может про себя сказать: «Без меня меня выдали замуж».

Однако в наше время, когда ломка старого быта определенно наметилась, наши женщины медленно, но верно начинают прозревать. Бывали случаи за последние годы, когда молодые девушки подавали в исполкомы жалобы на то, что без их участия, желания и волеизъявления родители заключали от их имени неких, брачный договор, рассчитывая на прежнюю безответственность и безропотное повиновение женщин. Удачные протесты одобряют и окрыляют наших сестер и жен.

Не лучше обстоит дело с так называемым похищением невест. Оно заключается в том, что молодой человек, которому понравилась девица, является в дом ее родителей или ловит момент, когда она находится на улице или где-нибудь в гостях, насильственно со своими товарищами увозит к себе и затем уже посылает к ее родителям почетных стариков с предложением дать свое согласие на их брак. Так как в случае отказа девушка рискует утвердить за собою кличку «сүйрельген» (буквально: та, которую волокли), а эта кличка, с точки зрения горцев, является самой позорной, то, естественно, каждая девушка, которую таким способом крали, считается опозоренной, и ее родители торопятся дать свое согласие. Что же получается впоследствии из этого вынужденного брака, конечно, не трудно догадаться.

С другой стороны, не менее печальную роль в жизни и судьбах горянки играет так называемая женская стыдливость. У горцев, в горской среде, работающих постоянно врачей очень мало. ...Если где-нибудь окажется врач, то это целое счастье для всей округи. Но — увы! — только мужчины обращаются к такому врачу за медпомощью, потому что «женская стыдливость» мешает горянке пользоваться врачебной помощью.

Принято думать, что идеалом каждого горца является иметь возможно большее количество жен, тем более что-де даже мусульманская религия поощряет многоженство. Это неверно, потому что, во-первых, у трудящихся масс горцев таких идеалов, конечно, нет, а во-вторых, мусульманская религия не поощряет полигамию. Двоеженство очень редкое, троеженство ред-

чайшее явление в горском быту. Трудовые горцы не позволяют себе этой дорогой роскоши. Ее могут себе позволять богачи, муллы, шейхи и т. п. братья. Ведь эти браки связаны с расходами и затратами, а у горца не всегда бывают деньги даже на удовлетворение самых необходимых крайних нужд своей семьи, на покрытие наготы своих детей. Где тут думать о женах?

Отношение народных масс к этому явлению в одних случаях отрицательное, в других — враждебное. Так, в один аульный политкружок в Карачае попал двоеженец Семенов. В первое время, когда никто не знал об этом, отношение к Семенову было хорошее, товарищеское. Но как только обнаружилось, что Семенов имеет двух жен, тотчас же в политкружке был поднят принципиальный вопрос о том, в какой степени допустимо пребывание двоеженца среди членов политкружка, который дает политическую и общеобразовательную подготовку товарищам, определенно и бесповоротно ставшим на платформу Советской власти, а в большинстве мечтающим попасть в ряды РКП(б). Вопрос был разрешен в том смысле, что нет места в политкружке человеку, опозорившему себя многоженством, и Семенов был оттуда исключен.

Но, с другой стороны, в некоторых областях, населенных горцами, к многоженству относятся терпимо. Порою даже на советской работе можно встретить горца, имеющего двух жен.

— Что с ним поделаешь, — говорят, — когда он все время находился в наших рядах и был грозой белых, шел впереди красных партизан.

Такова горская действительность. Сочетание и смесь самых невозможных и непонятных на первый взгляд противоречий.

О калыме

Нет в жизни горцев другого явления, связанного с положением женщины, на которое бы обращалось столько внимания, сколько на этот пресловутый калым.

Калым — это материальное обеспечение мужчиной женщины, женихом невесты на тот случай, если бы они не сошлись характерами, если бы оказалось, что им необходимо разводиться. Но, во-первых, тот, кто не

имеет средств для того чтобы уплатить калым, не может жениться; во-вторых, малосостоятельный горец, которого женили родители или «хозяева» (у которых он находится на работе) — бывают и такие «благодеевня» — против его желания, не может развестись, не уплативши калыма. Таким образом, калым, против которого в некоторых случаях действительно нельзя возражать, и «либеральный» мусульманский брак с легкими разводами является привилегией богатых и состоятельных. А эти последние женятся, разводятся, имеют по нескольку жен, одну в одном ауле, другую в другом и т. д., потому что состояние позволяет кулакам и богачам «баловаться».

Есть еще другое явление, которое неразрывно связано с вопросом о калыме. Это — вопрос о берне.

Берне — это вся сумма подарков, которые невеста должна преподнести родным жениха. При поднесении берне ни один родственник не должен быть забытым. Размеры берне зависят чаще всего от размеров калыма. Помимо калыма, в определении берне играют роль большая или меньшая знатность рода, состоятельность семьи, затем, для какой дочери — старшей, средней, младшей — требуется берне. Если требуется для старшей, то надо сделать так, надо дать все, чтобы берне удовлетворил всех родственников и главное — родственников жениха, потому что, если мужчина будет недоволен подношениями, он не пойдет на улицу об этом рассказывать. Если женщина будет ими недовольна, она будет кричать, она прожужжит все уши. Именно этим обстоятельством объясняется сугубое стремление родственников невесты, чтобы родственницы жениха были довольны. Но это очень редко удается. Угождение женщинам, алчным до подарков, — почти невозможное дело. В чем же обычно заключается калым и берне? Калым дается обычно в виде скота, лошадей, денег. А берне заключается в одежде и платьях для мужчин и женщин, в серебряных и золотых вещах, в обуви и т. п.

Пережитые горцами войны, революция, голод и все потрясения, с ними связанные, наложили свой отпечаток на характер берне и калыма в настоящее время. В прежних размерах уже не встречается ни того, ни другого. Если калым еще кое-как существует, то берне начинает окончательно исчезать. Не пройдет и десяти лет, и освобожденный от всех этих ненужных,

вредных бытовых наслоений горец-труженик вздохнет полной грудью и обратит все силы и средства на свое дальнейшее развитие.

Кровная месть

Самым ужасным, самым варварским пережитком, проявлением величайшей дикости в горском быту надо признать кровную месть.

Кровная месть — это веками освященное право родственников, и прежде всего сыновей и братьев убитого, отомстить за гибель близкого человека. Статистика Чеченского областного здравотдела отмечает огромное количество телесных повреждений, вывихов и т. п., зарегистрированных в аулах Чеченской области. Это говорит о том, что люди некультурные, в массе дикие, порою праздные, свои досуги проводят в диких забавах, заполняют «играми», «стрельбой» и т. п., в результате которых так часто бывают телесные повреждения, членовредительство и даже нередко случаи смерти. И эти случаи смерти никогда даром не проходят тому, кто имел несчастье быть их даже невольным виновником. Невольного виновника все равно ожидает такое же возмездие, как и сознательного убийцу, совершившего преступление с заранее обдуманном намерением. Случаи прощения крайне редки.

Нельзя не отметить, что кровная месть в настоящее время существует не у всех горцев. Некоторые ее совершенно изжили. У черкесов, увидевших у себя полное, всестороннее развитие феодализма, кровной мести нет. У балкарцев, кабардинцев, карачаевцев, ногайцев, абазинцев — нет. Имеют место единичные случаи мести убийством за убийство родственника, но это не делается открыто.

Мщение, так сказать, «по всем правилам», с соблюдением полного ритуала мести, с соответствующим предупреждением «подлежащих смерти» лиц, что их ожидает, можно встретить до сих пор у чеченцев и ингушей, которых русские застали на Кавказе, когда у них еще не было намека на близость феодализма. Весьма щепетильны в этом вопросе до сих пор кумыки. В Дагестане тоже не изжита кровная месть. Но она различно осуществляется у различных народностей. Ингуши и чеченцы прямо говорят своим врагам: «Мы вас убь-

ем, вы наши кровники. Да не будет убийство для вас неожиданностью. Знайте заранее, что вас ожидает». После этого уже начинается слежка врага для того, чтобы его «прикончить». Предпочитается акт мести совершить над прямым, непосредственным виновником-убийцей.

Только в крайнем случае, в случае смерти его от болезни, в случае его исчезновения куда-нибудь, словом, в случае, когда он становится недосягаемым, можно мстить его ближайшим родственникам, хотя бы они ни в чем не были виновны поред лицами, правомочными мстить. С точки зрения народных взглядов, мстить имеет право в первую голову старший сын убитого. В случае его малолетства ждут достижения им совершеннолетия, торжественно объявляют ему, какая обязанность на нем лежит. Никто из родственников не смотрит на право мести как на нечто тяжелое и трудное, как на неприятный долг. Тот, кто не воспользовался «правом» мести, предается презрению. Его корят даже женщины.

В Дагестане и др. местностях нет этого стремления во что бы то ни стало соблюдать «чистоту» мести или совершить ее непременно своими руками. Конечно, никто ничего не имеет против того, чтобы мстить кровнику своими руками, если будет для этого подходящее место и случай. Но вообще тут предпочитают прибегнуть к услугам наемных рук, которые за приличную мзду все же находятся.

После всего сказанного выше вполне естественно было бы задать один вопрос:

— Все это так, очень плачевно, что так. Но что же делает мусульманское духовенство с его влиянием и авторитетом в глазах народных масс?

Ничего. Мы ни разу не слышали, чтобы муллы и шейхи когда-нибудь вели борьбу, говорили проповеди против этого неслыханно зверского взаимного истребления.

Нам думается, история этих народов, героическими усилиями пробивающих пути к лучезарным далям, никогда не простит этим сытым и упитанным имамам и назовет их теми именами, которых они более всего заслуживают. Она назовет их теми, кто эксплуатирует его невежество и умышленно, преступно, в своекорыстных интересах тормозит его развитие и ведет к гибели.

Отношения между сословиями

Мы уже сказали, что дворянство, феодальное дворянство, совершенно законченное, с князем-сюзереном во главе, с вассалами первой степени, второй степени и т. д., к моменту появления русских на Кавказе имело только у черкесов и кабардинцев. Одни горцы остановились в периоде родового быта, другие успели пройти некоторые этапы, приобрести лишь некоторые признаки феодального строя, третьи пошли по этому пути еще дальше, появились у них атрибуты сословности и сословия: княжеское, дворянское, крестьянское. В отношении культуры, интеллектуального развития между теми, другими и третьими большой разницы не было. Различие в их положениях было в том отношении, что князья из своей среды имели офицеров русской службы, они имели некоторый, относительно свободный, доступ в военные и иные учебные заведения, успели выдвинуть из своих рядов некоторую видимость интеллигенции. То же самое надо сказать о сословии дворян. Что же касается горского крестьянства, то оно меньше всего выдвинуло из своей среды людей интеллигентных, потому что оно меньше имело доступа в учебные заведения для своих детей. В кадетские корпуса и иные военные, учебные заведения крестьян-горцев совершенно не принимали.

Только зажиточные крестьяне могли отдавать своих детей в гимназии и обучать в университетах. Но взаимоотношения князей, дворян и крестьян характеризовались взаимной скрытой враждой, которая крайне редко прорывалась наружу. Князья расценивали себя как избранных божьих, которые-де, конечно, имеют право смотреть с известным высокомерием на «дворянчиков» и «холопов». Дворяне (уздени), в свой черед признавая, конечно, известные преимущества князей, их некоторые «заслуги» в прошлом, все-таки находили, что солью горской земли, настоящей солью, в конце концов, являются только они, не «князьки» (чанкала) и «холопы». Крестьяне, создающие благополучие и тем и другим, оскорбляемые на каждом шагу, в свою очередь недоумевали и не понимали секрета такого отношения к ним. Они таили и воспитывали в глубине души чувство справедливой обиды, которое все росло и росло по мере роста и углубления сознания и своих прав, и своего человеческого достоинства.

Сословные притязания и высокомерное отношение к крестьянству проявлялись (до революции) в двух случаях: во-первых, во время всевозможных выборов на различные общественные должности — старшин, доверенных, т. н. депутатов горских судов и иного «начальства». В моменты этих выборов всегда выдвигали на общественные должности, на службу в «хлебных» и «доходных» местах исключительно князей и дворян, не считаясь ни с умственными способностями и знаниями, ни с их служебной честностью и добропорядочностью, ни с теми возможными нежелательными, порою «гибельными» последствиями для дела, которое им поручалось. Говоря попросту, выбирали взяточников и казнокрадов, а горское крестьянство от общественной работы оставалось в стороне. Людям умным, толковым, честным мешало выдвигаться и занимать общественные должности их крестьянское происхождение. Это было ясно для всех. Одни находили такое положение нормальным и полагали, что иначе не должно и не может быть, другие, затаив в душе обиду, ждали лучших времен.

Но не только во время выборов попирались права и человеческое достоинство горских крестьян. Они в еще большей степени подвергались оскорблениям в другой области, уже вскользь задетой нами выше. Князья находили для себя слишком унижительным не только выдавать за крестьянских юношей своих дочерей, но даже говорить, думать, допускать малейшую мысль об этом. Горские дворяне, которых в свою очередь третировали те же князья, старались подражать им и тоже отказывались «родниться с холопами». Много было случаев похищения княжеских и дворянских дочерей сыновьями крестьян, и на этой почве столкновения почти всегда бывали с человеческими жертвами. «Обиженные» и «оскорбленные» родители-князья и дворяне очень мало считались с тем, что их дочери с «холопами» удирали совершенно добровольно, без всякого принуждения с чьей бы то ни было стороны. Да и какое тут принуждение и насилие могло быть над девушкой из влиятельного и большого рода? Абсолютно никакого. Насилия творились, главным образом, над девушками из слабых, невлиятельных и немногочисленных фамилий.

Таковы были взаимоотношения между сословиями на фоне горской действительности, горского быта в прошлом. Ну, а каковы эти взаимоотношения теперь, в обстановке советской действительности? Ясно само

собою, поощрять, поддерживать нелепости, пережитки и несуразности периодов родового строя и феодализма Советская власть не может. Но, поскольку трудящиеся массы горцев отказываются от этих пережитков и несуразностей, тормозящих творческую советскую работу в горской среде, задерживающих переход к новым формам жизни, к справедливости в быту, в сфере общественных отношений, Советская власть поддерживает и будет поддерживать все передовые элементы горских масс и в первую очередь, конечно, рабоче-крестьянские. В этой области горский быт трещит и ломается. О преграждении доступа к общественной, советской работе людям честным, способным, людям яркой определенной советской ориентации, что и говорить, не может быть речи. Юноша-крестьянин имеет право искать подругу жизни, где пожелает, и никакие законы родов, традиции фамилий в этом отношении не могут стать поперек дороги. Все честные и мыслящие элементы горцев приветствуют эту возможность.

Роль и место духовенства в горском быту

Еще раз повторим уже однажды высказанное нами положение: горцы находятся на различных ступенях культурного и экономического развития. Одни из них поставлены в более, другие в менее благоприятные условия для своего нормального роста.

Отсюда — различная степень влияния горского мусульманского духовенства на наши народные массы. Отсюда — различная роль духовенства в быту горцев. Чем дальше находится горский аул или горское поселение от культурных городских и фабрично-заводских центров, от железной дороги, тем консервативнее быт, инертнее и коснее массы, тем влиятельнее, авторитетнее, бесконтрольнее духовенство, тем сильнее религиозное влияние. Для большей наглядности можно взять любой плоскостной аул Адыгеи и Карачая, с одной стороны, и горный аул в Дагестане или Чечне — с другой.

На плоскости для бесконтрольного хозяйничанья мулл нет подходящих условий, или, вернее, эти условия у духовенства уходят, да, медленно, но верно уходят из-под ног. В горной же глуши Дагестана, Чечни или того же Карачая, где-нибудь в верховьях реки Дару, мулла держит население в своих руках. Он терро-

ризирует адом и вечными муками, держа в руках Коран, за невыполнение заповедей его. Он обещает счастье райского бытия тем, кто верен заветам ислама.

О безапелляционном доверии к духовенству можно говорить там, где кроме него нет других сил, которые бы, так сказать, вносили коррективы в его проповеди, в его угрозы адом, в его соловьиные рулады. Наиболее трезвые элементы горцев отлично видят, что эти субъекты, носящие чалмы и перебирающие длинные четки, вовсе не безгрешные, не святые люди.

Горская пословица гласит:

— Не делай того, что делает мулла, а делай то, что он проповедует.

Почему? Потому, что хорошего он делает очень мало, хотя поет рулады, которые людям трудящимся, людям усталым, жаждущим отдыха и забвения, так приятно бывает слушать иногда — слушать о тысячах и миллионах «суабов»,¹ за которые-де воздастся сторицей. Помнится собственное детство — возраст от 7 до 12 приблизительно лет, — когда для пишущего эти строки слушать «ауаз берген» в мечети (поучение о добрых делах и откровения о наградах, которые ждут мусульман за эти дела) было величайшим наслаждением. Вспоминая эти отдельные моменты времен детства, вполне оцениваешь, какой поистине страшной силой является духовенство, каким неограниченным доверием может оно пользоваться там, где нет ему никакого противодействия. Но так как противодействия ему все-таки очень мало, то это страшное орудие, страшная сила, остается в его руках. И едва ли когда-либо для доброго дела оно употребляется.

Духовенство пишет дуа², дает амулеты, освобождающие от всех пороков, избавляющие от всех бед и несчастий, от всех болезней. Оно обещает вам любовь женщины, которая на вас смотреть не желает. Оно гарантирует женщинам возможность видеть у своих ног тех мужчин, которые им нравятся. Оно знает средство помочь, если у вас заболела корова или занемог теленок, и это средство заключается в тех же амулетах и дуа. Если ваш ишак вечером не вернулся в стойло,

---

¹ Су а б и ш — доброе дело, дело благодеяния. Суаб — единица измерения добрых дел, благодеяний, а иногда — просто доброе дело, филантропия.

² Ду а — молитва, написанная на клочке бумаги, амулет.

если он остался в поле, в лесу, на вершине горы, в опасном и страшном месте, то опять мулла к вашим услугам. Он напишет вам такое дуа, что после этого вашему ишаку никакие волки и медведи не будут страшны: когда они увидят это заблудшее животное и вздумают его съесть, то у них челюсти откажутся им повиноваться, зубы перестанут действовать. Они будут в бессилии прыгать и теревить ишака, но не в состоянии будут его съесть или причинить ему вред. Ваш ишак к вам вернется цел, здоров и невредим.

Но для всего этого необходимо одно условие: исполнение требований, которые в интересах дела, его успешности мулла предъявит. Белого ли барана, черного петуха, рыжего теленка — все равно надо доставить, иначе ваша возлюбленная к вам останется холодной по-прежнему и нечего рассчитывать на удачу в делах любви и в делах торговых.

Но в горской среде, как и во всякой другой, достаточно людей, жаждущих успехов в делах. Поэтому, понятно, каждому хочется гарантировать и любовь женщины, и целостность ишака, и здоровый рост теленка и т. п. Отсюда — обилие «урожая» и летом и зимой для духовенства. Сыр, масло, яйца, локумы; хычины, куры, барашки, деньги, словом, подношения всякого рода и вида.

Таким образом, роль духовенства и место, занимаемое им в горском быту, в горской действительности, остаются почти прежние. Духовенство уже теперь чувствует, что его царству близится конец, и, когда он придет, некому будет помянуть его добрым словом. При всей своей тупости и ограниченности, оно великолепно чувствует и хорошо знает, что про него может сказать и, по всей вероятности, скажет история.

Шариат и горцы

Советская власть предоставила всем горцам право сохранения у себя шариатских судов, право пользования шариатскими нормами в горской действительности. Однако не все горские народы пожелали иметь у себя шарсуды, не все прибегают к шариатской мудрости для разрешения своих дел, тяжб и споров. Шариатские суды имеются лишь в Чечне, самой отсталой из горских областей, да в некоторых округах Дагеста-

на. Шариатской юстицией в остальных случаях горцы пользуются (и то частично) в вопросах о наследстве.

Нет, говорят, худа без добра. И то, что шариатская юстиция проводится и осуществляется муллами, с нашей точки зрения, очень хорошо: муллы ее так скомпрометируют, что массы в скором времени поймут все преимущества молодой советской юстиции, советских судов перед шарсудами, где сидят те же невежественные, алчные, но — увы! — влиятельные муллы. Они поймут раз и навсегда ненужность шариата. Регулярное, ежедневное участие мулл в таком живом, всех интересующем деле, как правосудие, в скором времени покажет всю безалаберщину, неуместность в XX веке, в первой Пролетарской Республике, существования такого анахронизма, каким надо безусловно признать и шариатские суды и шариатскую юстицию в целом.

Об адатах горцев

Адастов, неписанных законов, обязательных для каждого горца, очень много. Не всякий знает все горские адаты и не всякий знает тонкости и детали известных ему адатов. Адаты — наследие родового и феодального строя. У тех народностей, где утончение элементов феодализма достигло высших степеней, адаты наиболее сильны, разнородны. В отношении верности адатам, точности их соблюдения всегда впереди всех народностей шли кабардинцы. Недаром Кабарда считается родиной и законодательницей всех адатов.

Гостеприимство, почтение к старшему, почтение к женщине, навыки взаимопомощи, товарищеские услуги, услуги соседу и многое другое, что обозначается одним словом — воркхабза (т. е. соблюдение правил, обязательных для дворянина — ворка, но это имеет значение более широкое и принципиальное), — все это, развитое до тончайших мелочей, можно было видеть в старой дореволюционной Кабарде.

Может быть, именно благодаря тому, что развитие этих обычаев дошло в Кабарде до своего логического конца, началась реакция против них, отступление от них, может быть, именно поэтому Кабарда ранее, чем у других горских народностей, революционизировалась и стала под красные знамена, изгнала своих князей и помещиков.

Адаты горцев подвержены тем же испытаниям, что и весь быт горцев в целом, весь строй горской жизни. Адаты медленно, но верно на наших глазах изживаются, уходят в прошлое. Порою этот процесс освобождения от власти адатов принимает болезненные формы. Старикам, приверженным и тянущим (не всюду, впрочем) к старине, больно смотреть на гибель всего того, на чем, по их мнению, стоял старый мир. Они недружелюбно смотрели на те обязанности, которые гражданину в порядке ударности, в порядке чрезвычайности приходилось выполнять в годы революции.

Но горская революционная молодежь, порывающая с прошлым, приветствует приближение нового мира, установление новых форм жизни, утверждение владычества труда и, не сокрушаясь об умирающих обычаях, идет навстречу новому миру, вперед и вперед.

О чем мало думают

О бесчисленных лишениях, страданиях и скорбях горца, о тяжелом, упорном, повседневном, кропотливом труде без просвета, без надежды когда-либо увидеть собственными глазами лучшую жизнь, получить когда-либо по своим заслугам, в меру своих каторжных, часто почти нечеловеческих трудов, которых никто никогда не учитывал, никто не измерял часами.

Говорить ли о пастухе-горце? Из чего складывается и чем определяется его быт?

Прежде всего, пастух-горец безземелен. Это обстоятельство держит его в вечной кабале у тех, кто имеет землю у его ближайших плоскостных соседей. Он должен заискивать перед ними. Но так как пастухов много и они всегда ищут или летников, или зимовников, или отавы, или пастбищ, или место для коша, временного или постоянного, чтобы его козы и овцы не погибли от холода и бескормицы, самого заурядного в пастушеском быту явления, — то ему приходится среди соседей искать «друзей» и «знакомства», чтобы лучше «устроить» свой скот на зиму, на осень и т. д.

Очувившись в городе, он вспоминает о семье, покупает пуд-другой кукурузной муки, 8—10 арш. бязи, чтобы покрыть наготу своих детей. А дети и жена тем временем справляются у всех соседей и одноаульцев, приезжающих с коша, о главе семьи, об отце и

муже, о его делах, да о том, не сумеет ли он как-нибудь приехать хотя бы на несколько дней.

Маленькая, характерная для судьбы темного, неграмотного пастуха сценка.

Жена давно уже отсутствующего Османа у соседа наведывает «хапары».

— Так ты, Фердаус, спрашиваешь, не сможет ли Осман приехать? — спрашивает он в свою очередь. — Как, то есть, приехать? Разве ты не знаешь, что в такое время, в разгар сенокоса, оставлять «дело» — значит потерять все? Как видишь, приехать сейчас он никак не сможет. Кто в такое время оставляет скот? После сенокоса начнется стрижка овец. Когда кончится стрижка у него и его кошевых товарищей, то поедут в город, свезут на базар шерсть, продадут ее и купят для вас кукурузы на зиму и бязи. Пришлют вам и немного шерсти, чтобы вы тут без мужей не сидели сложа руки от нечего делать.

— Ну, как он, здоров? Ничего? — пытается она услышать что-нибудь о своем муже, а не общие фразы, в одинаковой степени относящиеся ко всякой пастушеской семье.

— Здоров ли он? Да как тебе сказать? Да, здоров, конечно, как мы все. До здоровья ли сейчас, когда кругом свирепствует ящур и скот погибает целыми стадами? Говорят о врачебной помощи, будто ее можно получить в городе. Наши ездили туда и вернулись ни с чем: так и не сумели найти по адресу доктора, который скот лечит. Эх, тяжело быть неграмотным! Как тяжело, как тяжело! Думаю, что это хуже, чем быть слепым.

— Что ты, Канамат! Аллах айтмасын! — Не дай бог, — заметила женщина, не понимая, в чем дело.

— Да, хорошо вам, женам, живя тут, в ауле, так рассуждать! Все здесь свои. Все тебя понимают. С каждым можешь объясниться. Никто тут не откажется с тобой разговаривать. Один писарь тебя не поймет, но с писарем тебе и не о чем говорить. А там? Там иное. Недаром пословица говорит: «Лучше среди гяуров быть сильным, чем слабым и беспомощным». Это особенно чувствуешь в городе, когда у тебя забот и поручений по горло, объясниться сам не можешь и помочь тебе некому. Продаешь шерсть, продаешь барана, — в деньгах ничего не понимаешь. Деньги новые,

видишь первый раз. Тарыха (цифр) не разбираешь — непременно обжуют.

Темнота — непроглядная. Но в это темное царство уже начинают проникать лучи света. Самое главное — чтобы трудящиеся почувствовали разницу между тем, что было вчера, и тем, что есть сегодня и будет завтра, — уже достигнуто. Сотни молодых горцев учатся сейчас в Красной Москве и других городах СССР. Сотни горцев увидели в минувшем году Всесоюзную с.-х. выставку. Теплый прием и внимание, оказанные им в Москве, уже сказываются в настроениях горцев и будут впредь сказываться. Увидев однажды Москву, они никогда не забудут этого сказочного сна, времени пребывания там.

И, сидя на голом, холодном камне, при свете сосновой лучины, грея на костре свои замерзшие ноги, в дымной и неуютной пещере, на кошу, десятки горцев будут рассказывать изумленным слушателям про этот сон наяву. И никакие работы агитпропов не произведут такого действия в умах и сердцах горцев, как эти бесхитростные рассказы простых людей, имевших счастье своими глазами увидеть Мировую Красную Столицу.

З а к л ю ч е н и е

Горские народности сейчас на распутье.

Им пришлось испить полную чашу обид, оскорблений, унижений, несправедливостей, пройти долгий тяжелый крестный путь, прежде чем дойти благополучно до октябрьских дней, приступить у себя к укреплению завоеваний Великой Пролетарской Революции.

Вся история горцев, Кавказская война, продолжавшаяся 60 долгих, мучительных лет, послевоенная история горских народностей, их неоднократные героические и безумные попытки снять с себя ярмо царизма, жесточайшими способами подавлявшиеся, почти 60-летняя опека приставов, жандармов и полицейских не могли пройти даром для горцев, впечатлительных и одинаково помнящих добро и зло, им сделанные.

Все это и систематическая, неуклонная политика всяческого развращения горцев не способствовали воспитанию и развитию у горцев гражданских и человеческих добродетелей, разрушали устои их нравственного бытия, не давая взамен ничего. Все перечислен-

ные явления оставили в умах и сердцах горцев глубокие следы.

Но, несмотря ни на что, несмотря на все испытания, через которые пришлось им пройти, на некоторые нездоровые явления, наблюдающиеся в нашем быту, горские народные массы сохранили удивительную жизнеспособность, нередкие порывы непосредственного благородства, стойкость в борьбе, любовь к свободе, готовность за нее пострадать.

И это горские трудящиеся массы, за исключением ничтожной горсточки белых эмигрантов, обманутых и введенных в заблуждение генеральскими агентами и холопами, доказали и запечатлели кровью сотен и тысяч своих сыновей, сложивших головы за правое дело рабочих и крестьян, за владычество труда над всем миром, за освобождение всех угнетенных.

Наличие этих явлений, крайнее упорство в борьбе, трудолюбие, высокая природная одаренность, восприимчивость и впечатлительность горцев — порукой тому, что все нездоровые явления горской жизни будут изжиты, переустройство быта, переход от горской «домостроевской» патриархальной семьи к новой, жизнерадостной, без принуждения и насилия, без слез и цепей, без адатов и глумлений, произойдет совершенно благополучно.

Мы приветствуем счастливое «завтра» горских народностей, приветствуем идущий к нам уверенной стопой новый, лучезарный, многокрасочный, радостный быт.

АДАТ И ШАРИАТ

Есть у классового врага пролетариата в аулах горских национальных областей Северного Кавказа два старых союзника, отживающих свой век, но, тем не менее, не желающих умирать. Имя этим союзникам нашего классового врага — адат и шариат.

А д а т — это веками сложившийся бытовой уклад (патриархально-бытовой, феодальный...) той или иной горской народности, неписанные правила поведения и понятия о дурном и хорошем в семье и в общественной жизни.

Адат — неписанный закон, имеющий многостолетнюю давность.

Но это такой неписанный закон, незнанием которого никто не может оправдываться.

Передаваясь от поколения к поколению, адат сохранился до нашего времени. Он имеет у каждой народности свое название, свои разновидности, свои оттенки. Такими разновидностями адата являются «намыс» или «намус», «ёзденлик» — у народов тюркской группы (балкарцы, карачаевцы) и хабза, адыгехабаза или воркхабаза (у кабардинцев, адыгейцев, черкесов).

Местом, где горская молодежь получала воспитание в духе адата, намыса, хабза и т. д., являлась горская кунацкая. Кунацкая (у черкесов — хашет) происходит от слова кунак — гость. Она обставлялась и обставляется соответственно материальным возможностям хозяина. Она по преимуществу строилась в одном дворе с жилищем домохозяина, но чаще всего отдельно от него, чтобы гость не чувствовал стеснения. Гостю отводилось лучшее место в кунацкой, а если гостей было несколько, то лучшее место отводилось по старшинству гостей и «знатности» их рода. Гостей имеет право посещать любой житель аула, но садиться с ними имеют право только старики. Старики имели право садиться за общий стол и с князем, но так, чтобы они «не забывали», где и в чем обществе находятся.

В кунацкой, где старшие сидят, а младшие стоя подпирают стены, потому что сесть не имеют права, протекают мирные и нескончаемые разговоры на всевозможные темы, от международных вплоть до мелких аульных сплетен, причем все это происходит в изысканных тонах, чтобы каким-нибудь грубым словом не оскорбить слух гостя, порою иносказательно, чтобы можно только догадаться. В кунацкой, если даже сидят два врага, абсолютно не слышно ни одного грубого слова и какого-нибудь проявления неуважения к кому бы то ни было.

Старики беседуют, а молодежь слушает, наматывает на ус. Одобряет она или не одобряет тот или иной случай, здесь переданный, — не имеет права говорить. Парни слушают, опершись спиной о стену, а одна или обе руки слушающего лежат на рукоятке кинжала, и сам он только меняет время от времени позу.

Гости и старики кончают кушать, произносят: «Алхамдулилла!» («Благодарение богу, давшему нам эту сытость и обилие»), — и молодежь дает старикам умыть руки после еды, убирает остатки со стола и сама располагается на полу «как-нибудь», чтобы доедать остатки.

Если гость, учитывая солидность возраста кого-либо из стоящих, предложит сесть, тот отказывается, приговаривая:

— Ягачынькум! Ягачынькум! — (Ничего, ничего, не беспокойтесь.)

Если же он сядет наконец, то только после пяти-шестикратных повторений гостя, поддержанных и хозяином.

В богатых и «родовитых» домах не было дня, чтобы там не было гостей. Стало быть, кунацкая такая кузница воспитания, такая школа, которая работает непрерывно, не зная «каникул». В этой непрерывности сила и значение кунацких, которые дают законченное адатное воспитание лучше всякой официальной школы.

Шариат—это сборник религиозных мусульманских законоположений, регулирующих взаимоотношения людей в семье и в общественной жизни. Шариат — это дополнение к Корану. Следовательно, он — закон писанный.

У горцев шариат является продуктом «импортным», т. е. чужеземным, занесенным вместе с мусульманской религией, в противоположность адату, который является продуктом местного происхождения. У горцев-мусульман адат древнее, старше шариата по возрасту. До появления шариата, до проникновения ислама (мусульманской религии) в горскую среду адат властвовал нераздельно.

В первое время, после принятия теми или иными горскими племенами мусульманства, шариат или, вернее, его толкователи и популяризаторы, те, что держали «божью книгу в руках», вступали в борьбу с наиболее цельными, «ортодоксальными» защитниками адата.

Но это лишь в первое время. Очень скоро защитники шариата и адата заключили мир между собой, ужились и сжились, прекрасно дополняя друг друга, помогая друг другу. И те и другие поняли, что единый фронт адата и шариата даст гораздо больше земных благ и барышей, лучше обеспечит им влияние на малокультурные массы, чем междоусобица их сторонников. Поэтому-то последние решили подать друг другу руки и начали сотрудничать. Так было заложено начало союза адата и шариата.

Если где-нибудь шариат не успел докалечить людей, то адат приходил ему на помощь. Если адат в деле угнетения и эксплуатации трудящихся женщин, молодежи не справлялся со своей непочетной задачей служения сильным, богатым, «знатным» и привилегированным, то шариат со своими статьями и параграфами и Коран, на ба-

зе которого построен и весь шариат, со своими сурами и аятами¹ приходили на помощь своему собрату.

Монополистами адата были светские эксплуататоры — купцы, князья, дворяне, имущие, монополистами шариата — эксплуататоры духовные — муллы, шейхи, муэдзины...

Таковыми уцелели и такими дошли до советских дней два верных союзника врагов Советской власти — а д а т и ш а р и а т.

В чем же конкретно адат выражается? «Выражений» конкретных у него много. Но наиболее распространенным, пожалуй, является закабаление женщины. Женщина по адату обязана мужчине услуживать, угождать. Девушка должна молчать и повиноваться, когда отец, брат, дядя, опекуны выбирают для нее мужа. Она не только не имеет права протестовать, но даже одним словом она не должна вмешиваться в это дело.

Плохо в горской семье, живущей по адату, младшим. Старшие могут им давать какие угодно поручения, и младшие должны исполнять их, они обязаны исполнять всякие требования старших. Младший брат не имеет права жениться, если не женат старший. Младшая сестра должна ждать замужества до тех пор, пока не вышла старшая. Нарушение этого житейского правила считается оскорблением для старшей сестры и брата.

Таких «выражений» адата много, и всего здесь не перечислить. Шариат «целесообразность», «необходимость» всего этого подтверждает и «именем бога» подкрепляет.

«Территория» или сфера ведения шариата не менее обширна и более доходна, чем у адата: вопросы венчания и брака, погребение умерших, раздел наследства, читка всяких молитв над могилой покойника; примирение тяжущихся, деятельность особых шариатских судов, ныне, правда, уже ликвидированных, кажется, всюду в горских областях, — все это отдельные статьи дохода носителей шариата — мулл, муэдзинов и т. п. Правда также и то, что эти доходы с каждым годом становятся все меньше и меньше, но все же и теперь достаточно получают духовные жулики «законными», незаконными, а часто совсем открыто мошенническими путями, всякого добра и натурой и деньгами.

В первые годы Советской власти в горских областях мы терпели шарсуды, или шарнатские суды. Для чего это

---

¹ Суры — отдельные главы Корана. Аяты — отдельные разглашения, суждения нравственного характера в этих сурах.

было нужно? Дело в том, что разрешение шарнатских судов помогло быстрой дискредитации их перед массами. Неразрешение их было бы поводом для провокации против Советской власти.

Чем же они себя дискредитировали? Взятками, лихоимством, кумовством, дурацкими приговорами с присуждением к розгам.

Так, в 1923 году по постановлению Чеченского областного шарнатского суда, комсомолец Хаджиев был приговорен к избиению розгами. И комсомолец Хаджиев, ни в чем неповинный, был раздет сумасшедшими дикарями и высечен по всем правилам дикарского искусства, открыто и как будто «на законном основании».

Невероятно, но факт. Ясно, что подобный приговор не мог не послужить во вред тому же шарнатскому суду.

Таков шарнат, поддерживаемый адатом.

Горские области, наравне со всеми другими частями великого, необъятного Советского Союза, наравне со всеми его народами, имеют свою пятилетку хозяйственного строительства. Но есть у горцев помимо всего прочего и неписаная 5-летка бытовая. Будем надеяться, что эта неписаная 5-летка сметет адат и шарнат без остатка, ибо ведь адат и шарнат не на шутку мешают строительству социализма в национальных областях, тормозят его.

До сих пор принято говорить о религиозных фанатиках и религиозном фанатизме и совсем не слышно о фанатиках адата и адатном фанатизме. А между тем, адатный фанатизм ничем не лучше религиозного.

О значении адатного фанатизма свидетельствует горская пословица: «Ахрат азабдан эсе дуня намыс кячлюдю». Это значит: «Намыс мира — сильнее мук, ожидающих грешника в аду». Мораль эта на первый взгляд даже как будто атеистическая, безбожная, на самом же деле направлена к такому же порабощению и угнетению человека человеком, что и религия ислама: черт желтый ничем не лучше черта синего.

Именно поэтому наш долг — помочь освобождению горских трудящихся масс от пут и адата и шарната.

ШАХСЕЙ-ВАХСЕЙ И РАБОЧИЕ-ТЮРКИ

(Впечатления от рабочего собрания)

В скором времени наступают траурные дни шахсей-вахсей, сущность которых заключается в следующем:

ежегодно, в месяце Мухарраме¹, правоверные мусульмане шиитского толка исполняют известные религиозные обряды в продолжение десяти дней, посвященные плачу по убиенному за дело шиитизма имаму Гуссейну и его приближенным, ярим приверженцам этого учения, нечестивыми Шумером и Изидом.

Помимо усиленного посещения верующими в течение этих десяти-пятнадцати дней мечетей, эти обряды заключаются в биении себя по голове и груди и других видах самобичевания, в пролипании слез по погибшему имаму, в хождении организованными рядами по улицам, стараясь воспроизводить при этом детали и обстановку, в которой так трагически погибли имам Гуссейн и его адепты за правое дело.

Этот изуверский фанатизм достигает своего апогея в последний день этих десяти дней, так называемой «ашуры»², когда правоверные надевают на себя белые саваны, обнаженными шашками и кинжалами рубят себе голову, а некоторые ретивые из них доходят в своем исступлении до того, что рубят свою голову до полусмерти, так что нередко такие кровопускания кончаются смертью. Наряду с этим бьют себя по спине и голове железными цепями до кровоподтеков, некоторые протыкают свое тело кинжалами до полного кровоизлияния, вешают на себя замочки и другие деревянные и железные изделия и т. п.

Это дикое самобичевание по укоренившемуся обычаю выражает собою готовность верующих жертвовать своей жизнью за шиитизм, чтобы искупить великий грех имама Гуссейна в Кербалае³.

Характерно отметить, что о необходимости исполнения этого обряда не упоминается ни в Коране, ни в священном писании, ни в других «священных» книгах. Этот обряд является скорее продуктом изобретательности духовенства и мулл, которые выдумали «шахсей-вахсей» с корыстными целями, так как во время исполнения указанных обрядов духовенство, рассказывая о «страстях» и муках великих мучеников имама Гуссейна и его адептов (приверженцев), выкачивает из своей паствы последние денежки на «искупление» тяжелого греха, совершен-

---

¹ Мухаррам — июнь месяц.

² Тело убиенного имама Гуссейна и 70-ти его адептов.

³ Кербалай — место убийства Гуссейна, служащее до сих пор местом паломничества, вроде Мекки и Медины — с той разницей, что сюда ходят только шииты.

жого в Кербалае. Ясно, что шиитское духовенство крепко держится за хлебное дело, муллы и марья-ханы сильно используют этот религиозный фанатизм, чтобы набить себе карманы в эти дни шахсей-вахсей.

Не лишним будет заметить, что от этого религиозного дурмана свободны те мусульманские народы, которые стоят на более или менее культурной ступени развития, как, например, турки и татары, которые этого обычая не придерживаются.

За последнее время советский Азербайджан — один из наиболее передовых в культурном отношении районов на Востоке, — благодаря усиленно проводимой там Советской властью культурно-просветительной работе, постепенно отрезвляется от этого дурмана, все более и более освобождаясь от влияния духовенства, и если шахсей-вахсей окончательно не отменен в Азербайджане, то он значительно смягчен тем, что некоторые изуверские обряды, как рубка своего тела и др. членовредительства, строго запрещены в законодательном порядке и виновники в этом объявляются вне закона.

К сожалению, до сих пор в ряде городов СССР, где имеется мусульманское население, можно наблюдать среди значительной части персов-грузчиков и других рабочих, наиболее отсталых, сцены биения себя и др. вивисекций вплоть до рубки своей головы в день «ашуры», причем, ввиду невозможности совершения этих обрядов на улице, верующие исполняют их на кладбище.

Описанные выше изуверские обряды звучат невероятным диссонансом в 20-ом веке — веке великих достижений науки и техники, когда рядом с покорением воздуха, с огромными достижениями авиации, равно и др. великими открытиями человеческого гения, еще сохранилось такое позорное явление в быту мусульман, как самоистязание и др. атрибуты исполнения этого отвратительного обряда. И это особенно дико себе представить в советских условиях, на двенадцатом году Октябрьской революции.

Наконец настала пора, когда персы и турки, опутанные паутиной духовенства — мулл и других шарлатанов и дармоедов, должны открыть глаза и отрезвиться от религиозного дурмана, в продолжение веков тормозящего прогрессивное и культурное развитие народов Востока.

Шахсей-вахсей соблюдают как траурный обряд не только в Персии, где нет никакой борьбы с этим изуверством. Его соблюдают верующие не только в больших мусульманских шиитских центрах. Его соблюдают не

только в деревнях, далеких от культурных центров, где жадное и корыстолюбивое духовенство является нераздельным хозяином не только над душой, телом и, главное... карманом верующих. Его соблюдают в городах, и не в каких-нибудь уездных, заштатных, захудалых с пятью тысячами населения, городишках. Его соблюдают в таких городах, как Баку, Тифлис, Ростов, Владикавказ, Грозный и т. д. Мы живем и ни о чем не думаем, не беспокоимся, а в это время тут же, рядом с нами, живут люди, которые мечтают проводить в Ростове шахсей-вахсей, принимают меры к тому, чтобы выписать из Баку для такой цели специального муллу, который бы руководил выполнением обряда шахсей-вахсей, обобрал бедных грузчиков и уехал. Что ж, яснее ясного: за муллой дело не станет. Этого добра можно найти где угодно и сколько угодно.

На собрании рабочих-грузчиков и железнодорожников с большим интересным докладом выступил тов. Джангир Нагиев, который подверг шахсей-вахсей жестокой, убийственной критике. Проследив историю происхождения и обнаружив перед аудиторией его содержание, он в простых выражениях выявил не только далеко не божественную, а земную и притом эксплуататорско-грабительскую по отношению к трудящимся массам природу траура шахсей-вахсей.

Докладчик доказал, что дело не в убиенном имаме Гуссейне и его приверженцах, которых никому не нужно воскрешать и которых бы никто и не вспомнил, если бы... не барыши, с которыми связано проведение шахсей-вахсей.

Доклад был выслушан всеми присутствующими, а их было человек 70 грузчиков и железнодорожников-тюрков, волею судеб заброшенных в столицу Северо-Кавказского края (при вокзале), с огромным интересом, а еще больше с сочувствием. Доклад взбудоражил всю аудиторию, из которой большинство товарищей, вырванных из когтей мулл-хищников, в своих выступлениях сознались в том, что многие из них еще в прошлом году принимали участие в проведении шахсей-вахсей, в приглашении из Баку муллы, в расходах на него и т. д. Многие с обидой и сожалением рассказывали в подтверждение того, какую жадность проявили муллы, как они, получив от рабочих тройку или пятерку, до зарезу, необходимых его семье, требовали еще и еще, находя, что получили слишком мало. В этом году весь коллектив рабочих-тюрков при

вокзале дал слово не исполнять шахсей-вахсей, не приглашать муллу и не платить ему ни одной копейки.

Слушаешь эти «безбожные» речи в устах еще вчера веровавших людей и своим ушам и глазам просто не веришь, не веришь, что это не сон, а явь. И то, что там говорилось, не какая-нибудь голая демагогия — нет! Это исходило из глубины сознания людей, опомнившихся вовремя. Устами этих серьезных, угрюмых, смуглых людей, людей честного «неквалифицированного», мускульного труда, во взорах которых сверкает мысль и убеждение, — это результат напряженной работы мозга, результат напряженных внутренних переживаний и перерождений, а лейтмотивом всех этих выступлений — ярких, красноречивых, незабываемых, искренних, насыщенных множественным примеров из личной практики, личных ошибок и заблуждений, — является следующее: пусть торговцы, лавочники и иные спекулянты сходят с ума — выполняют шахсей-вахсей, а мы, рабочие, до сих пор заблуждавшиеся, мы, честным трудом, а не эксплуатацией добывающие свой хлеб, не хотим повторять своих недавних ошибок, не будем соблюдать на радость муллам, не будем заниматься самоистязаниями, не будем на них тратить свои трудовые гроши.

Так говорили рабочие-тюрки. И притом говорили не один или два «активиста», а почти все поголовно.

Все собрание в целом проявило удивительную активность. Между тем пишущий эти строки, идя на это собрание, с большим интересом думал: как же товарищи — турецкие рабочие — отнесутся к докладу, как примут докладчика, что будут говорить?

Турецкие рабочие города Ростова прозрели. И, видно, на то, чтобы началась эта работа по освобождению голов от религиозного мусора, положено не мало труда. Но зато положенный труд не пропал даром.

Тут чувствуется работа наших нацменорганизаций. Русские товарищи из соседней комнаты один за другим входят в аудиторию, сочувственно слушают незнакомую, но пламенную, зажигательную речь и уходят. Одни уходят — другие приходят. Но особенно внимателен один русский товарищ. Он спрашивает нас:

— Что же в общем говорят товарищи?

— Да кроют бога и его прислужников на чем свет стоит!

— А вот этот оратор, предыдущий и еще многие к моей ячейке принадлежат.

Оказалось, что этот внимательный товарищ был секретарем партячейки, куда входили и турецкие рабочие-коммунисты.

* * *

Рабочие, несомненно, быстро освобождаются от дурмана мусульманской религии. Этому помогает и антирелигиозная работа, и характер производства, и среда, и городские условия и т. д. и т. п. Но все же шаг, сделанный рабочими-турками, — большой шаг вперед. Уходя с собрания, мы думали: как хорошо было бы провести на это собрание десятка 2—3 чеченских, ингушских и иных горских фанатиков и заставить их послушать турецких рабочих, которые еще вчера также верили аллаху, также били голову об намазлык, также просиживали на нем часами!

«ЭКОНОМИКА В КОРАНЕ»

«Экономика в Коране» — это название доклада профессора Черноусова, сделанного им в Северо-Кавказском госуниверситете на небольшом собрании лиц, интересующихся проблемами ислама. Доклад является конспективным изложением большой работы того же названия, которая будто бы будет напечатана.

Мы не собираемся здесь дать подробный отчет об этом докладе, а хотим высказать несколько соображений о нем и по поводу него. Основным недостатком, присущим не только работе Черноусова, но и многим другим работам других исследователей ислама, является отсутствие марксистского, т. е. научного анализа объекта исследования. Все еще встречаются люди, которым кажется: «не было печали — так черти накачали». Какие-то «чудаки выдумали» «какой-то» марксистский метод исследования. Жили без него до сих пор хорошо и дальше могли бы так же жить.

Отсюда и недостатки, обесценивающие работу профессора Черноусова, на которую положено много труда. Вторым столь же важным, но, нужно признать, до некоторой степени неизбежным недочетом является следующее: пользование исключительно европейскими работами относительно истории мусульманства и Корана. Отсюда односторонность и неизбежная неполнота исследования.

Против того, что автор пользовался Т. Карлейлем,

Шпренглером и др. европейскими «знатоками» и знатоками ислама, ничего, конечно, нельзя возразить. Но почему и не потребовать составить себе представление о мусульманских исследователях ислама, как например, Мусса-Бегиев, А. Баязитов и др. Если первый (российский татарин) писал по-турецки и по-арабски, то второй писал и по-русски. Никакому исследователю ислама и Корана, а тем более серьезному исследователю, нельзя миновать необходимости ознакомления с мусульманской литературой. Иначе всякий исследователь будет неизбежно грешить и будет односторонним.

Хотя доклад профессора Черноусова называется «Экономика в Коране», много было задето докладчиком вопросов, не имеющих прямого отношения к «Экономике в Коране». Так, например, полемизируя с англичанином Т. Карлейлем по вопросу о том, был ли пророк Магомет культурным и грамотным человеком или нет, докладчик взял на себя неблагоприятную задачу доказывать, что Магомет был человеком культурным, грамотным... Между тем нас, которые когда-то обучались мусульманскому «закону божьему», с 8-летнего возраста учили:

— Аллах оставил своего посланника (т. е. Магомета) неграмотным на всю жизнь, не умеющим писать и читать, чтобы враги единого бога не могли говорить и клеветать, что вот «Коран не ниспослан с неба, а написан самим Магометом».

Совсем другое дело, почему и в чьих интересах проповедовалось это, для исследователя важно знать все существующие главенствующие мнения о той или иной стороне изучаемого предмета.

В докладе профессора Черноусова то и дело встречается: Магомет в Коране говорит... и т. д., подчеркивая, что Коран написан самим же Магометом. Не вступая опять-таки в полемику с докладчиком на тему о том, как написан и кем собран Коран, мы должны здесь напомнить, что о Магомете говорится в Коране либо во втором, либо в третьем лице. Было бы несправедливо, что и говорить, придирается к таким «мелочам», и профессор Черноусов застраховал бы себя от них и от возможных упреков, если бы он подходил ко всем вопросам материалистически. Но он защищал Магомета от Карлейля, который своей работой много пролил света на историю ислама и личность его основоположника, помог изжить старый взгляд на Магомета как на «авантюриста», «жулика» и «обманщика», хотя, естественно, мы против апо-

логи личности, против придания ей решающего значения в великих исторических движениях и переворотях.

В России при Екатерине II, подвергая мусульман присяге, заставляли произносить: «Клянусь лжепророком Магометом». В Европе в это время было в этом отношении ничуть не лучше. А Томас Карлейль осмелел это положение вещей и положил ему предел. Для нас это, конечно, неважно, не имеет существенного значения, а исследователь как будто должен был это знать.

Заслуга Карлейля перед наукой тем более значительна, что ему пришлось бороться с массовым гипнозом, с гипнозом авторитетов, выступить против установившихся во всей Европе взглядов на ислам, которые он помог изжить.

В отношении всего т. н. Востока очень много неверного, тормозящего его понимание и расшифровку, что коренным образом противоречит не только представлениям мыслителей и исследователей Востока из среды его народов — в этом случае можно было бы не беспокоиться, но противоречит объективному положению и порождает всевозможные недоразумения о них. И эти недоразумения тянутся, продолжают жить столетия и десятилетия и передаются от поколения к поколению.

Профессор Черноусов, которому правоверные мусульмане должны бы быть очень благодарны за его защиту ислама и его основоположника, в этом отношении не пытался побороть гипноз, пойти «против течения», а плывет именно по течению и идет по линии наименьшего сопротивления. Например, когда один из присутствующих, по видимому, знающий такие вещи, которые неизвестны докладчику, заявил о том, что ведь Магомет же был неграмотным человеком, что и Корана он не мог стало быть написать, то на это профессор Черноусов ответил приблизительно следующее: «Но ведь утверждение не только мое, но и имярека (назвал немецкого исследователя)».

Может быть, имярек и очень большой авторитет, но величина его авторитета нас вовсе не обязывает во всем с ним соглашаться и думать обо всем совершенно одинаково с ним. Наоборот, задача советского исследователя Корана и ислама заключается в том, чтобы освободиться от гипноза авторитетов и разбивать их псевдонаучные построения в интересах недоразумений, объясняющихся односторонностью, научностью исследования, далекого от марксизма, игнорированием мусульманских писателей,

а эти недоразумения, как сказано выше, длятся десятилетиями, веками и передаются от поколения к поколению, благодаря тому, что ученые Запада и Востока не составляют или, по крайней мере, не составляли до сих пор единого фронта, а шли — каждое течение — своим путем.

Но докладчик не только не назвал ни одного восточного исследователя, но не назвал даже таких знатоков ислама, как Владимир Соловьев, «христианнейший» из христианских философов, который старался все же быть объективным и в своей известной работе о Магомете заявляет, что «духовное молоко Корана еще нужно людям». Однако, в самой значительной из мусульманских стран, «оплоте и охранительнице чистоты ислама», нынешней республиканской Турции, отказались от «духовного молока Корана», от традиционного ислама и халифата, становясь на путь европейских реформ. На этот же путь становится и молодой Афганистан, пускай трижды «верный заветам пророка», но также поправший традиционную паранджу, затворничество женщин и все то дурное, «отжившее», что являлось продуктом ислама. Обо всем этом профессор Черноусов ни одного слова не сказал. «Экономике» в Коране докладчик как будто уделил достаточно внимания, но неверная, немарксистская установка, немарксистский метод исследования обесплодили труды, потраченные на эту работу.

Самое понятие об экономике у профессора Черноусова упрощено, вульгаризировано до последней крайности. «Экономика» у нашего докладчика не сложный комплекс отношений людей в процессе труда, на базе производства и между собой и к самому производству, а лишь то, что имеет непосредственное отношение к орудиям и средствам производства, различным сторонам хозяйственной жизни народа, а в данном случае — арабов.

Профессор Черноусов не дал картины хозяйственных укладов и классового соотношения сил в современной Магомету Аравии, а дал в статике в лучшем случае фотографический снимок сельского хозяйства, зачатков промышленности и др. сторон народного хозяйства без выявления собственного отношения к ним в тесном смысле слова. Показательно, что докладчик тщательно избегал таких слов, как капитал, капитализм и т. д. Например, он говорил: «класс людей, занимающихся торговлей», вместо того чтобы просто сказать «торговый капитал». К сожалению, мы, будучи стеснены размером, не можем

более подробно останавливаться на всех недочетах доклада профессора Черноусова, который положил, как говорят, 10 лет труда на эту работу.

КАКИЕ ПОБОРЫ В ПОЛЬЗУ ДУХОВЕНСТВА СУЩЕСТВУЮТ В ГОРСКИХ ОБЛАСТЯХ?

Поборов в пользу духовенства среди горцев очень много. Мусульманское духовенство, оправдываясь шариатом и еще тем, что для него не было установлено определенного ежемесячного денежного оклада, как русским попам, находит всякие поводы для того, чтобы опустошать карманы верующих мусульман. Мы остановимся здесь на самых крупных из этих поборов.

Ушур — осенью, после сбора урожая, по существу, тот же закят, но только с хлебного зерна. Ушур — значит десятая часть. В различных хозяйствах десятая часть, само собою разумеется, бывает различна. Но в крупных крестьянских хозяйствах в прежнее время ушур составлял до 5 арб зерна по 50 пудов каждая. Ушур предназначается для отмоления грехов верующих. Его целиком присваивают муллы. По точному смыслу шариата муллам от ушура ничего не полагается, но на самом же деле редко бывает так, чтобы беднота что-либо получала из ушура. Из бедноты кое-какие крохи переппадают отдельным единицам — тем, которые прислуживают и угождают муллам.

Закят (денежный). Одна сороковая часть денежной наличности. При закяте три человека, имеющие вместе 120 рублей, платят ежегодно 3 рубля, а один богач, имеющий ту же сумму, — тоже 3 рубля! Шесть человек, имеющих 240 рублей, платят столько же, сколько 2 богача, имеющих ту же сумму. Обычно платят закят осенью, но можно его платить и в любое время года.

Мал закят — «мюлькню кирин тазалау» — «очистка добра от нечистот». При наличии мелкого рогатого скота он взимался по норме: от 40 голов — 1 голова; имеющие от 40 до 100 голов мелкого скота также отчисляли одну голову. А владельцы крупного рогатого скота отчисляли из расчета: от 30 голов — 1 голова в возрасте одного года...

Из крупного же рогатого скота — из 30 голов — 1 двухлетка, из 40 голов — 1 трехлетка, из 60 голов — 2 двухлетки; из 80 — 2 трехлетки; из 90 — 3 двухлетки; из 120 — 3 трехлетки и т. д. Это все наглядно говорит, на чьи

плечи ложится основная тяжесть всех этих поборов. Коротче говоря, богатые совершенно не чувствуют тяжести ни ушура, ни закята.

Возникает вполне естественный вопрос, кто же в конечном счете имеет право на пользование ушуром и закятом. На этот счет существует целое шариатское законоположение, которое довольно подробно рассмотрело этот вопрос. Всякий ли имеет право на ушур и закят? Само собою разумеется, не всякий. Людей, имеющих это право, шариат разбивает на 7 следующих групп:

1. Мискины — ничего не имеющие.

2. Ибниссебиль — дети улицы, голытьба, «рожденные на дороге». По-нашему, если такое «дитя улицы» городской житель, то его обычно называют люмпен-пролетарий, а если он житель сельской местности — батрак, бездомный. Это — другая категория, имеющая право на закят и ушур.

3. Фукара — беднота, кое-что, но очень мало имеющая.

4. Люди, оторванные от своей родины, хотя бы и богатые, лишенные в данный момент возможности от своего имущества что-либо получить. Оторванные от близких, в данный момент беспомощные.

5. Богатые, бедные и вообще всякие «гяуры» — неверные, не мусульмане — для целей разворачивания миссионерской деятельности.

6. Фисебилиллях — учреждения и органы, ведающие строительством мостов и дорог, орошением полей, мелиорацией и оздоровлением местностей с нездоровым климатом, полицейские учреждения.

7. Гамилин — сборщик всего этого. Еще имеются у него много других источников дохода, на которых мы частично сейчас здесь остановимся.

Курман-байрам — в честь жертвоприношения Измаила, сына Авраама — на 7 человек режется 1 крупная рогатая скотина, не моложе 2-х лет. На каждого человека в отдельности полагается из мелкого рогатого скота: коз, овец, баранов — 1 штука. Одна третья часть из них полагается бедноте, другая треть — на угощение близких и третья треть — семье. Этого муллы не придерживаются и изобретают разные способы, чтобы доходы от курмана в своей львиной доле попали им в карман. Муллы говорят: это не обязательно беднякам полагается, можно это разделить и не бедным, но достойным людям, чье поведение угодно аллаху (читай: муллам, эфендиям и пр.

братни). Шкуры убитых животных в большинстве случаев идут тоже в пользу мулл, причем это больше соблюдается у черкесов и кабардинцев, чем у других горцев. Это, впрочем, относится больше к прошлому, чем к настоящему, хотя и в настоящее время это не изжито.

Фитир — во время оразы (Рамазана). Каждый верующий должен отчислить из своей наличности около 5 фунтов пшеницы, а из остальных зерен — около 10 фунтов. Деньгами — стоимость такого количества хлебного зерна. Около 50 проц. раньше собирали и брали себе муллы, а остальное раздавали беднякам. Часто бывало так, что один мулла получал от фитира больше, чем вся масса бедноты данного аула. В Карачае немного меньше, чем в других горских областях. Теперь муллы от представителей Советской власти, беря фитир, скрывают, потому что боятся преследований Советской власти. Но от того, что приходится брать тайно, они ничего не потеряли: верующие гораздо больше, чем обычно, несут и добровольно дарят муллам.

Омывание трупа. За омывание трупа мулла берет со своим муэдзином полное одеяние покойника с ног до головы. Если одеяние старое, то заставляют сделать совершенно новое, говоря, что по шариату недопустимо старое. Бедные и богатые стараются исполнить это требование религии и ее служителей. За несоблюдение этого обычая муллы угрожают адом и вечными муками.

После омывания трупа несут его на носилках на кладбище, завернув в особое новое покрывало, непременно дорогое, шелковое — ёлюк-джабу, которое берет старший эфенди в момент опускания трупа в могилу. Маленькая деталь: снимает с трупа и торопливо прячет в карман.

Кемик-дуа. В 52-й день со дня смерти муллы собираются для совершения кемик-дуа, который заключается в том, что будто бы в этот день кости покойника отделяются друг от друга: это-де сопровождается большими страданиями для покойника, если не будет обязательно прочитана кемик-дуа (молитва для костей). Для выполнения этого обряда режут хорошего, жирного барана, затем собираются муллы, муэдзины и сохты. Обжираются до отвала, запивают чем-нибудь вкусным и расходятся по домам. Таким образом, и костям «легче», муллам хорошо, только немножко трудновато родным покойника, которым приходится выполнять эти бессмысленные обряды.

Схат. Когда умирает мусульмнин, то, ясно, необ-

ходимо отмаливать его грехи за пропущенные намазы, за неисполненные обряды, за нарушение оразы и т. д. и т. п. Словом, за грехи перед богом и за грехи перед людьми (хукукуллах и хукукуннас). Нет надобности говорить о том, как развращает людей эта возможность путем схата отмаливать какие угодно тяжелые грехи. Схат не все дают одинаково — каждый дает по желанию и по состоянию. Видя, что богатые из своего состояния отчисляют солидные куши (безболезненно для своего крупного хозяйства), бедные подражают им и изо всех сил стараются угодить богу, боясь в противном случае попасть в геенну огненную. Из схата, который не ограничен никаким максимумом или минимумом, муллы, муэдзины, сохты и их прислужники устраивают в момент похорон покойника деур. При деуре раздаются исключительно деньги в счет схата, некоторая часть его. «Достойные», т. е. те, кто угодил муллам, составляют круг и садятся, и им, после произнесения известных молитв, раздают по рублю и больше в руки. А остальную, большую часть схата, раздают, главным образом, натурой, а иногда опять-таки деньгами. При раздаче натурой лучшие куски муллы берут себе, а худшие — беднякам, которые им угождают.

Если вникнуть во все это, если хоть немного задуматься над ним, то становится яснее ясного, что все это самые настоящие, весьма слабо прикрытые грабеж, эксплуатация и закабаление бедноты, классовое развращение. Нормы шариата были выработаны еще в VII веке в соответствии с потребностями завоевателей Аравии. Нечего и говорить, что как весь шариат, так и вообще всякое религиозное учение глубоко враждебны идеологии коммунизма. Но у нас речь идет о том, что муллы ухитряются широко использовать старый шариат, фальсифицируя его согласно со своими потребностями.

Как после этого верить муллам и аллаху, от имени которого первые действуют!

ОРАЗА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

У нас, в горских национальных областях, как и всюду вообще, где живут народы, исповедующие мусульманскую религию, существует обряд месячного поста Рамаза, или оразы. В чем заключается ораза?

Она заключается в том, что все мусульмане, достигшие совершеннолетия, а там, где муллы очень старатель-

ны, а отцы и матери очень «богобоязненны», — и дети обоего пола, должны от утреннего рассвета до вечерних сумерек воздерживаться, под страхом «мук в аду», от пищи и питья. И это продолжается целый месяц, причем каждый год ораза наступает на 12 дней раньше, чем в предыдущем году. Таким образом, ораза на протяжении примерно около тридцати лет постепенно совершает свой полный круг.

Наиболее удобным временем для ораза, естественно, считается зимнее время, когда дни короткие, а ночи длинные, а наиболее неудобно и мучительно бывает, когда ораза приходится на лето, на время «джай чилле», на время летних полевых или строительных работ.

Тогда понижается производительность труда до минимума, случаи заболевания на почве ораза доходят до максимальных размеров.

Нужно ли говорить о том, что до сих пор не усвоены в нашем горском быту даже элементарнейшие принципы охраны человеческого труда, человеческого здоровья, труда и здоровья масс, которые в самом деле должны быть «солью» земли.

Было время, когда цинично и просто заявлялось: «Уплати работнику следуемое вознаграждение и вынь за это у него душу» (карач. пословица).

Если вторая часть этой пословицы соблюдалась с большой требовательностью и педантизмом, то нельзя сказать, чтобы с такой же требовательностью соблюдалась и первая часть, будь это даже во время ораза, когда, по предписанию религии, богатые и бедные должны «преисполниться» друг к другу «братскими чувствами» и максимально быть «уступчивыми» друг к другу. На деле же не бывает этих, т. н. «братских» чувств даже во время болезней, когда положение батрака и бедняка особенно безвыходно, особенно трагично.

Советские законы охраняют труд человека в случае болезни. Государство или предприниматели должны лечить больного, должны доставлять ему все необходимое для выздоровления, а его иждивенцам — все необходимое для безбедного существования до выздоровления и полного восстановления сил и трудоспособности больного кормильца семьи.

Предусматривают ли Коран и шарият что-либо твердое, обязательное, реальное для того, чтобы обеспечить про «черный день» косаря, батрака, поденного или сезонного работника, который кормит свою семью исклю-

чительно тем, что зарабатывает в короткое время, а остальное время года — 9—10 месяцев — должен оставаться безработным или вступить в кабальную сделку со своим эксплуататором на условиях, диктуемых работодателем?

Нам в горском быту нужно долго еще бороться не только за культуру труда, не только за охрану труда, не только за улучшение условий труда, но и за уважение труда. А то у нас в быту не изжиты идеалы, свойственные старушке из некрасовской «Песни Еремушки», которые поются если не над Еремушкой, то над Махмудами, Ахмедами, Ибрагимами:

В люди выйдешь — все с вельможами
Будешь дружество водить,
Да с молодцами пригожими
Шутки вольные шутить...

Нам в быту нужно бороться за то, чтобы было яснее ясного, что только труд и труженик или трудящийся, т. е. не живущий паразитом, за счет другого, на шее у другого, а производящий те посильные общественно-полезные ценности, — только они достойны уважения и почета.

В горском быту, к сожалению, очень много дурного, унаследованного от прошлого, с чем еще долго и упорно нужно бороться, что нужно еще долго скоблить и чистить. Мы в горском быту не научились противопоставлять труд безделью, праздности и паразитизму; бедность — богатству, которое обычно наживается не трудом, а эксплуатацией; хорошее — дурному.

Соблюдение оразы Кораном и шариатом требуется от всех, кроме беременных и кормящих грудью женщин, но требуется ли Кораном и шариатом, чтобы уважался труд косаря, бедняка, батрака, сезонника и поденщика, т. е. наиболее трудный, наиболее неблагодарный, наиболее черный и наименее оплачиваемый труд? — Ни один мусульманин, в том числе ни один из тех, которые соблюдают оразу и не сходят с намызлыка, не слыхали об этом.

Что же из этого вытекает? Из этого следует, что шариат, адат и наша горская житейская бытовая практика в отдельности существуют сейчас в интересах тех, которые живут за счет чужого труда. Они служат затемнению классового сознания трудящихся. Каким образом? Для того чтобы ответить на этот вопрос, нужно знать, что религиозные посты (известное ограничение в количестве и

качестве, в месте и времени употребления пищи и питья), их многие разновидности существовали задолго до возникновения мусульманской религии. Задолго до ее возникновения и в момент появления Магомета существовал обычай оразы у арабов.

Всем, кто изучал в какой-либо мере историю ислама, известно, что в мусульманской религии многое позаимствовано у евреев, многое у христиан, с которыми ее основатель сталкивался и был близко знаком, а многое взято из быта язычников-арабов. Обычай поста, ограничения в пище, возник в то время, когда еще не было земледелия, когда арабы вели кочевой образ жизни, когда экономить пищу было необходимо.

В наше время, когда исчезли причины, породившие этот в свое время необходимый, а может быть, и полезный (потому что экономия при бедности всегда полезна) обычай, превратился в свою противоположность. От него ничего не осталось, кроме вреда. А главное, он приносит вред здоровью трудящихся.

При однобоком специфически-мусульманском воспитании масс, при наличии педантичного (без вникания в смысл) отношения к вопросу, ораза превращается в большое общественное зло. Лично мы, например, знаем, как несколько лет тому назад погибли в Карачае от оразы во время сенокоса два пастуха исключительно потому, что, испытывая невыносимую жажду, все же отказались напиться воды, утолить жажду. Да и можно ли их винить, когда сознание засорено всем, чем только угодно, кроме необходимых полезных практических знаний, хотя бы даже и примитивных, когда человек твердо верует, что за такое «страшное» (!) преступление, как нарушение оразы, ожидают на том свете «муки ада». Думается, наши горские автономные области знают сотни и тысячи таких случаев, отмеченных смертельным исходом. Также известно много случаев, связанных с тяжелыми желудочными заболеваниями, часто со смертельным исходом, благодаря резкому переходу от одной крайности к другой — от голода к пресыщению, от пустоты в желудке к его переполнению свыше всякой меры и нормы.

Наша национальная печать во всех областях уделила в этом году внимание вопросу об оразе и пыталась разъяснить трудящимся массам ее огромное отрицательное значение, ее вредительскую природу, правда, не всегда удачно, но во многих случаях не без некоторого успеха.

Национальная печать выдвинула один революцион-

ный лозунг, о значении которого мы еще ниже будем говорить. Это: «не голодать нужно горцам, питаться лучше». И в самом деле, этот лозунг — «питаться лучше», связанный вообще с культурной революцией, должен всерьез и надолго сохранить свою актуальность.

«Питаться лучше» потому, что горцы в своей массе питаются неудовлетворительно. Во-первых, качество пищи неважно. Во-вторых, сама пища однообразна, в третьих, интервалы (промежутки) между моментами употребления пищи слишком велики.

Кому неизвестно, что кличка «мухар» — обжора ни в какой среде не является оидозной, как в горской. Когда батрак-горец нанимается на работу к богатому человеку, то при переговорах считает неудобным говорить о питании, потому что в представлении горца вопрос этот могут поднимать только люди мелочные, не знающие «хабза», намыса и адата. Поэтому считается не совсем приличным договариваться относительно условий питания. А сказать, что горские кулаки добрее кулаков других национальностей, было бы и опрометчиво и неверно.

Нам думается, что с оразой и другими религиозными и бытовыми пережитками нужно бороться не только во время Рамазана, месяца поста, но и в остальное время, добиваясь в ближайшие годы стопроцентного отказа от оразы.

Работа в этом направлении должна быть не кампанейской, а органической и постоянной, входящей в наш общий план работы.

В вопросе об оразе есть один момент, который должен привлечь к себе внимание партийной и советской общественности. Дело в том, что есть еще комсомольцы, которые заявляют, что для сохранения своего авторитета в глазах окружающих они должны соблюдать оразу. Даже среди партийцев неблагополучно в этом отношении. Коммунист и комсомолец должны быть образцом для остальных, а не плестись в хвосте борьбы за новый быт, новую этику и нового человека в горских условиях.

Вполне естественно возникает вопрос: если комсомольцы в ауле будут держать оразу и ходить в мечеть, то кто же будет бороться с оразой? Товарищи, идущие в ряды ленинского комсомола, должны себе отдавать отчет в том, к чему обязывает высокое звание комсомольца-ленинца. А если есть какие-то сомнения, колебания, неуверенность в стопроцентной правоте дела, за которое борется коммунистический союз молодежи, если нет готовности

бороться и пострадать за это дело — может быть, принести за него жертвы, как жертвуют часто собою селькоры и рабкоры-общественники за строительство социализма, то лучше до поры до времени воздержаться от вступления в комсомол. Иначе говоря, нужно взять курс на качество за счет количества.

К сожалению, комсомольские организации слабо подвержены культурному влиянию и не всегда партруководство ими на должной высоте. Вопрос должен быть поставлен со всей возможной прямоотой: нельзя бороться за дело, в правоте, в необходимости и полезности которого товарищ не убежден. Это — с одной стороны. А с другой — если до сих пор не было этого, то в будущем мы должны взять курс на то, чтобы комсомолец и партиец в ауле по уровню своего культурного и политического сознания были выше беспартийных и не являющихся членами ВЛКСМ, чтобы первые были примером для вторых.

У беллетриста-попутчика Пантелеймона Романова в одном месте некий обыватель, рассуждая о коммунистах, говорит примерно так: «Что же тут особенного. И среди них (т. е. коммунистов — И. К.) бывают иногда порядочные люди». Если не бывает семьи без уроды, то нужно, чтобы уроды и проявления уродства в комсомольской среде встречались как редкое исключение, а не как правило.

Мы здесь говорим о необходимости для комсомольца более высокого уровня сознательности, во-первых, для того, чтобы он имел законное право на уважение масс молодежи, не охваченных комсомолом, и, во-вторых, для того, чтобы лишний раз напомнить комсомольским массам нацобластей о тех больших обязанностях, которые налагает вообще на комсомольца это звание, а затем, в частности, о его поведении в отношении ораза-байрама, курман-байрама и других проявлений шарната и адата в горском быту, ибо нельзя без такой борьбы в повседневном обиходе выковать и воспитать из себя стойких, последовательных революционеров, большевиков-ленинцев.

При всем этом надо помнить, во-первых, о тех огромных задачах, которые стоят перед комсомольцами и партийными организациями нацобластей, и, во-вторых, о том, что по-настоящему борьба с оразой только начинается и что борьба еще не кончена, победа еще не одержана.

Наши задачи еще не выполнены, они ожидают разрешения.

НА НЕКЯХЕ¹

(Быт Карачая)

1

На Баязете² в доме Орусбия Битамова шло веселье.

Его сын Магомет третьего дня похитил девицу из рода Койсуратовых, старшую дочь старика Матая. И хотя, во-первых, жених и невеста любили друг друга, а во-вторых, Битамовы и Койсуратовы — два известнейших в Карачае узденских рода, ничем не уступающих друг другу, родители невесты заупрямились и наотрез отказались дать согласие.

Почетные келечиле три дня обивали их порог, уговаривали их, не будучи в состоянии добиться их благословения «поступка» дочери.

Три дня келечиле, умнейшие и почтеннейшие карачаевцы, осаждали дом Матая и употребляли испытанные дипломатические приемы, чтобы склонить отца и мать девушки дать свое согласие на брак с сыном Орусбия — кто не знает и не уважает его, этого лихого джигита, этого наездника Магомета, который к тому же так бойко и свободно говорит по-русски³.

Наконец, желанное согласие родителей невесты достигнуто. Сначала уломали старого Матая. А после этого порядочному келечи «работы» оставалось на полчаса. В конце концов дала свое согласие и старуха-мать. Собственно говоря, она и прежде ничего не имела против брака дочери с молодым Магометом, но отказывалась благословлять бегство дочери единственно потому, что отказывался глава семьи — сам Матай.

Целых три дня продолжались переговоры между Битамовыми и Койсуратовыми.

Целых три дня томились красавица наша в доме Битамовых как чужая, окруженная своими родственниками, двоюродными братьями, которые все время неотлучно находились при ней.

И за все три дня она ни разу не видела Магомета.

Теперь, спасибо мудрым келечиле, — все идет к благополучному исходу.

---

¹ Некях — брачный обряд у мусульман.

² Предместье Кисловодска.

³ Знание русского языка, грамотность и образованность высоко ценятся у горцев.

Теперь только остается собрать всех близких, друзей, знакомых и незнакомых, которых пошлет судьба, — и оформить неках.

II

Вот по этому-то случаю и для придания делу «большей силы» пригласили нас, двух советских работников, меня и Шахим-Гирея Алимова, в числе двух-трех десятков других участников главной части «действия» — венчания.

Обряд некая должен был состояться в доме Орусбиа, отца жениха, тем более что и невеста находилась тут же.

Ко мне явились на квартиру человек пятнадцать гостей, приглашенных со стороны родителей невесты, и мы направились на Баязет.

Когда мы часов в 9 вечера вошли во двор Битамовых, на половине молодежи веселье — танцы, игры, шутки, песни — шло полным ходом.

В кунацкой же собралось уже довольно много гостей со стороны Койсуратовых и в ожидании нас шли солидные разговоры о нэпе, о продналоге, о льготах скотоводам-пастухам, о каверзах Керзона и т. д. и т. п.

Душою собрания был эфенди¹, который должен был оформить неках, и местный красный купец, брат известного революционера-карачаевца, ныне покойного, Исмаил.

III

Когда мы вошли во двор, нас встретил молодой человек, который при виде нас кинулся на половину стариков звать хозяина.

Через минуту вышла из сакли фигура и медленно приблизилась к нам.

Этот человек в мягкой, теплой папахе, в белой шубе из овчин был старик Орусбий.

— Добро пожаловать, дорогие гости! — сказал он и сделал правой рукой движение в знак общего нам приветствия, потом поздоровался за руку с каждым из нас, начиная со старшего, и пригласил нас в светлую комнату, где уже сидели гости.

— Ой уйге игилик! (мир дому сему!) — сказал старший из нас, войдя в саклю.

---

¹ Эфенди — мулла, священник.

Мы молча последовали за ним.

— Мир и дорогим гостям, — ответили нам, и все сидевшие встали, чтобы усадить нас.

Минуты три продолжалась церемония рассаживания, причем самое почетное место было предоставлено эфенди, который должен был оформить неках. Рядом с ним сел наш почетный старик Кубан Палгасаров, затем я, Шахим-Гирей Алимов, старик Тойджутов и т. д.

Как раз против нас на низком, удобном топчане расположился сам Орусбий. Старик и гости, явившиеся со стороны жениха, расположились вокруг Орусбиа.

IV

После ряда вопросов о здоровье и взаимных любезностей между гостями и своими, один из гостей извинился, что он при таком большом количестве почетных и дорогих гостей берет на себя смелость напомнить о том «добром деле», по которому «мы все здесь собрались».

— Дай бог, — сказал он, — чтобы нашему веселью и нашим радостям не было конца. Дай бог, чтобы с обилием и благодатью мы никогда не расставались. Но я думаю, что всякое веселье будет уместно и прилично тогда, когда мы сделаем самое главное, когда мы разрешим вопрос о размерах калыма. Когда оформим неках, тогда будет уместно сидеть и веселиться. Вы, старшие, вы, эфенди, Кубан, Орусбий, Исмаил, не найдете ли нужным обсудить этот вопрос? Как вы смотрите, наши мудрые старики?

— Да, конечно, Юнус прав, надо начать дело, — поддержал один.

— Юнус прав, пора приступить к делу, — сказал другой.

— В самом деле, пора приступить к делу и кончать его, а потом...

— Потом можно сидеть и говорить сколько угодно.

— Я думаю, — сказал Орусбий, — что нам особенно долго толковать не придется, мы все здесь свои. Все — уроженцы старого Учкулана. Среди нас нет ни картджуртцев, ни хурзукцев (старик ошибался: Шахим был из Хурзука, а я из Карт-Джурта). Следовательно, мы все учкуланцы, все свои люди и, как свои люди, пойдем друг друга. Но, конечно же, я ничего не имею против того, чтобы прямо перейти к делу. Как ты думаешь, Кубан? — обратился старик к главе нашей группы. — Пусть скажут

и Шахим и Ислам свое слово, — спохватился старик, вспомнив про нас.

— Знаете что, ашхыла-игиле¹, — сказал Кубан, обращая свою речь ко всему собранию, — разрешите нам, старикам, мне и Орусбию, удалиться для совещания. Ничего не имеете против?

— Пожалуйста, пожалуйста! — сказал «красный купец» Исмаил.

— Так-то скорее дело будет, — поддержал еще кто-то.

И с общего нашего согласия и одобрения два старика, Кубан и Орусбий, поднялись с мест и удалились в соседнюю комнату — «для фракционного совещания», как шутил Шахим-Гирей.

V

Прошел час. Не осталось, кажется, за это время ни одной политической темы, которой бы не коснулось собрание.

Но наших стариков — нет как нет.

Посылаем молодого человека «на разведку» — он приходит и докладывает нам:

— Совсем незаметно, чтобы старики торопились кончить.

— Надо бы записать их в общество эльвистов, — шутит Шахим. — Тогда бы они научились дорожить временем.

— Поздно, стариков не переделаешь, — отвечает ему кто-то из Битамовых.

Долго еще пришлось ждать и беседовать, пока кончилось совещание Битамова и Палгасарова.

Наконец является Кубан, хмурый и сердитый, и садится на свое место.

— С какими хапарами (новостями)? — спрашиваем мы его.

— И не спрашивайте лучше, — уклоняется он от ответа.

— Расскажи, Кубан, в чем дело? Вы — самые старые и самые мудрые из нашей среды, советовались почти два часа. И, мы надеемся, не зря. Скажи, в чем тут дело?

Старик задумался с видом, будто хочет нам рассказать.

Мы насторожились в ожидании.

---

¹ А ш х ы л а - и г и л е — лучшие, мудрейшие.

— Дожили до такого позора, о котором и не хочется говорить, — начал он.

— Как! До позора? В чем дело?—раздалось несколько голосов со стороны простачков из нашей среды. Бывалые солидно молчали, потупившись в землю, с видом, что все равно знают, что скажет Кубан.

— А вот в чем. Мы с Орусбием толковали все время. И, к сожалению, очень мало оказалось смысла в наших разговорах. Орусбий соглашается принять на себя выполнение калыма лишь в размере двух быков, двух лошадей, одна из них с седлом и полным набором, одной коровы, десяти баранов и 500 миллиардов рублей деньгами.

— Только всего? — недоуменно спросил Харун Бутеев.

— А как насчет сорока тысяч?

— Вот в том-то и дело, что о сорока тысячах Орусбий и слышать не хочет. Быки, лошади и скот — это ничего. Да вот насчет денег совсем плохо. Орусбий мог бы, конечно, к пятистам миллиардам прибавить еще сто или двести, но мы не можем дать на это согласие, мы не уполномочены на это. Я ему говорю: лошадей и скот мы принимаем, только вы нам еще дайте сорок тысяч по курсу 18-го года или тысячу довоенных рублей. Мы с ним стали считать, принимая в соображение, что в 18 году средняя лошадь стоила 400—500 рублей, а лучшую, отборную, можно было купить за тысячу.

И говорит Орусбий: «Всего моего состояния не хватит, чтобы платить такой калым, тем более, что у меня, кроме Магомета, есть и другие сыновья, которых тоже надо женить. Не могу, говорит, за каждого по столько принять калыма на свою шею». А я ему отвечаю: «У Матая Нану — старшая дочь, но не единственная. Он тоже не может согласиться на этот калым, который вы предлагаете. Он нас проклянет и обидится до смерти, если мы на это дадим согласие. Если калым за самую старшую дочь будет такой ничтожный, это войдет как бы в правило и для остальных дочерей Матая. Поэтому калым должен быть такой, какой практикуется между узденями... между людьми.

Воспользовавшись моментом, я спрашиваю муллу, сидевшего рядом, об обычных размерах калыма теперь.

— Размеры почти всегда одинаковы, — сказал он, — всегда пара лошадей, одна с полным набором, пара быков с прибавлением денег — обязательно. Народ не желает расставаться со своими обычаями. Жениховы и невестины родственники уславливаются между собою, на-

значают калым, а мы оформляем сделку. Но так как власти могут придираться к этим записям, то мы для предъявления властям ведем другую, параллельную запись, которую показываем при ревизиях. Иначе невозможно. Во второй записи указывается калым в уменьшенном виде. Но, конечно, жених платит невесте по той записи, которую мы ведем тайно. Будьте спокойны, — все делается чисто.

Мулла говорил с циничной откровенностью. Я слушал и своим ушам не верил.

— Что ты на это скажешь? — наклонившись ко мне, шепнул в ухо Шахим-Гирей.

— Сегодня необходимо дать бой! — ответил я.

— Первое выступление мое, — сказал он.

Я кивнул ему головой в знак согласия.

VI

Тем временем «торговля» между сторонниками жениха и невесты шла полным ходом.

— Скажите, Орусбий, — спросил один из «делегатов» со стороны невесты уже успевшего войти и занять свое место старика Битамова, — скажите, пожалуйста, вы ожидаете берне¹ от вашей будущей снохи, давая калым в тех размерах, о которых говорил нам Кубан?

— Да, конечно, как полагается между узденями.

— А скажите, пожалуйста, Орусбий, — спросил я, — вы согласны остаться без берне и не платить никакого калыма?

— Я, право, не знаю. Я, конечно, посмотрю.

— Что значит «без берне» и «никакого калыма», точно Битамовы и Койсуратовы нищие и совсем не уздени, совсем без роду и племени (тукумсуз-джуксуз кибик), — вмешался один из пожилых делегатов нашей группы. — Ты прости меня, Ислам, но это, ей-богу, ни на что не похоже!

— А вы знаете, — заговорил Шахим-Гирей, — что во взаимоотношениях родственников у нас чаще всего нет никакой теплоты, ни участия, ни доброжелательства, ни уважения. Отчего это происходит? От нашей алчности. Одни говорят, что калым слишком мал. Другие жалуются, что берне никуда не годится. За все мои тридцать с лишним лет не помню таких родственников во всем Большом

---

¹ Берне — подношения и подарки со стороны невесты родственникам жениха.

и Малом Карачае, которые были бы довольны размерами берне и калыма. Сколько ни давай, — хочется все больше и больше. Разве в этом заключается смысл родства? Подумайте, что вы говорите, — назидательно закончил Шехим-Гирей.

Готовясь к наступлению, я повторил свой вопрос старику Битамову.

— Я думал над этим, — говорит он, — и отказываюсь от берне, если меня освободите от калыма.

— Как же, в самом деле, совсем без калыма? Ведь, слава богу, Битамовы и Койсуратовы два больших рода и они не нищие какие-нибудь. Они привыкли и давать и брать, как принято между узденями. Если Орусбий, в самом деле, согласен отказаться, как сейчас он сам сказал, от берне, то вопрос разрешается просто. Я бы предложил все-таки десять баранов калыма. Я — со стороны невесты, и надеюсь, что после всего, что здесь говорилось, Матай меня не осудит.

— Если Харун берет на себя смелость держать ответ перед Матаем, то я, принимая во внимание мнение Ислама и Шахима, тоже полагаю, что можно ограничиться десятью баранами. Видимо, этому так и суждено быть.

— Но, позвольте, ашхыла-игиле, как же мы уничтожим то, что было при наших отцах, дедах и прадедах? Сказать это, пожалуй, легче, чем сделать. Не вижу надобности спешить с этим вопросом, надо его зрело обсудить.

— Но дайте и мне сказать два слова обо всем этом, — не выдержал я. — Мы, очевидно, до сих пор еще не вполне уяснили себе положение. При нас, наших отцах, дедах и прадедах были цари, теперь их становится все меньше и меньше на всей земле. При наших отцах и прадедах не было во всем мире ни одной рабоче-крестьянской республики, а теперь мы живем в первой рабоче-крестьянской республике, и она занимает одну шестую часть всей суши.

Прежде, при дедах и прадедах, карачаевцы никогда не имели своего правительства, ими управляли приставы, участковые начальники и атаманы отделов, их судьбы держали в руках царские чиновники, теперь трудящиеся Карачая являются хозяевами своей страны. Мы раз навсегда признали и установили у себя Советскую власть, власть трудящихся. С одной стороны, мы как будто советские граждане, а с другой — все поглядываем назад и говорим: «того-то и того-то у нас никогда не было и впредь не может быть». Я слушаю целый вечер и не ве-

рю своим ушам, своим глазам. Пора нам отказаться от этих калымов и взяться за ум. Или мы признаем Советскую власть с ее принципами и следуем тем указаниям, какие она нам дает, или мы никого и ничего не признаем и живем жизнью наших предков. Надо нам наконец научиться мыслить и действовать по-человечески.

Никто меня не перебивал, и все слушали с большим вниманием, а молодежь, которая не имела права садиться и стояла, прислонившись, слушала с явным сочувствием.

Присутствующие тут оба эфенди явно опешили.

— Да, Ислам прав, — сказал Харун, — тем более, что на съезде эфендиев постановлено упразднить калым.

— Против этих доводов не приходится возражать, но... как-то странно!..

— Вот вы, просвещенные, грамотные люди, вы все знаете, а мы темные, слепые, глухие, мы ничего не знаем. Вы нас за это не осудите. Но дайте ваше одобрение, чтобы эфенди оформил неких, и ограничимся десятью баранами. Такой калым не будет разорителен для Орусбиа. Даете согласие? — обратился к двум советским работникам один из стариков.

— От имени Ислама и своего я выражаю наше согласие, — важно сказал Шахим-Гирей, — но только потрудитесь направить завтра же вместе¹ с двумя свидетелями в исполком обоих молодых для регистрации в ЗАГСе, и да будет известно отцам духовным, что, венчая людей, которые не прошли регистрации в ЗАГСе, они совершают уголовное преступление!

Орусбий обещал, вопреки всем обычаям, разрешить молодым сходить на следующий день в исполком для выполнения этой обязанности.

Присутствующие муллы проглотили замечание за несоблюдение законов об актах гражданского состояния.

— Раз так — пусть будет так! — сказал старик Кубан.

— Надо выбрать из нашей среды трех свидетелей, которые сходили бы к жениху и невесте для опроса их.

VII

В число свидетелей попали я и Шахим.

Невеста находилась тут же, в этом же доме.

---

¹ Обычай воспрещает молодым показываться вместе где бы то ни было. Невеста в первое время замужества совершенно не выходит из комнаты.

Тогда мы постучали в двери отоу¹, плотно закрытые. Прежде чем открыть, нас спросили, кто мы.

Получив ответ, немедленно сняли крючок и пропустили нас. В комнате было человека четыре самых близких родственников невесты, девушек и юношей. Они неотлучно находились при ней. При нашем появлении все встали. Голова невесты была покрыта черной шелковой шалью, доходившей почти до земли. Лицо было полузакрыто. Были видны только лоб и слегка опущенные глаза.

! Нам предложили сесть.

— Мы в кунацкой засиделись, против всякого ожидания, — заговорил Шахим, — теперь нам некогда здесь сидеть, хотя сидеть с вами нам было бы очень приятно. Мы свидетели и явились для выполнения своей почетной миссии. Итак, начинаю.

Шахим подошел близко к смущенной невесте и сказал стереотипную формулу о том, что ее выдают замуж за такого-то и такого-то и закончил ее вопросом:

— Разымыса (согласна ли)?

Молчание.

— Итак, разымыса, Нану? — повторил вопрос Шахим.

Смущенная невеста, опустив глаза, продолжала молчать.

— Ну скажи, Нану, разымыса (согласна)? Шериат-да уят джокьду, — закон не знает стыда¹, — старался стоявший тут же ее двоюродный брат ускорить процедуру.

Нану молчала.

— Ну, и девицы же, ей-богу! Удирают из родительского дома, не считаясь с волей отца и матери, и когда, в нужный момент, спрашивают их, они же еще ломаются, не желают отвечать, — полусердито, полусхутя говорила молодая женщина, ее родственница.

Но мы пошли на компромисс.

— Так и быть, — заговорил снова Шахим, — Ислам и Хаджимурза (другой свидетель) пусть отвернутся, не будут смотреть на тебя в упор, только отвечай на вопрос, мы сейчас же уйдем.

Мы в самом деле отвернулись, чтобы не смущать.

— Ну, Нану, эгешчигим (сестрица), не стесняйся. Ислам и Хаджимурза уже отвернулись.

— Разымыса?

— Разыма (согласна), — послышался тихий голос.

---

¹ Отоу — комната молодоженов.

² Пословица.

— Так бы и давно, еще ломаются, любя ломаются!— продолжала журить невесту ее родственница.

Мы поблагодарили, извинились за беспокойство и вышли.

Тут же стоял человек, который должен был сопроводить нас в болуш юй¹.

Когда мы пришли к месту назначения, человек десять молодых ребят сидели с Магометом и пили самогон.

Все встали, как один. Магомет, молодой и стройный, в белой папахе и серой черкеске, туго затянутой ремнем, на котором висели кинжал и револьвер, смотрел молодцом. Нам учтиво предложили сесть и разделить с ними то, что было на столе.

Мы объяснили им цель нашего визита, которого они, конечно, ждали.

Шахим заявил, что мы очень торопимся обратно, потому что в кунацкой засиделись, и поэтому с места в карьер повторил готовую фразу, смотря в упор на Магомета, спросил:

— Разымыса (согласен ли)?

Магомет на минуту как будто задумался, потом не без кокетства и иронии ответил:

— Да, разы-болурма. По всей вероятности, согласен, иначе какой был бы смысл поднимать всех на ноги, беспокоить вас и других, вызывать всю эту суету.

Мы поблагодарили Магомета и его товарищей и покинули их. Когда вернулись в кунацкую, нас ждали с нетерпением.

VIII

— Ну, как? Что говорят молодые? — спросило нас несколько голосов одновременно.

— Наверное, не согласны и хотят разойтись, — пошутил Харун.

— Да, да, наверное, так, — поддакнули ему.

— Аллах накырдадан, куанчдан айырмасын, — сказал Орусбий. — Да не разлучит нас аллах никогда с весельем и шутками. Но пора, однако же, приступить к делу. Что скажете, Ислам и Шахим?

Шахим передал, что при нас и других свидетелях

---

¹ Болуш юй — в период женитьбы, в первые две-три недели, жених не имеет права днем находиться дома, а живет у кого-нибудь из близких в гостях. Дом, где он находится в период женитьбы, называется болуш юй.

опрошенные нами невеста и жених выразили согласие на совершение некая (брачного договора).

— Стало быть, пора начать дело, — сказал старик эфенди быстро, оживившись и потирая от удовольствия руки, в предчувствии обильной наживы и ужина. — Со стороны жениха поверенным будет, конечно, наш дорогой домохозяин Орусбий, а кто будет поверенным невесты?

— Поверенным невесты — ее брат Харун, — сказал Кубан.

— Ахшы, ахшы, бек ахшы (хорошо, очень хорошо), — сказал мулла, доставая из какого-то грязного узелка свои тетради, книги и письменные принадлежности. — Значит, поверенные Орусбий и Харун?

— Поверенные Орусбий и Харун. Айыб этмей (не осуждая меня за беспокойство), поднимитесь и подойдите ко мне ближе, — сказал старик эфенди, окончательно собрав все свои атрибуты, встал и подался вперед.

Навстречу к нему поднялись оба уполномоченные и протянули друг другу правые руки. Встали все присутствующие. Торжественная тишина. Мулла взял обе протянутые руки в свою левую руку и, соединив мягкими половинами два больших пальца обеих рук, крепко сжал их в своей и торжественно, сосредоточенно начал:

— Бисмиллах иррахман иррахим (во имя бога милостивого и милосердного), Абу-Ханифаны масхабы была башлайма (согласно ханифатским обрядам, начинаю)...

И он стал читать по-арабски никому непонятную, длинную молитву. Он читал, закрыв глаза, и через каждые 10—15 секунд останавливался, а присутствующие, люди бывалые, по условию, повторяли:

— Аминь. Да сбудутся все добрые пожелания молодым, которые высказываются в этой святой молитве.

Не помню, сколько раз повторялось это «аминь», но вообще молитва продолжалась приблизительно четверть часа. Наконец она кончилась. Мулла освободил сжатые пальцы и первый поздравил новых родственников, пожал обоим поверенным руки и в витиеватых выражениях пожелал молодым, чтобы они так же видели собственными глазами счастье своих детей, как его видит сегодня престарелый Орусбий.

Немедленно, после поздравления Битамовых и Қойсуратовых, двое молодых людей, из числа стоящих тут, кинулись на хозяйскую половину сообщать веселящейся молодежи радостную весть, что венчание уже состоялось, некая уже оформлен.

Вслед за тем мы все поздравили вместе Битамовых и Койсуратовых и пожелали им, чтобы их родственные отношения никогда не омрачались, чтобы взаимные симпатии между обоими семействами и обоими родами становились все прочнее и глубже и т. д. и т. п.

Прошло несколько дней.

Встречаю своего товарища Шахима.

Он говорит мне:

— А ты знаешь, старик Орусбий совершенно отказался уплатить калым.

— Как же это так — никогда этого ни при отцах, ни при дедах не бывало, — шутил я.

— А очень просто. Посланцам Койсуратовых, пришедшим за баранами, старик прямо заявил: теперь не те времена, когда нужно было платить калым, я вам никаких баранов не дам и не нужно мне вашего!

— Так-таки и не дал?

— Не дал и давать не намерен.

ЖЕНИТЬБА ХАСАНА

(Из карачаевского быта)

В карачаевском ауле Учкеек, в двенадцати верстах от Кисловодска, к юго-западу от него, среди своих сородичей живут две семьи. Одна из них принадлежит к старинной фамилии Джанибековых, другая — к такой же фамилии Салпагаровых. Девушка из рода Салпагаровых, по имени Кулистан, дочь Зекерьи, была зарегистрирована с молодым парнем Хасаном Джанибековым, сыном Кара.

Но так как адаты требуют, и религия это санкционирует, чтобы после регистрации в ЗАГСе и «некяха» (венчания по-мусульмански) жених и невеста не смели еще соединиться и начать совместную жизнь, а оставались бы у своих родителей, совсем не встречаясь друг с другом в течение неопределенного времени — иногда от нескольких месяцев до двух лет и больше, — то свадьба была отложена.

Жених, молодой, рослый парень, прекрасный помощник отцу в хозяйстве и, вдобавок, хорошо грамотный по-русски, добивался, чтобы ускорили свадьбу, выражая при этом большое нетерпение, свойственное каждому любящему молодому человеку. Он говорил:

— Теперь с калымом и берне покончено. Советская власть их уничтожила, хотя у нас еще делаются попытки вернуться к старым обычаям в нашем отмирающем быту. Раньше откладывали свадьбу некая — для чего? Для того, чтобы невеста не с пустыми руками, а с берне, с подарками, могла войти в дом родителей своего жениха. Теперь всего этого не нужно. Зачем же мне ждать?

А ему все отвечали:

— А почему бы тебе не ждать? Чем хуже тебя все те, которые ждали и ждут? Куда ты торопишься? Не успеешь что ли? Потерпи.

— Легко вам сказать: потерпи! Самы бы вы пробовали терпеть, — не сдавался Хасан.

— А что же? Терпели и не роптали. Не можем же мы для тебя вдруг отменить полностью адаты, которые соблюдали наши деды, отцы и прадеды, адаты, которые признавались всеми узденями. (Уздени — свободное сословие, не знавшее рабства. Уздени в Карачае составляли больше 60 проц. всего населения.) Или мы, по-твоему, не уздени?

Тукумсуз-джуксузбузму биз — что мы без роду, без племени? Или, может быть, по-твоему, адаты, обязательные для остальных узденей, не обязательны для Джанибековых и Салпагаровых? Нет, Хасан, ты несуразные вещи болтаешь. Тебе надо подумать об этом. Может быть, тогда образумишься.

Хасан очень любил свою невесту и волновался. Волновался, терпел и ждал, сгорая любовью к своей ненаглядной Кулистан.

Когда он, бывало, снова заговорит о своей любви, ему по-прежнему с неудовольствием твердят:

— Ну зачем тебе спешить? Ведь Кулистан все равно твоя! Надо же соблюдать адаты. Стыдно так выдавать свои чувства, ведь это же теперь все будут знать.

— Ну и пусть знают, — что из этого?

— Как «что из этого?» — Все будут знать — значит, все будут говорить: «Хасан, сын Кара Джанибекова, потерял всякое почтение к своим родным, к своей фамилии и, помимо их воли, нарушая обычай, по которым живут Карачай, Кабарда и все мусульмане, добивается ускорить собственную свадьбу, будто у него нет родных, будто у него нет фамилии, будто некому за него думать. Ведь это же срам! Так это или нет?..»

Припертый к стенке такими доводами, Хасан нехотя уступал, терпел и ждал. Ездил на кош, старался забыться

в хозяйственных заботах. Но всякая работа валилась из рук.

Один раз Хасан даже съездил в Большой Карачай, в горы, где жила их семья до Советской власти, до переселения на плоскость, где осталось больше половины их фамилии. Погостил там и вернулся. Но о свадьбе никто ничего не помышлял. А между тем шел уже десятый месяц после регистрации.

Однажды, по поручению отца, съездил Хасан в Кисловодск, но вернулся оттуда больным и немедленно, сойдя с лошади, вошел в саклю и слег. На следующий день у Хасана установили корь в тяжелой форме. Оказалось, что болен он уже несколько дней, но переносил болезнь, как это бывает сплошь и рядом, на ногах, никому ничего не говоря. Но и лежа в постели, он не мог забыть Кулистан.

Больной начал бредить, в бреду рассказывал новости Кисловодского пятницкого базара. Жаловался, что скот и лошади слишком дешево продавались. В бреду рассказывал о поездке в Большой Карачай и о том, как там обрадовались его приезду.

В бреду он звал свою невесту. В бреду же стал умолять своих родных, чтобы ему ее хоть показали.

Отцу и матери стало жаль больного сына. Они ведь знали хорошо, что если в ауле человек серьезно заболевает, то спасти его может только случайность. «Лечение» ведь здесь совершенно своеобразное; оно помогает не выздоровлению, а ускорению трагической развязки. Слабо веря в выздоровление сына, а может быть, именно поэтому, отец и мать Хасана посоветовались между собою и согласились сыграть свадьбу. Но вы, может быть, думаете, что этого достаточно, чтобы свадьба была сыграна? Ничуть не бывало! Теперь надо уговаривать родителей невесты, семью Салпагаровых.

Послали к ним «келечиле», ждут ответа. Те приходят и говорят со слов родных невесты:

— Салпагаровы нас приняли хорошо, как достойные уздени. Но они никак не могут согласиться на свадьбу так поспешно. Они просили передать: «Аллах айтса, файгъамбар да амин десе» — «Если бог скажет «да», а пророк скажет «аминь», — Хасан скоро поправится, поднимется с постели, тогда назначим срок и сыграем свадьбу. А пока ни на что не похоже так спешить. Вот, дорогие гости, наше слово.

Между тем больному становилось все хуже и хуже. Именно поэтому и зная состояние Хасана, все возмутились этим отказом.

Родители и родственники больного решили «проучить» Салпагаровых. Решили повторить требование. Посылают вторично келечиле. Но в этот раз в состав «делегации» включают двух комсомольцев из аульной ячейки, Ахмата и Таусолтана. Это на тот случай, чтобы «пугнуть» стариков, родителей невесты, если бы они стали упираться.

«Делегация» явилась к Салпагаровым. Ей оказали должный прием, как полагается. Хотели сделать «курманлык», но келечиле сами запротестовали:

— Не до угощений сейчас! Не до курманлыков. С Хасаном дело гораздо серьезнее, чем мы полагали. Надо поспешить со свадьбой. Надо ему хоть показать Кулистан. Может быть, это поможет его выздоровлению. Чего не бывает, если Аллах захочет.

А Хани, мать невесты, с тем же хладнокровием, как и первый раз, говорит:

— Аллах даст много дней счастливой жизни Хасану и всей семье Джанибековых. Не торопитесь, дорогие гости. Не тратьте даром слов. Ничего не выйдет из этого.

— Но ведь с Хасаном очень плохо! — вырвалось у одного из посредников.

— С Хасаном плохо? — повторила старая женщина. — Если Аллаху не угодно — ни один волос не упадет с головы Хасана. Если ему не угодно, чтобы мы имели этот большой и счастливый случай сыграть свадьбу своей единственной дочери, то что же делать! Такова, значит, его воля, Кысмет.

Это ни с чем, как им казалось, не вяжущееся упорство, этот ответ, хладнокровно сказанный, в котором гостям почудилось что-то похожее на издевательство, вывел из терпения в первую очередь комсомольцев, Ахмата и Таусолтана. Они делали усилие над собой, чтобы не разразиться бранью по адресу старухи. Особенно волновался Таусолтан. Наконец возмущение прорвалось наружу:

— Ты забываешь, Хани, — бросил он, — что ты, и мы все живем не при старом режиме, когда были патчах бла зорлук — царь и насилье, — а при Советской власти, когда рухнули старые законы, помогавшие насилью. То, что вы делаете, называется насмешкой. Вас мож-

но даже судить советским судом, как уголовных преступников, и вы тогда сядете в тюрьму. Будьте в этом уверены. Мы, как комсомольцы, которых вы и вам подобные ненавидят, не потерпим этого безобразия. Тут не может быть никаких разговоров и рассуждений о «воле Аллаха». Если вы добром не хотите отдать Кулистан ее мужу, который хочет ее видеть, то мы, вообще, перестанем у вас что-либо спрашивать, а поступим так, как найдем нужным.

— А как вы поступите? — спросил Кара со страхом и любопытством.

— А как поступим? А вот как: соберем всех своих товарищей и увезем Кулистан!

Ахмат поже горячо добавил:

— А вас, несмотря на ваши седины, отправим в Пятигорскую тюрьму. Может быть, когда посидите, — будет полезно. Поумнеете. Человек находится, может быть, на смертном одре, а вы нас аллахом утешаете. Убирайтесь к черту с вашим аллахом, не до этого сейчас!

— Ах, какой горячий этот Ахмат! — вырвалось у Зекерья, который, явно струсив, сделал обиженный вид. — И Таусолтан тоже. Разве так можно говорить?

— А разве так можно делать, как вы делаете! — перебил Таусолтан.

— Недаром они комсомольцы, — продолжал Зекерья. — Разве кто-нибудь спорит против того, что Кулистан, наша дочь, в свое время должна уйти к Хасану? Ради бога, увезите ее и не богохульствуйте!

— Так будьте же добры без всяких оговорок приготовить невесту в течение четверти часа! Мы сюда подъедем и ждать не намерены ни минуты.

Келечиле демонстративно ушли, с шумом захлопнув дверь и не пожав руки хозяевам. В сакле началась суматоха. Старики охали, вздыхали, жаловались на скверные времена и на то, что они дожили до такого «позора», когда им не дают соблюдать адаты, когда все, что прежде чтили и уважали, рушится безвозвратно.

— Аллахны налаты болганла, аллахны унутхан гяурла (проклятые богом, забывшие его гяуры), — что они делают, что они только делают! И как только аллах их не покарает, не обратит в пепел? — причитал старый Кара.

Охая и вздыхая, старая Хани вошла в смежную

комнату, к Кулистан, которая с замиранием сердца слушала весь этот разговор от начала до конца, ибо она адатами была связана по рукам и ногам и не могла, не имела права в него вмешиваться, не могла убежать к любимому человеку, который, в десяти минутах ходьбы отсюда, доживал последние часы, а может быть, последние мгновения жизни.

— Ну, дочка, видно, так суждено,— сказала Хани. — В несчастливый, видно, день ты родилась, что вышло не по-нашему, а вот так, как хотят эти безбожники. Доставай, что есть лучшего, и переодевайся сейчас же, чтобы нам не пришлось больше слышать богохульства и угроз.

Кулистан только этого и ждала. Как только вышла мать, она достала из сундуков те платья, которые она берегла для этого случая несколько лет, и другие вещи.

Через несколько минут она уже была готова.

«Киеу нёгерле» (сверстники жениха) — целая кавалькада, с пением «Орайда», подъехала ко двору Салпагаровых. Невесту, с головой покрытую шелковой зеленой шалью с узорами, вывели из сакли и посадили ее рядом с двоюродным братом Исмаилом, ибо по адату только с родственником можно ей сидеть рядом.

Кавалькада, с пением того же «Орайда», тронулась со двора Салпагаровых. В полторы-две минуты всадники проскакали те три квартала, которые отделяли саклю Салпагаровых от сакли Джанибековых.

Но, увы, не счастливый жених, довольный своей победой над рухнувшей и гниющей старинной, встретил эту кавалькаду у ворот Джанибековых, а черный вестник слез и скорби.

Как громом, была поражена веселая молодежь черными словами:

— Хасан только что отдал аллаху свою душу. Азраил мёлек закрыл его глаза навеки. Хасан скончался со словами на устах: «Кулистан, Кулистан, почему тебя от меня отняли! Почему тебя мне не показали».

Свадебная процессия превратилась в похоронную.

В этот день вечером состоялось бурное заседание комсомольской ячейки аула Учкекен. После горячих, страстных речей было единогласно принято решение:

— Объявить беспощадную войну религии и адату, и никаких уступок не делать одряхлевшему аллаху.

Ни в каком случае не допускать отсрочки свадеб после регистрации.

И с тех пор в ауле Учкеек больше не откладывают свадеб после их регистрации в ЗАГСе, а празднуют сразу же. Другие аулы понемногу тянутся за аулом Учкеек.

КРОВНАЯ МЕСТЬ ГОРЦЕВ

Очерк

Крайняя пестрота национального состава населения нашего края, а также культурная и экономическая пестрота — одна из интереснейших особенностей Северного Кавказа: бок о бок существуют самые разнообразные хозяйственные и бытовые уклады.

Среди всех этих укладов наиболее распространенными в горских областях Северного Кавказа являются патриархально-родовой и феодальный, — их разрушает, с ними борется в горах социалистическое строительство.

В Кабарде, Адыгее, Черкесии феодальный строй с его князьями, вассалитетом, с его дворянством различных степеней, в зависимости от хозяйственной мощи фамилии и ее связей, к моменту колонизации русским царизмом Кавказа достиг большого развития.

Феодальная культура этих народов, хотя они сами оставались до Советской власти бесписьменными, весьма богата.

Но совсем иное у чеченцев и ингушей. У них не было никогда никаких князей («не успели» появиться; диктатура пролетариата дает возможность этим народностям быстрыми шагами вместе с другими народностями СССР, минуя феодализм и капитализм, создавать социалистическое общество), никаких дворян, кроме тех немногих, которые военной службой при царизме «зарабатывали» себе дворянское достоинство. Но даже больше того: у них нет и слова «господин», нет слова «приказывать», потому что самые эти понятия, говорящие о том, что «кто-то» «кому-то» может приказывать, были чужды чеченцам и ингушам.

Невольно возникает вопрос: если никто ни над кем не был господином, никто никому не приказывал, то значит не было эксплуатации, не было эксплуататоров, не было классовой борьбы? Так это нужно понимать?

Нет, это совсем не так. Ни чеченцы, ни ингуши, никакой другой народ в этом отношении исключения не составляют: эксплуатация человека человеком у горцев была одна из самых жестоких (я уже не говорю о последующей колонизаторской эксплуатации) и классовая борьба ни на минуту не потухала, только они здесь принимали своеобразные формы.

Никто как будто не приказывал, а обычаи, адаты вместе с тем повелевали, принуждали. А кому служили обычаи горцев, адаты, эти неписанные законы, которые для горцев были сильнее писанных и заключенных в кодексе и своде законов? В чьих интересах они были созданы? Чье привилегированное положение они защищали?

Они были созданы в интересах существовавшего тогда класса крупных землевладельцев, барановодов, плантаторов, защищали их «права» на землю, на богатства, на всевозможные дары и услуги им бедноты по различным поводам и в различные моменты жизни на уважение к их «старшинству», к их «знатности» на почве, как говорилось, беспорных, а на самом деле весьма спорных, «заслуг их предков перед народом» и т. д.

Особенностью эксплуатации горского трудового народа являлся ее «добровольный» характер, без «приказов», без официально признаваемых «господ», без «писанных законов».

Как фальшиво, возмущающе фальшиво, звучат поэтому фразы всяких, с позволения сказать, «ученых», слащаво сюсюкающих об идиллической «счастливой» жизни у горцев, где каждый знает «свое место» и «все уважают друг друга»!

Всем, кто является активным борцом за переделку всего старого, тянущего нас назад, кто хочет помочь своим братьям по классу — пролетариям, беднякам, середнякам — горским хлеборобам быстрее догнать и технически, и экономически, и в быту, и в культуре наиболее передовые области великого братства народов СССР, помочь построить социализм, — тот должен тщательно изучать действительную историю и сегодняшний день этих, так долго порабоцевавших, горских народностей. Вместо идиллий слащавых «ученых» нужно знать действительную жизнь северо-кавказских горцев...

Многие знают, например, что у горцев существует какая-то кровная месть, но многие ли знают, что это

за кошмарное явление. Не приходится упрекать тут ни рабочих, ни хлеборобов русских в том, что они хорошо не знают, что это такое — кровная месть. Ее не знают по-настоящему даже сами горские народности — широкие массы их.

Кровная месть существовала до Советской власти в наиболее жесткой, непримиримой форме. Да и теперь, при Советской власти, она существует у чеченцев и ингушей, хотя благодаря мероприятиям пролетарского правительства она значительно смягчена.

Кровная месть заключается в том, что за убийство человека, будь оно умышленное, нечаянное, случайное — безразлично, родственники убитого должны отомстить убийце, т. е. в свою очередь убить его. Убийца предупреждается потерпевшей стороной о том, что он отныне имеет кровных врагов, которые обязательно воспользуются первым удобным случаем, чтобы ему отомстить.

Убийцы считались, таким образом, да не только считались, но и были на самом деле, людьми по существу обреченными. У них не было, если не надеяться на счастливую случайность, никакой надежды на то, что их что-нибудь может спасти. Они лишались возможности заниматься каким-либо трудом по хозяйству. Они лишались возможности показаться не только в общественном месте, но и у себя, во дворе своей сакли.

Появление такого «обреченного» в общественном месте его враги-кровники рассматривали как неуважение к ним, как вызов, так как-де, если бы он их боялся и с ними считался, то он, дорожа своей жизнью, не появлялся бы в публичном месте.

Так где же они жили, эти «обреченные»? Что они делали? — невольно возникает вопрос. Они жили днем и ночью в сакле, не выходя оттуда, даже свои естественные потребности отпирывая в сакле.

Как долго продолжалось такое состояние обреченности? Было, что только с год и даже меньше, но такое положение часто продолжалось и десятки лет — до 30 лет.

И все же в последнем случае вражда не прекращалась. Если «обреченный», набравшись смелости, выходил в общественное место и его встречал кто-нибудь из врагов, то его убивали немедленно. Когда же преследуемый кровник умирал естественной смертью, то преследуемым

становился его ближайший родственник по мужской линии.

И только после гибели убийцы от руки родственников убитого та и другая сторона могли свободно вздохнуть.

Интересно, какую же роль играли при этой вражде женщины? Женщины при удобном случае корили тех, кто не сумел отомстить убийце своего родственника. Рассказывают про весьма характерный случай, который несколько лет тому назад был в Чечне. Шел по улице в ауле молодой парень, на обязанности которого лежало отомстить убийце своего родственника. Из подворотни выбежала собака и кинулась на парня с лаем. Парень поднял камень и ударил собаку. Это увидела женщина-чеченка, хозяйка дома, которой собака принадлежала. Тогда обращается она к парню и говорит:

— Раз ты такой храбрый мужчина, зачем тебе показывать свою храбрость на собаках, когда твой кровник, убийца твоего брата, до сих пор гуляет неотомщенным?!

Разъяренный и пристыженный этой насмешкой, парень побегал тотчас же домой, взял винтовку, ворвался в дом убийцы и убил его на месте.

Чтобы составить представление о кровной мести и ее распространении, приведем всего несколько цифр. По данным 1923 г., таких «обреченных» в Чечне было — в круглых цифрах — 9.000, а в Ингушетии — 800. Иначе говоря, $9.000 \times 2 = 18.000$ враждующих семейств в Чечне и $800 \times 2 = 1.600$ семейств в Ингушетии.

Но так как заинтересованными считаются не только отдельные семейства, но и те роды, в которые входили эти семейства, то нужно прямо сказать: ни в Чечне, ни в Ингушетии не было фамилии, которая бы не была втянута в кровную вражду.

Не будет преувеличением, если мы скажем, что в этих областях еще совсем недавно было положение «войны всех против всех», было узаконено и освящено адатами и традициями взаимное истребление трудящимися друг друга.

Несмотря на труднейшие условия работы в горских автономных областях, за эти десять лет у нас всюду колоссальные достижения, от которых, если сравнить их с прошлым, просто голова кружится.

Советская власть создавала и создает особые ко-

миссии по примирению враждующих кровников, враждующих родов из людей авторитетных и уважаемых. Эти комиссии составлялись и составляются в данном ауле. Результаты чрезвычайны: война всех против всех уничтожена, массовое истребление трудящимися друг друга «на законном основании» прекращено. Теперь кровная месть отходит в историю.

Это с полным правом и законной гордостью надо вписать в актив Советской власти.

Мысли, чувства, энергия и силы десятков тысяч людей, прежде преследуемых адатом, теперь направлены на борьбу с классовым врагом — кулачеством, муллами — на борьбу со всеми гнусностями отживающего свои последние годы общественного уклада — феодализма и патриархально-родовой общины, — на строительство социализма, который есть международное братство трудящихся всех рас и национальностей.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Уважаемый товарищ редактор! Прошу не отказать в помещении следующего письма.

С большим удивлением я прочел в «Большевистской смене» от 5 сентября статью Леонида Шнеля «Снимите чадру с Кавказа».

От этой статьи-обращения отдает таким самодовольным чванством, в ней так много бездонного, неисчерпаемого невежества, самовлюбленной...звонкой пошлости и верхоглядства, что по мере чтения статьи удивление сменяется негодованием.

В данном случае мы хотим сказать о национальном материале в «Советском С-К-Азе».

Шнель говорит: «Краевой журнал «Сов. С-К-Аз» в массовом масштабе (тираж 10.000) культивирует салонно-созерцательное отношение к горному Кавказу».

Правда ли это? Ни в какой степени.

«Советский С-К-Аз» пока еще, к сожалению, один из немногих журналов, который рассказывает своим читателям и об идущей великой социалистической стройке в крае, и о трудовых буднях горного Кавказа, о вековых взорах его, о его великой, до сих пор неизжитой трагедии — кровной мести, о его безобразной старине и пережитках, которые, уцелев до 1930 года, по сей день мешают строительству социализма.

«С-К-Аз» созерцанием и смакованием этих враждеб-

ных социализму пережитков не занимается. «С-К-АЗ» знакомит широко читателя с ними, мобилизует общественное к ним внимание, чтобы тем легче было их преодолеть, ибо без преодоления их, без ликвидации их — нет социализма; и понятно поэтому, что в сохранении адатов, шариата и т. д. заинтересованы в нацобластях отживающие паразитические элементы, которым в этом сочувствует и помогает вся отечественная, да и мировая контрреволюция.

А Леонид Шнель не постеснялся написать: «все пять вышедших номеров «С-К-АЗа» полны аполитичными, сладкими, фактически неправильными статьями и очерками о Кавказе». Да и верно, что стесняться! Пускай-де, стесняются какие-нибудь... чудачки с чувством ответственности за свои действия.

Леонид Шнель, головотяпски охаяв «Советский С-К-АЗ» и его работу, требует показать ему классовую борьбу в ауле «вместо» отживших пережитков гор.

В оценке кровной мести и родственных с нею явлений, в его подходе к ним, в его теории оставления в тени этих пережитков, — в конечном счете, в примиренчестве с ними, много оппортунизма, много классового миролюбия, но зато нет ни капли большевизма.

Если бы он вместо разведения пустозвонной спесивой демагогии научился вникать во что-нибудь серьезно, он бы знал, что борьба с кровной местью, с адатами, с шариатом есть самая настоящая классовая борьба, борьба за социализм, что все эти институты, особенно в наш реконструктивный период, являются оплотом отживающих имущих классов, эксплуататорских и паразитических элементов горских народностей.

Не поняв такого явления в Чечне и Ингушетии, как родовой тайповый строй, как мюридизм, как кровная месть, нельзя понять классовой борьбы в Чечне и Ингушетии.

Не поняв сущности адата, шариата, хабза, намыса, эзденлика, сущности, корней и природы горского гостеприимства, не поняв аталычества, сущности и основ черкесского и кабардинского феодализма, нельзя понять классовой борьбы в Черкесии, Адыгее, Кабарде, Балкарии.

Не поняв сущности сословного вопроса, сословных переплетений и сословного строя в Карачае, нельзя разобратся ни в каких вопросах карачаевской действительности.

Мы показываем распластанного, избиваемого розгами шариятского суда комсомольца Хаджиева («Сов. С-К-АЗ», № 5), а Шнель говорит: покажите классовую борьбу в ауле!

Какая же вам, Леонид Шнель, нужна еще классовая борьба? «Советский С-К-АЗ» все это понимает, и он пошел навстречу тем, кто хотел бы это знать и изучать, чтобы быть в той или иной мере участником в ликвидации всех гнусных пережитков прошлого, а не созерцать все это. А Леонид Шнель, не вникая в суть этого явления, спешит откреститься от кровной мести.

Автор статьи, призывая для творческого изучения Кавказа создать ударные писательские бригады, ни одним словом, ни одним намеком не обмолвился о задачах и роли национальных писателей. Ведь на наших глазах возникли и национальное писательство и национальная литература, а Шнель в своей большой крикливой статье не хочет сказать, что национальные писатели в этой борьбе должны быть на линии огня, что первая скрипка в этом деле должна принадлежать национальному писательству и национальной литературе. Леонид Шнель это сделал не случайно. Он это сделал потому, что мы для него только «джигиты», способные быть объектом изучения, а не субъектами великого культурного движения нашей эпохи, солдатами революции.

С ком. приветом Ислам Карачайлы.

О «КРОВНОЙ МЕСТИ», О НАЦИОНАЛЬНЫХ МОМЕНТАХ В СПОРЕ «БОЛЬШЕВИСТСКОЙ СМЕНИ» С «СОВЕТСКИМ СКАЗОМ» И ПРОЧЕМ...

Косю мерой вы мерите человека —
тою же мерою и вам возмерится такожды...

«Большевиистская смена» в номере от 11 октября поместила статью «Наш счет «Советскому сказу». Этот т. н. «счет» нам представляется тем более... странным, что он полон всяких самых невероятных обвинений и адресуется без всякого учета безусловной молодости краевого юношеского журнала. Почему «Смена» «Сказу» предъявляет счета, а не наоборот? Ведь для этого у

«Сказа» как будто было оснований не меньше. Обвиняют «Сказ» во всех семи смертных грехах. Эти обвинения, в основном, безусловно, несправедливы и странны именно потому, что они предъявляются «Большевицкой сменой», которая существует третий год и у которой, стало быть, было гораздо больше возможностей показать все то, что она требует от «Сказа», существующего всего несколько месяцев.

Но сейчас речь о другом.

Видя атаку «Сказа» со стороны «Большевицкой смены», мы не остались и не хотели остаться в стороне по двум причинам: во-первых, потому, что в споре между «Сказом» и «Большевицкой сменой» значительную роль играют национальные моменты, и, во-вторых, в постановке вопроса о национальных моментах в «Сказе» много принципиального. В силу именно этого обстоятельства мы, прочитав в «Большевицкой смене» от 5 сентября статью «Долой чадру с Кавказа», отозвались на нее письмом в редакцию «Сказа». Мы подчеркивали в своем письме, что «Советский сказ» в отношении нацобластей держит совершенно правильный курс, что он в этом отношении пока что является одним из немногих изданий, которые, отбросив традиционное, унаследованное от старых времен высокомерие по отношению ко всему горскому (в том числе к горской литературе и к горским авторам), начали освещать жизнь и достижения нацобластей, те многовековые нормы их внутреннего строя, те их общественные недуги и болячки, пережитки, которые, уцелев до 1930 года, продолжают калечить людей, отравлять им существование, и что важнее всего — одновременно служа непреодолимой помехой строительству социализма.

Квалифицировав надлежащим образом оппортунистический по отношению к кровной мести, к адату и шарияту и т. д. характер статьи «Долой чадру», мы сугубо отметили в своем письме, кому служат эти многовековые «законы гор», кого устраивает их оставление в покое, на чью мельницу льет воду теория оставления в тени кровной мести, адата, шарията, мюридизма и т. д., — короче говоря, мы подчеркнули классовую, антипролетарскую, эксплуататорскую природу этих институтов.

Дело, конечно, не в маленькой, хотя и претенциозной, личности Л. Шнеля, автора этой нашумевшей

статьи, а дело в том, что проповедуемая им ересь, несмотря на свою полную несостоятельность, сделалась через «Большевицкую смену» достоянием многих десятков читателей этой газеты. Если бы не это обстоятельство, если бы не вызванный Шнелем, подобно пустой бочке из басни Крылова, шум, то можно было бы пройти мимо и даже не заметить, что на свете существует Шнель. Но, поскольку выступление было публичным, мы в своем письме заклеили и не могли не заклеить невежество и верхоглядство автора «Долой чадру...», который, вместо того чтобы самому добросовестно начать учиться хотя бы даже по «Сказу», хотя бы даже по очеркам неугодного ему П. Максимова, начинает учить кого-то и чему-то.

Это же, товарищи, курам на смех — Шнель в роли учителя!

Именно потому, что горцы и другие им подобные «инородцы» (по старой терминологии) являлись жертвой головотяпских наскоков в литературе, наша партия, верная заветам Ленина, и, в частности наша печать, ведя борьбу на два фронта, всегда клеймили и сейчас клеймят невежество, головотяпство, высокомерие, чванство и великодержавную спесь всюду, где мы с этими явлениями сталкиваемся. Эта борьба, как всем известно, особенное значение приобретает после XVI съезда партни.

Шнель, не знающий Кавказа южнее Батайска, взялся поучать «Советский Сказ», вместо того чтобы бросить свой ни на чем не основанный педагогический тон и начать учиться у «Сказа», ибо так поступают добросовестные люди, желающие повышать свой краеведческий уровень, свои знания в отношении края, где они живут. Но из попытки Шнеля поучать «Советский Сказ» вышел только один конфуз и ничего, кроме этого, само собою разумеется, не могло выйти.

И вещественным, так сказать, выражением этого конфуза для Шнеля являются последние страницы «Сказа» № 6.

Но разве можно оставить неотомщенным такой позор? Надо во что бы то ни стало объявить «кровную месть» обидчикам (а еще говорят, что она устарела!) и «долг старины» выполнить. Но за «убитого»... то бишь за опозоренную жертву, ибо она лежит в прахе, а... «Большевицкая смена», орган Крайкома комсомола, вместо того, чтобы отмежеваться от ошибок

этой жертвы, от усвоенного автором «Долой чадру...» развязного ноздревско-хлестаковского тона, отождествляет себя с ним, защищает и усугубляет его ошибки. Мы не сомневаемся в том, что Крайком ВЛКСМ, давший задание всем районным и областным организациям ВЛКСМ максимально помочь распространению «Советского Сказа», ни в какой мере не виноват в отдельных ляпсусах «Большевистской смены», а ляпсусы все же возможны и в будущем. Нам думается, это положение надо радикально изменить, ибо мы вправе требовать такого положения, при котором можно было бы знать, видеть и чувствовать, где кончается Леонид Шнель и где начинается «Большевистская смена». Самой «Большевистской смене» не угодно было до сих пор эти границы показать. Жаль, очень жаль!

* * *

Мы не будем здесь рассматривать всех обвинений, которые «Большевистская смена» выдвигает против «Сказа». Мы будем говорить только о национальных моментах в этой статье. В ней редакция «Большевистской смены», к которой автор этих строк никогда никакого касательства не имел, почтила его своим высоким вниманием в «Большевистской смене», солидаризируясь со скандальным выступлением Шнеля (вспомнить хотя бы историю с «развенчанием» тов. П. Максимова с одновременными ссылками на авторитет Сидорова «против» Максимова, не подозревая, что Сидоров — псевдоним Максимова), подписалась под всеми ошибками, которые иногда допускают некоторые, слишком преуспевающие, юркие человечки.

Люди, которые вопроса принципиально ставить никогда не умели, не могут понять, как это можно заступиться за «Сказ», хотя бы даже он и был трижды прав, не будучи сам лично заинтересованным в этом, без ожидания каких-либо «наград» для себя. Мою, якобы, заинтересованность в защите «Сказа» «Большевистская смена» усмотрела в том, что «подавляющее большинство очерков о нравах и обычаях горцев Северного Кавказа принадлежат как раз перу воинственного Ислама Карачайлы».

Спрашивается, из чего складывается это, с позволения сказать, «подавляющее большинство»? В № 1 «Сказа» был мой набросок о сатирических песнях Ка-

рачая, и больше ни строчки. В № 2 «Сказа» — ни строчки. В № 3 — очерк о кровной мести. В № 4 — ни строчки. В № 5 — очерк «Адат и шарият». В № 6 — памятное для Шнеля «Письмо в редакцию». Короче говоря — два небольших очерка о быте и нравах горцев — вот то «подавляющее большинство», которым оперирует «Большевистская смена» как несокрушимым аргументом против меня.

При этом, по утверждению «Большевистской смены», «основным недостатком этих очерков является то, что они для сегодняшнего дня изрядно устарели».

Люди пишут потому, что бумага терпит еще и не такие вещи. В письме в редакцию «Сказа» можно найти достаточно убедительный ответ на вопрос о том, устарела тема о кровной мести, об адате, шарияте, мюридизме и т. д., или нет.

Но если кто-то в силу своей уже очень большой учености больше ничего не хочет знать, если на предъявленное обвинение в классовом миролюбии, в оппортунизме, в попытке превратить писателей-националов, «лучших» из них, в объектов изучения, вместо признания в них своих полноправных соратников в борьбе за дело рабочего класса, за коммунизм, вместо признания в них субъектов революционного действия, солдат культурной революции, если при всем этом не делается ни малейшей попытки опровергнуть предъявленные обвинения тоже, вероятно, в силу большой учености или ортодоксальности, что с ними сделаешь?

Если кровная месть, этот кошмар наших дней, это узаконенное столетиями, освященное всем прошлым горцев, взаимное истребление трудящимися друг друга сотнями и тысячами, не только существовала вчера, но существует и сегодня, в 1930 году, и никому неизвестны точные сроки ее ликвидации, — это тоже устаревшая тема?

А если адат и шарият, если аталычество, мюридизм, которые не только закабалляли людей вчера, но и закабалют сегодня и никому точно неизвестны сроки их ликвидации, если к тому же они недвусмысленно являются каждодневной помехой строительству социализма, то это тоже устаревшая тема?

Мы боремся под руководством партии с адатами, с шариятом, с аталычеством, с мюридизмом, с религией, а нам горские кулаки, горские муллы, горские шейхи, горские феодалы говорят:

«Зачем вы боретесь с религией, с Кораном, с адатом, с шариадом? Ведь сам Магомет говорил: учись всю жизнь, учиться нужно каждому мусульманину и каждой мусульманке, учение надо искать, хотя бы и пришлось перевалить для этого великую китайскую стену! Откуда вы взяли, откуда Советская власть взяла, что мусульманство против учения, адаты против учения, против женщин, против их раскрепощения, против свободы? Разве адаты мешают строить школы? Разве адаты мешают строить хозяйственную жизнь? Разве не «естественное» право каждого, потерявшего своего близкого, отомстить обидчику?»

Вот что нам приходится слышать от классового врага в нашей многосложной работе в горских областях в защиту адатов, кровной мести и шариада. По странной иронии судьбы, в унисон, в один голос с горской клерикальной, феодальной и всяческой реакцией разные Шнели, которые никогда никакими горскими проблемами не интересовались, с «ученым видом знатока» нам заявляют: «Причем тут кровная месть? Причем тут адат, шариад, аталычество? Дайте нам что-нибудь посвежее! Ведь это все устарело!»

Что за удивительная солидарность у Шнеля с горскими муллами! Неужели тут тоже, следуя замечательному примеру «Большевистской смены», надо говорить об «общности»... мундира? Недостает только одного, чтобы они вместе с т. н. «передовыми» муллами стали «доказывать», что «Магомет был коммунистом» и у него с Марксом... «почти нет никаких расхождений принципиальных».

Устарела тема о кровной мести, адате и шариаде? Нет, извините! Она может «устареть» только для вас, потому что ни кровная месть, ни адат, ни шариад, ни весь тот груз проклятого наследия прошлого, который получила молодая Советская власть в нацобластях в результате подлой, гнусной политики царизма, — все это, отпечаток чего горцы, почти каждый из тех, кого Октябрьская революция застала в возрасте старше 15 лет, вольно или невольно, в большей или меньшей степени носят с собою, — непосредственно драгоценных персон Леонида Шнеля и его друзей из «Большевистской смены» не касается, и поэтому тема о неизвестных до 1930 года общественных, социальных недугах горских народов «устарела»?

Наша партия учит нас и нашу молодежь ненави-

деть это наследие прошлого, бороться с ним, выкорчевывать его корни, ликвидировать его, а вы говорите: с этим можно бороться во вторую очередь!

«Устарели! — вслед за Шнелем вторит «Большевицкая смена», делая вид, будто все, что пишется о кровной мести, о мюридизме, об адатах в свое-де время они знали, а теперь повторять пройденное, повторять зады охоты нет, хотя несколькими строчками ниже, в ожидании чьих-то похвал, сочувствия и улыбочек прибавляет: — Мы не разбираемся так тонко, как вы, в сущности адата, шариата, хабза... мы даже (о, ужас!) не понимаем аталычества, но мы знаем...

Тонко вы не разбираетесь, а не тонко и вообще в какой-либо мере разбираетесь? Нет, вообще и не тонко, голубчики, вы также не разбираетесь, не пускайте пыль в глаза! Но это полбеды. Беда же заключается в том, что вы и не думаете и не хотите разобраться и ликвидировать свою краеведческую этнографическую неграмотность в национальном крае, не хотите участвовать сами и мобилизовать нацкомсомол для участия в больших кампаниях.

Латинизация горских алфавитов, унификация их (объединение) прошли мимо вас без мобилизации горского комсомола. Коренизация идет мимо вас. Труднейший процесс — выработка рабочих кадров-националов в краевой промышленности идет мимо вас. А сколько барьеров и преград в деле формирования рабочих кадров-националов, которых местами на фабриках и заводах травят порою даже... с участием комсомольцев, почему бы вам не заняться этим делом?

У нас для этого не хватает сил, а материалов и фактов сколько хотите. Это, вероятно, потому, что «устарело»? А вы будете еще обижаться, когда вас объявят в верхоглядстве. Стоит ли перечислять все, что вы пропустили, проморгали, прозевали, проворонили? А ведь вы же краевая ежедневная молодежная газета и нет краевой горской или нацменовской комсомольской газеты!

«Мы не разбираемся так тонко...», «мы — о, ужас! не знаем..» — говорите вы о том, что является крупнейшим неизжитым до сих пор социальным злом в жизни горских народов, хвалитесь своим незнанием. Но помимо того, что вы отходите от большевистских методов преодоления трудностей (ибо ясно, что изучать какие-то адаты и шариаты — занятие невеселое — мы

с вами в этом согласны), вы уподобляетесь героине из старой русской сатиры — госпоже Простаковой, в девичестве — Скотининой, которая говорила:

«— Митрофанушка, сыночек мой, не нужно тебе географии. Эта наука не дворянская. Когда нужно будет поехать — без географии извозчики повезут.

— Митрофанушка, на что тебе арифметика, раз нужно делить, боже сохрани что-нибудь делить — все забирай себе!»

В самом деле, на что митрофанушкам этнография, этнология, краеведение и т. п. — пускай край трижды пестрый и многонациональный, — какое им дело до этого! Какие-нибудь спецы займутся этим черным делом, а они будут творить только высокую политику. У них неограниченная монополия только на высокую политику — никак не меньше!

Предоставляя важнейший участок работы спецам и пр. Рамзиным-Калинниковым, наши советские митрофанушки, которые удивительно обездолены в отношении скромности, пишут и сами поощряют оппортунизм в теории и на практике, ибо такие выкрутасы, как «о ужас!» мы даже не знаем — нельзя расценивать иначе, как приглашение плюнуть на какое бы то ни было изучение горских областей и их населения. А этих областей, как известно «Большевистской смене», на Северном Кавказе целых семь единиц, каждая из них имеет свою историю, свою особую физиономию, они требуют к себе внимания и будут требовать, пока существует диктатура пролетариата и идет строительство социализма. XVI съезд партии еще раз подчеркнул их право на внимание и помощь к себе. В этих областях имеются десятки тысяч комсомольцев, которых вы должны обслуживать политическим и культурным руководством, а для этого нужно иметь некий минимум, отсутствием которого у вас вы и хвалитесь. Нашли чем хвалиться!

Если этот участок работы не будет обеспечен действительно советскими исследователями, то не исключена возможность работы не всесоюзных, т. е. Рамзиных, так все же Рамзиных менее значительных, хотя бы и не связанных персонально с Пуанкаре-войной, но тем не менее делающих антисоветское дело. Имей Советская власть для теплотехнического института и других мест, где сидели Ларичевы., проверенные кадры, — не было бы, что и говорить, их вредительства. Неужели не

ясна после этого необходимость особой бдительности на всех участках работы, в том числе и на фронте изучения национальностей?

Ваша задача — в отношении нацкомсомола исключительно большая и ответственная. Сегодняшние комсомольцы-националы, из которых лишь 8—10 процентов может попасть в город для учебы, через два-три года составят основные политические кадры нацобластей. Значение кадров вы знаете. И вот эта масса жаждущей знания молодежи не обслуживается вами в той форме и в тех размерах, в каких это необходимо, ибо вы не знаете своих обязанностей перед ней, вы не знаете ее больных мест, вы не знаете той обстановки, того окружения, в котором национал-комсомолец живет и работает. Мало того, что вы, т.т. из «Большевистской смены» или те из вас, которые объявили поход «Сказу» и его нацмоментам, всего этого не знаете, но, по-видимому, не сознаете своих обязанностей перед этой категорией молодежи.

А между тем национальный комсомол растет и развивается в условиях обостренной классовой борьбы, закаляется в этой борьбе.

Горский комсомол имеет много болезней и недочетов в работе. В практике его работы мы наблюдаем местами проявления правого оппортунизма и «левых» загибов. Последние получили, как известно, особенно широкое проявление весной 1930 года.

В борьбе с уклонами от ленинской линии, в борьбе с уклонами в национальном вопросе «Большевистская смена» должна и может помочь еще слабым организациям КСМ в нацобластях.

Мы должны выработать нового человека, воспитать и обучить комсомольца-национала в духе ленинской непримиримости к уклонам.

Сочетание политической сознательности, политической квалификации и преданности делу коммунизма с достаточным учетом своеобразия местных условий горских областей, столь необходимое и заслуживающее всяческого поощрения, дает тип комсомольца, который нужен нацобластям. Необходимость партийной и комсомольской учебы, само собою разумеется, не будет отрицать ни один чудак. Но зато у нас находятся опасные чудаки, которые отрицают, правда, не публично, не на словах, а на деле, в практической работе, необходимость учета, изучения горских областей. Отсю-

да — необходимость проверки по авторитетным источникам, нужно же в самом деле учитывать своеобразие горских областей. В самом деле, нужно это или не нужно? Да, нужно, и таким авторитетом, который это подтверждает, является не кто иной, как сам Владимир Ильич Ленин в своем знаменитом письме к коммунистам Кавказа, которое должно быть заучено наизусть каждым комсомольцем и каждым партийцем нацобластей и работниками краевых партийных и комсомольских организаций, учреждений, дает наказ коммунистам кавказских республик, в том числе и горских областей, «понять своеобразие своей республики» такими словами:

«Как ни важен мир между рабочими и крестьянами Кавказа,— писал Ленин в этом письме в 1921 году,— но еще важнее удержать Советскую власть, как переход к социализму. Задача трудная, но выполнимая. Всего важнее для ее разрешения, чтобы коммунисты Кавказа поняли своеобразие своей республики в отличие от условий и положения РСФСР, поняли необходимость не копировать нашу практику, а обдуманно видоизменять ее применительно к развитию конкретных условий».

Эти слова были написаны Лениным девять лет тому назад, и поэтому «ортодоксы» из «Большевистской смены», неизвестно почему присвоившие право на ортодоксию, возможно, подумают (ибо сказать не посмеют), что Ленин тоже «устарел». Но Ленин, конечно, «не устарел», и чтобы их успокоить на этот счет, можно им порекомендовать познакомиться с «Отчетом товарищам колхозникам» тов. Сталина, где автор, приводя эти же слова Ленина, в связи с колхозным движением, воздает должное головоотяпам, которые забыли указания Ленина.

Мы знакомим читателей «Сказа», в том числе горцев и не горцев, но работающих в горских областях, со своеобразием горских областей, имея перед собою практические задачи, хотя бы в борьбе с разными перегибами, чтобы свести к минимуму разные ошибки и иные последствия непонимания, так как в силу привычки «копировать нашу (т. е. российских коммунистов — И. К.) тактику», ошибки порою начинают принимать повальный, угрожающий характер. Роль комсомола во всей работе Советов и не только Советов, а во всех организациях в ауле, весьма значительна.

Вот почему необходимо обратить на комсомол, на его большевистское воспитание особое внимание. А сколько раз вы напоминали горскому комсомолу эти слова Ленина? Не думается, чтобы это было часто. Внимание же к нему с вашей стороны было минимальным, и в то же время под различными предлогами вы мешаєте «Сказу», который этого внимания к горским областям и их населению оказывает гораздо больше, чем вы. В минимальности вашего внимания мы не подозреваем особого, злого умысла, что и говорить, но мы просто считаем, что вы кое-что недоучитываете, кое-что пропустили, кое-что забыли. Но, поскольку вы считаете своим правом предъявлять счета «Советскому Сказу», мы сочли себя вправе предъявить такой же, с неменьшим... основанием, счет к вам и сказать вам о неудовлетворительности обслуживания вами нацобластей и их молодежи, о недоучете их особенностей, недоучете их права предъявить к вам требования к вашей обязанности обслуживать нацкомсомол культурным и политическим руководством. А в силу вашего такого отношения к национальному комсомолу без достаточного учета его национальных особенностей получается такое положение, когда националкомсомолец, нуждающийся в хорошем большевистском руководстве, в деловых практических указаниях и деловой большевистской помощи, не получает их от вас. Это положение ведет к тому, что порою националкомсомолец попадает под сильнейшее влияние мулл и кулачества.

Такие случаи были, и причиной их является то, что национальные комсомольцы не освободились от власти адатов, традиций, хабза, атальчества, от власти старших, от влияния контрреволюционных элементов, с чем мы боремся и с чем борется «Сказ» доступными ему средствами и незнанием чего вы хвалитесь.

И мы утверждаем, что при наличии должного внимания со стороны «Большевистской смены» этого «коллективного организатора» (Ленин) к национальным областям, в частности, к национальному комсомолу и его особенностям, к его сильным и слабым сторонам, эти случаи могли быть с успехом предупреждены.

А теперь сняты с нашей повестки дня эти задачи? Они не только не сняты, но, в силу обострения классовой борьбы в ауле, имея в виду наши огромные за-

дачи на фронте борьбы с капиталистическими элементами горской деревни, эти задачи приобретают особое значение. Совершенно исключительное значение приобретает внимание к молодежи, работа среди нее в целях прочного, бесповоротного завоевания ее. А что для этого нужно? Для всего этого требуется поворот на 180 градусов в сторону горской молодежи, изучение этого человеческого материала, чтобы успешно оперировать им и опираясь на него. А знать и изучить можно этот материал не иначе, как одновременно со средой, его окружающей, отнюдь не вырывая, не выхватывая его из нее, короче — диалектически, а не метафизически.

Вы своей неправильной статьей объективно культивируете, возвращаете в отношении горцев невежество, как некую большую драгоценность. Вы с победоносным видом, очевидно, для пущего посрамления, сообщаете мне весьма «свежие» сведения о национальных областях.

«Национальные области сейчас далеко уже не те, уважаемый Ислам Карачайлы, какими они были семь лет тому назад».

На это можно сказать лишь одно: Ай, спасибо! А я этого совсем не знал.

Не такой ли «свежести» и «новизны» требуете вы от меня, от других, от всех авторов в показе классовой борьбы в ауле? Кстати, об этом показе. Почему это или кто-то другой должны вам показывать классовую борьбу, а вы должны смотреть? Почему не наоборот? Ведь вы же — орган Крайкома ВЛКСМ, хотя, повторяем, дело не в Крайкоме ВЛКСМ, а в наличии в составе «Большевистской смены» некоторых товарищей, которые не стоят на уровне задач газеты. Ведь вы же собираетесь в скором времени выпустить свой 1000-й номер! Сколько лет вы существуете и сколько вы за это время воспитали из среды комсомольского актива Чечни, Ингушетии, Осетии, Балкарии, Карачая, Кабарды, Черкесии, Адыгеи спецкоров, очеркистов, фельетонистов, политически воспитанных, дающих на страницах «Большевистской смены» картины классовой борьбы в ауле, очерки о быте и нравах горцев в 1930 году? Сколько в аппарате самой «Большевистской смены» националов, из которых бы воспитывались большевики-журналисты, способные давать то, что вы от других требуете?

Ни столбцы «Большевистской смены» и никто на

свете не знает таких «питомцев», - никто не знает со столбцов «Большевистской смены» картин классовой борьбы или вообще горской действительности. Ведь три года, кажется, порядочный срок для того, чтобы вы организовали это дело, положили ему прочное начало!

Но, допустим, в этом виноваты не вы, а ваши предшественники и прочие «объективные» условия, но почему этим делом вы хоть теперь не занимаетесь! А ведь для воспитательной политической работы не может быть более благодарного материала, чем национал-комсомолец, если подойти к нему без издевательства, по-большевистски.

Если бы вы на протяжении 900 с лишним номеров также выполняли свой долг в отношении нацобластей, как это выполняет «Сказ», то, по всей вероятности, и вы, и ваши читатели имели бы о горской действительности, о горских областях необходимые в работе элементарные представления.

Но вы забыли прибавить, что южнее Батайска вы вообще никакого Кавказа не знаете и знать не хотите.

И это было бы совсем в стиле Шнелей. Разве не верно, что, изучив все 900 вышедших номеров «Большевистской смены», нельзя все же составить представления о разнице между Чечней и Карачаем, между Осетней и Черкесией, между Ингушетией и Кабардой! Нет, это верно, и очень плохо, что верно, хотя каждая из этих областей имеет свое особое лицо, свои отличительные признаки.

За вашими требованиями показа вам самоновейшей классовой борьбы 1930 года скрывается ваше верхоглядство и ваше полное незнание нацобластей. Эту «роскошь» в виде невежества географического, этнографического и т. п., которую могут себе позволить Шнель и шнели, никак не может себе позволить ежедневная краевая комсомольская газета, ибо такая «роскошь» чревата последствиями, и прежнее невнимание «Большевистской смены» к нацобластям не может продолжаться без конца. Если вы дело не организовали до сих пор, то вы должны организовать хоть теперь. Вы покажите сами образцы для других, а потом требуйте подражания показанным вами образцам. И, наконец, какая гарантия, что если вам показать классовую борьбу «издания 1930 года», то вы не станете

требовать: покажите нам события в ауле не за сентябрь, а за октябрь, не за первую декаду, а за третью, не за пятую пятилетку, а за шестую, ибо в наше время действительно месяцы и недели иногда по своему значению равны годам и десятилетиям. Такой гарантии нет, и никто не обязан применяться к причудам людей, к которым некий поэт обращался:

«Уме недозрелый,— плод недолгой науки».

Никто не обязан и не станет применяться к ним каждый раз, когда этим «умам» или умникам захочется требовать показа того или иного явления, тем более что, по Ильичевскому выражению, один невежда может задать столько вопросов, на которые сто ученых не в состоянии ответить. Нужно все это учитывать и никаким невеждам не позволять злоупотребления тем, что они, при всем невежестве, все-таки вошли в некоторые наши редакции.

ОТ ПАТРИАРХАЛЬНОЙ СЕМЬИ К АТЕИСТИЧЕСКОЙ

Патриархальная горская семья — это своего рода крепость, сильная своим внутренним распорядком, внутренними, веками сложившимися, традициями и уставами. Патриархальная горская семья — это семья своеобразного восточного «домостроя», где власть старшего была, еще недавно, впрочем, у разных народностей в различной степени — превыше всего. Дело здесь в том, что от русского «домостроя» пахнет, так сказать, ладаном, монастырскими засовами, постным маслом, в то время как в горском «домострое» чувствуется языческая неумолимость спартанских нравов, фанатическое самоотречение во имя семьи, рода, племени, во имя... намыса.

Едва ли нужно говорить, что в наше время уже таких твердокаменных семей-крепостей нет, что разложение патриархальной горской семьи уже началось давно. Революция сильно ускорила этот процесс разложения семьи, отхода ее от адатов, отхода от религии, дав процессу направление, осмыслив его, влив в него весьма актуальное внутреннее содержание.

Своеобразие, о котором мы упомянули, объясняется, между прочим, характером экономики горских народностей, состоянием производительных сил их хозяйства плюс наличием такого фактора, как ислам — му-

сульманская религия, исповедуемая всюду горцами, за исключением части осетин. На горские обычаи и адаты, на внутреннюю структуру не только семьи, но и рода оказала большое влияние столетняя кавказская, или горско-русская, война. Горские народности, несмотря на общность их интересов и исторических судеб, натравливаемые друг на друга агентурой наступавшего русского самодержавия, вели длительную, отчаянную, то затихающую, то вспыхивающую с новой силой борьбу и между собою и со своими соседями с севера и с юга.

С легкой руки Пушкина и других, которые также писали о горцах в духе Пушкина, сложилось мнение будто

скучен мир однообразный
сердцам, рожденным для войны..

Мы готовы согласиться, что, в конечном счете, дело дошло до того, что война сделалась бытовым явлением и горцам становилось «скучно» без войны. Состояние перманентной войны, необходимость и обязательность участия каждого мужчины в военных выступлениях (а на войне и дисциплина!) настраивали всех горцев, независимо от возраста, на военный лад, военизировали горскую семью, что называется, до сердцевины, до корня волос, военизировали, так сказать, настроения, привычки, весь бытовой уклад. Отголоски давно отгремевших битв, давно прошедших времен тем не менее чувствуются и по сей день в тысячах мелочей. Если даже Лермонтов, сравнивая казака и горца, восклицает:

И как же горца на седле
Не различить мне с казаками!..

— свою симпатию отдавая горцу, «горской посадке», то нужно признать, что это, как и многое другое, выработалось у горцев в результате жестокой, суровой и железной житейской школы, которую они прошли. Даже традиционный горский костюм — пояс со всевозможными приспособлениями для походной жизни, ноговицы — все это говорит о тех же временах, все это имело свое особое назначение или, вернее, ряд назначений, «на всякий случай», каковыми так богата была тогда военная обстановка. Например, газыри, которые теперь составляют анахронизм и являются толь-

ко предметом украшения, когда-то были местом для пороха и пуль — для одного заряда, когда еще кремневые ружья были высшим достижением военной техники. Само слово «газырь» или «хазыр» — значит «наготове» или «готовые», потому что в них всегда находились действительно наготове порох и пуля.

Формальной, юридически обязательной дисциплины в горском быту в мирное время, конечно, не было. Но зато была дисциплина добровольная, спартанская, дисциплина, предписываемая намысом или намусом — у карачаевцев и балкарцев, хабза — у черкесов и кабарднцев.

Такая дисциплина была во много раз более сурова, неумолима, беспощадна, чем юридически обязательная дисциплина. Сила общественного мнения рода, фамилии, племени, народа в горском быту была так велика, горцы так привыкли с ним считаться, что случаи нарушения этой добровольной дисциплины, случаи проявления неуважения к старшему, непослушание его встречались как самое редкое и исключительное, пока не началось постепенное разрушение старой «домостроевской» горской семьи, родового и фамильного быта, их патриархальных устоев, вместе с проникновением в наши горы и ущелья иноземного торгового капитала.

С началом же этого процесса, после значительного отдыха от войн непрерывных, к нарушениям адата отношение становится менее суровым или, вернее, так сказать, односторонне суровым. Например, если такой нарушитель принадлежал к богатой и знатной семье, то это боялись публично и громко осуждать, хотя в глубине души, что и говорить, массы ненавидели таких нарушителей. Если адатонарушитель или адатопреступник принадлежал к менее знатным или совсем незначительным семьям, то их преследовали своим бойкотом, сживали со свету, жизнь для них делали невыносимой.

Мало этого: окружающие отравляли жизнь не только непосредственно «преступникам», но их родителям и близким родственникам. Мать автора этих строк, верующая старуха-горянка, глубоко страдала не из-за того, что ее безбожный сын не признает и не соблюдает оразы, и не из-за того, что он равнодушен к корану, религии и т. д., а потому, что об этом знают... Ханиш, Конаккыз, Ольмесхан, Коз-Тюйме и другие

женщины, ежедневно с ней встречающиеся, их мужа и близкие, да еще потому, что он никогда даже не бывает возле мечети, — не только не молится в ней.

При этом, хотя часто приходится слышать о горском фанатизме, порою не без основания, существует удивительная пословица, говорящая о силе адата: «Ах-рат азабдан эсе дуния намыс кючлюдю» — «Намыс мира могущественнее наказания в аду». Здесь дело в том, что даже религия отходит на десятое место по сравнению с адатом. Особенно суровы были обычаи к нарушителям традиций, которым, по мнению окружающих, только трусость диктовала то или иное поведение. И тем не менее эти нарушения стали учащаться по мере разложения родового строя, по мере ослабления традиций, адатов, с проникновением европейского русского влияния с изменением характера экономики горских народностей, а стало быть, с возникновением новых потребностей, с ростом производительных сил, с изменением характера производственных отношений.

По старым традициям, в горской среде на почет и уважение имели право люди, показавшие свою храбрость в военных столкновениях. Наиболее уважаемой чертой мужского характера была храбрость, наиболее презираемой — трусость. В горской среде труса за человека не считали. Труса ценили ниже собаки. Его окружали общественным бойкотом. Девушки-горянки не отдавали своей любви людям, убежавшим с поля брани или не отомстившим за убитого родственника. При этих условиях каждый молодой горец волей-неволей должен был «стать храбрым» или, по крайней мере, заботиться о том, чтобы его не считали трусом.

За трусость, неумеренность в еде (обжорство) и другие тому подобные «пороки», особенно проявленные во время военных столкновений, труса лишали узденского звания, предание о их поступках в назидание передавалось потомству.

Мы позволяем себе привести здесь весьма показательное четверостишие, которое уже недавно приводилось в журнале «Революция и горец»:

В горах никого нет,
Кто бы вынес позор.
И труса прогонит
Красавица гор.

Кто не помнит, по Пушкину, проклятия старого че-

ченца Галуба, который обращается к своему сыну, не исполнившему обряда кровной мести над убийцей брата? Молодой чеченец Тазит, получивший не чеченское воспитание, почувствовал сострадание по отношению к кровнику, которого он увидел изнуренным, оборванным, голодным и беззащитным.

И поэтому старина, которую и могила-то не в состоянии была исправить, предает сына анафеме:

Поди ты прочь! Ты мне не сын,
Ты не чеченец, ты старуха!
Ты раб, ты трус!..

Людей, подобных Тазиту, все избегали, как прокаженных. Отцы и матери отрекались от них с проклятиями.

В таких условиях, в таких приблизительно понятиях росли целые поколения горцев, хотя все это среди различных народностей было не в одинаковой степени.

Однако же, недаром говорят: нет ничего вечного под луной. За последнее десятилетие горская семья особенно испытывает действие «какой-то» силы, которая неподвластна никаким адатам, даже самым священным и могущественным. Разрушается старый быт, разрушаются понятия и бытовая мораль, которые пронизывали собою все поры горской жизни. Чеченская народная песня, сложившаяся несколько лет тому назад, оплакивая гибель старых адатов и быта, между прочим, говорит:

Подумайте своими сердцами,
Плачьте своими глазами аллаху.
Религия разрушается,
Войска сатаны подрывают религию,
Отрицают существование великого аллаха.
Настала грязная пора!

(из записей т. Муссы Кундухова)

Старая горская семья и быт трещат по всем швам. Нарушителей адатов, ослушников родительской воли, попирающих вековые святыни адата и шарната, с каждым днем становится все больше и больше, и притом не только среди мужской молодежи, но также и среди женской. То там, то здесь закрываются мечети.

Бросивших оразу насчитывается многими тысячами. Муллы отказываются от духовного звания сотнями. Пусть это мы не имеем права рассматривать как свое достижение, ибо, быть может, это дипломатический ход нашего классового врага, но, во всяком случае, это вода на нашу мельницу. Во всяком случае, наряду с ловкачами, лавирующими и маневрирующими муллами, которые дипломатией временно спасают свою шкуру, есть люди, искренне отказавшиеся от бога, поправшие его. И нельзя этого явления недооценивать.

Против воли родителей, аллаха и пророка, молодежь отрекается от ритуала венчания по мусульманскому обряду, попирает «неках», ограничивается регистрацией в подотделах записи актов гражданского состояния, получивших отныне историческую известность «ЗАГСов».

Против воли родителей и старших, молодежь едет учиться за сотни и тысячи верст и возвращается домой, окончательно освободившись от плена аллаха.

С наступлением обычно августа в наших областных и окружных центрах можно видеть сотни юношей и девушек, которые приехали сюда, чтобы получить командировку «куда-нибудь учиться». И среди них много убежавших от родителей, порвавших с ними вовсе.

Когда препятствуют учебе молодого парня, желающего учиться, то никакие резоны уже не помогают: он свое дело сделает, как бы семья не протестовала.

В Москве и Ленинграде сейчас насчитывается больше 1000 человек горской молодежи, грызущей молодыми зубами гранит науки.

И попутно зарождается новая семья, которую можно назвать совячейкой или комячейкой по характеру интересов и в силу насыщенной сознательности атмосферы и воспитывающихся в ней навыков, идеалов и стремлений.

В новой семье, безбожной, коммунистической, где еще много, быть может, шероховатостей, есть одна удивительная особенность — жажда учебы. И притом, жажда не только у молодых, но и у взрослых, у средних, у всех без исключения. Учится отец семьи, ответ-работник, и за несколько лет самостоятельной учебы и пребывания на курсах проделывает огромную работу над собою. Учится мать, несмотря на сложность для нее этого вопроса, начав с азов, наравне со своими детьми, постепенно, понемногу преодолевает одну

трудность за другой. И хотя науки в 35—40 и больше лет даются не так уж легко, эти новые люди ни перед чем не пасуют, не складывают оружия и с еще большим упорством идут все вперед и вперед.

Здесь нет «дисциплины» ради дисциплины, нет принуждения, нет стояния у стены, традиционного горского подпирания ее в знак «уважения к старшему».

Здесь над всем доминирует учеба: учатся все до последнего малыша. С учебниками и без них. Посещающая курсы, школы, сидя дома. Каждая свободная минута используется в этом духе.

А главное — здесь нет хмурых, сердитых, мрачных физиономий, напоминающих грозовую тучу, готовую разразиться, как бывало еще недавно, громом и молнией на несчастную голову матери-хозяйки и запуганных детей. (Известно, что и сердиться-то и быть недовольным имел право только глава семьи, остальные должны были быть... счастливы и довольны.)

Здесь нет ни в большом, ни в малом сознательного попирания прав другого, нет гнета, эксплуатации. Зато здесь есть здоровый, радостный, искрящийся смех. Здесь есть стремление вперед и выше. Правда, эти семьи еще малочисленны, но они уже существуют. Они с каждым днем множатся. Одни им завидуют открыто, другие завидуют им тайно. Одни их ненавидят и боятся, другие их благословляют и подражают им. Но и те, и другие, и третьи признают их превосходство перед старой горской семьей.

В этом залог того, что будущее принадлежит не тем, которые тянут назад, к средневековью, а тем, которые строят новую, лучезарную, счастливую, многокрасочную жизнь!

ГОРЯНКА НА ПУТЯХ К ЭКОНОМИЧЕСКОМУ РАСКРЕПОЩЕНИЮ

В городе Владикавказе закончились первые краевые курсы птицеводов-горянок. Курсы были полуторамесячные и протекали, так сказать, под сенью Горского Сельскохозяйственного института. Для заведования же курсами была командирована из края энергичная, знающая и любящая дело женщина, старая партработница т. М. Жила.

Нам довелось присутствовать на выпускном собра-

нии курсов, которое подводило итоги своим достижениям и промахам.

Прежде всего важен самый характер курсов, а затем оценка, какую давали курсам сами курсантки-горянки, птицеводы и кооператоры.

Курсы — первые, краевые, горские, кооперативные. Там можно было встретить представителей самых отдаленных углов Чечни, Ингушетии, Осетии, Черкесии, Кабарды, Балкарии; Адыгеи, Карачая, горских евреек, ногаек, гречанок, украинок, грузинок и, наконец, русских. Относительное большинство тут составляли чеченки и осетинки. Подготовка курсанток самая пестрая: бойко говорящие по-русски, слабо объясняющиеся и понимающие русский язык и, наконец, не говорящие по-русски вовсе. Для слабо говорящих и совсем не говорящих были приглашены особые переводчики, которые не только содержание всех лекций, бесед и уроков переводили с русского языка на языки курсанток — чеченский, черкесский, осетинский, карачаевский и др., — но и ответы курсанток с карачаевского, кабардинского, балкарского, чеченского, ингушского, осетинского и др. языков на русский язык для преподавателей, чтобы они (преподаватели) имели возможность судить о том, насколько усвоены преподаваемые ими предметы курсантками. А предметов этих не мало. В выпускных свидетельствах их перечисляется до десятка. В том числе анатомия птиц, зоология, физиология, обществоведение и т. д.

Как показывает количество переводов, это не было делом легким. Наоборот, оно было в высшей степени трудным делом, и, по свидетельству самих горянок, окончивших курсы, администрация и преподаватели в буквальном смысле слова «нянчились» с ними, зная, что без этого, при наличии формального подхода да при крайней отсталости горянок, дело можно легко сорвать. Правда, не все взгляды на этот счет совпадали. Иным казалось, что все это «совершенно напрасно» и недоумевали:

— Кому нужны все эти неграмотные горянки, их учение и «мучения»?

Но это были уцелевшие остатки той старой квазинтеллигенции, которые при многих, может быть, достоинствах, забывают «мелочь»: Октябрьский переворот 1917 года коренным образом изменил все старые общественные отношения б. Российской империи.

В противовес им была другая, «советская» группа, которая говорила примерно так:

— Совершенно верно, гражданин интеллигент! Они, эти забытые и безмолвные горянки, вам не нужны. Но они нужны нам, Советской власти, нам — Коммунистической партии. Мы для них — все, и они и им подобные — угнетенные, эксплуатируемые для нас — тоже все. Мы от вас не требуем, чтобы они были для вас «милы», мы требуем, чтобы вы только выполняли честно свою работу.

И те, сконфуженные, смущенные, были вынуждены молчать.

Но в конечном счете результаты вполне оправдывают положенные на это дело труды и средства. Курсы при всех трудностях обнаружили 74 процента успеваемости. Но и те, которые слабо успевали, получили необходимую в этом деле грамотность.

Нам пришлось слушать речь курсанток по окончании. Это было сплошным гимном революции и Советской власти, призвавшим их из небытия к новой жизни. Говорились речи о значении, которое имеет и которое может иметь птицеводство в хозяйстве горца. Выпущенные из курсов инструктора и работницы это дело понимают, не говоря о хозяйственном значении птицеводства для СССР, для его экспорта, для повседневного обихода рабочего и крестьянина, еще как один из существенных моментов на путях к экономическому раскрепощению горянки.

О значении птицеводства можно судить хотя бы по такому ничтожному факту. По сведениям одной газеты, во время летнего сезона в Кисловодске ежедневно истребляется 5000 цыплят. Но ведь Кисловодск у нас не единственный курорт, есть у нас и другие города и другие курорты. И, кроме всего этого, у нас птица нужна не только летом, но и во все времена года. И все это тем более важно, что нет ни одной горской области, которая бы не имела двух-трех курортов, хотя последние во многих отношениях только благоустраиваются и частью находятся в зачаточном состоянии. Если смотреть на это новое дело в свете этих фактов, то становится понятным все громадное значение первых краевых птицеводческих курсов, организованных Крайптицеводсоюзом.

Хорошие результаты курсов, представляющиеся несомненными (выпущен 1 инструктор краевого масшта-

ба, 3 — окружного, 19 — районного, остальные предназначаются для работы в аулах), дают основание думать, что первые курсы, откуда горянки уехали обласканные, ободренные, уверовавшие в свои силы, полные энтузиазма и желания работать, — что эти первые курсы будут не последними.

ГОРЕЦ В ПРОИЗВОДСТВЕ И РАБОЧИЕ КАДРЫ ДЛЯ НАЦОБЛАСТЕЙ

(Об опыте и перспективах вербовки националов
в краевую промышленность)

Вопрос о кадрах для нацобластей, о том человеческом материале, чьими руками должен строиться социализм в горских областях Северного Кавказа, на исходе второго года пятилетки стал во весь свой огромный рост.

Но если представляется совершенно бесспорным несравненное значение кадров врачей, агрономов, инженеров, техников, учителей, животноводов и др. работников т. н. интеллигентных профессий, то вопрос о рабочих кадрах для нацобластей, который кое-кем до сих пор продолжает игнорироваться, нужно признать узловым, еще более важным, сугубо значительным и подавно бесспорным.

Этот вопрос свою оценку получил в ряде решений Крайкома ВКП(б), который, придавая ему исключительное значение, возвращался к нему неоднократно и каждый раз отмечал и подчеркивал значение его для нацобластей.

Еще в 1928—1929 г.г. состоялась вербовка первой тысячи рабочих-националов в производство. Сейчас идет вербовка второй тысячи. В течение ближайших трех лет количество рабочих-националов в краевой промышленности должно быть доведено до 5000, причем среди них не менее 20 процентов должны составлять женщины.

В силу особого значения, какое придают партия и Советская власть вопросу вербовки националов в промышленность, крайне важно установить, как протекает это дело, проходит ли оно безболезненно, без сучка и задоринки, самотеком, не наталкиваясь на моменты, которые тормозят это дело? Вербовка идет самотеком, без особого разбора и придинок к тем, кто хотел бы попасть на фабрики и заводы. А в осталь-

ном дело не проходит безболезненно, не проходит так успешно, как бы хотелось, наталкивается на своем пути на ряд больших трудностей, без устранения которых вопрос этот не может успешно разрешиться.

Что этот вопрос не может успешно разрешиться без устранения трудностей, тормозов, стоящих на его пути, об этом говорят наш 2-хлетний опыт и практика с первыми двумя тысячами.

Трудности и недочеты дела вовлечения националов в краевую промышленность, на которых мы хотим остановиться, имеют две стороны.

Во-первых, как нацобласти, их исполкомы, их парт-организации и вербуемые ими в промышленность националы до сих пор относились и сейчас относятся к этому важному мероприятию Советской власти.

Во-вторых, как фабрики, заводы, предприятия, фабзавкомы, ячейки, партийные и комсомольские организации, хозяйственники и хоз. учреждения до сих пор относились и сейчас относятся к делу вовлечения националов в промышленность, к делу создания пролетарских кадров для нацобластей, которые до сих пор являлись сплошь крестьянскими.

Ответив на эти два важнейших вопроса, мы сделаем логически вытекающие из этого ответа выводы. Сейчас мы остановимся на первом вопросе.

* * *

Прежде всего надо прямо сказать, что в деле вовлечения в промышленность представителей семи горских областей и ряда национальных районов края сказалась как нигде трудность взнуздания крестьянской индивидуалистической, анархической стихии. Когда же эта индивидуалистическая стихия относится к сплошной крестьянской области, богатой всякими т. н. местными особенностями, а таковыми (т. е. сплошь крестьянскими) были еще совсем недавно горские автономии, не имевшие до последних двух лет (кроме Сев. Осетии) совершенно пролетарских кадров, даже малочисленных, то возникают еще добавочные трудности: нетронутость и целостность крестьянской психологии, живучесть сословных, фамильных, патриархально-родовых представлений, низкий уровень культуры, наличие все еще не разрешенной «проблемы гор».

Самый этот термин «проблема гор» только во второй год пятилетки получает ясные очертания, завоевывает

право гражданства в нашей повседневной терминологии и требует пояснений порою даже для работников, играющих руководящую роль в наших краевых управлениях.

Итак, что же это за «проблема гор», которую также должна разрешить наша пятилетка, если не окончательно, то во всяком случае начерно?

Сушность этой проблемы заключается в том, что целый ряд горских областей — Чечня, Ингушетия, Осетия, Кабарда с Балкарией — распадаются на две резко отличающиеся друг от друга части: горную и плоскостную. В то время, когда проводить любые мероприятия партии и Советской власти в плоскостной части любой горской области относительно легко, ибо они не так оторваны от городов, не так далеко отстоят от железной дороги, больше связаны с русскими населенными пунктами, больше между ними хозяйственного сотрудничества и разделения труда, больше подвержены советскому пролетарскому влиянию, — горная полоса в значительной степени остается неохваченной нашей работой и нашим влиянием. Таковы, например, части Итум-Калинского округа в Чечне, где есть аулы, которые не имеют ни школы, ни избы-читальни, ни ликпункта, никакого подобия кооперации, ни одного комсомольца среди сотен студентов и учащихся Чечни, ни одного своего представителя в учебных заведениях и ни разу не видели у себя кинопередвижки. Эти аулы годами не видят ни одного работника своего областного центра. Таковы, или приблизительно таковы, некоторые районы Карачая, как, например, Даутское ущелье, Джазлык и т. д. Таков ряд районов Балкарии. В этих труппах зачастую Советская власть является номинальной.

Горные районы нацобластей тоже, конечно, не однородны. Есть среди них более доступные и менее доступные для внешнего влияния. В горные районы нацобластей неохотно едут товарищи на работу. Почему? Потому, что это связано с большими лишениями для человека, который привык к некоторым хотя бы даже небольшим удобствам относительно культурной жизни. Еще год-два назад были такие горские области, которые на всю свою территорию не имели ни одного кинотеатра, не говоря о чем-либо более серьезном и значительном. Даже теперь вся Карачаевская автономная область со всеми входящими в ее состав ущельями имеет один кинотеатр в своем областном центре — в г. Микоян-Шахаре.

Нужно ли говорить о том, как трудно обслуживание

населения в условиях такой отсталости медицинской помощью, как трудно обслуживание женской половины населения. Можно сказать без преувеличения: еще совсем недавно классовый наш враг — местный мироед-кулак и его союзник мулла — абсолютно беспрепятственно хозяйничал в горных районах нацобластей. Но есть даже сейчас такие аулы, где они являются господами положения.

Люди, которых извлекли из этих вот районов, часто воображают, что они, идя на учебу, идя в промышленность для получения квалификации, делают кому-то большое одолжение, оставляя свой аул, свое ущелье, свой кош, расставаясь порою с положением батрака и бедняка, хищнически эксплуатируемого кулаком или каким-либо шейхом.

Почему это происходит? Потому, что они, эти вербуемые в промышленность товарищи, во-первых, думают, что они от своей области выполняют какую-то повинность для государства, во-вторых, они не знают, что сулит им в дальнейшем положение рабочего, если сделаться им настоящими индустриальными рабочими, начать жить интересами социалистической индустрии, признать ее родной стихией.

Но даже перечисленными моментами не исчерпываются все трудности, которые стоят на пути к разрешению этой большой хозяйственно-политической задачи. Есть еще другая серия трудностей: слабость и молодость собственных очагов промышленности, возникших к тому же лишь в советское время, малочисленность рабочих кадров, не имеющих никаких традиций революционной борьбы, как у пролетариата промышленных районов. Это с одной стороны. А с другой — заботы, внимание и мероприятия Советской власти о малых и угнетенных национальностях у наиболее отсталых слоев этих национальностей вызвали известного рода собесовские настроения.

Эти настроения объясняются отчасти неверным взглядом на то, что раз их взяли с сельского хозяйства и вовлекают в промышленность, в производство, то их должны всячески устроить и всем обеспечить. Но главным объяснением этих настроений является исключительная по своей чуткости ленинская национальная политика Советской власти. Всякий батрак, бедняк, сколько-нибудь грамотный и развитый, знает, что Советская власть есть власть самих трудящихся, угнетавшихся и эксплуатирувавшихся в прошлом, и что горцы, как наиболее угнетенные в прош-

лом, имеют бесспорное право на полное внимание к себе и своим нуждам, особенно — когда эти горцы — бедняки, батраки и середняки, особенно, когда они рабочие или полурабочие. Этот взгляд, в основном правильный, имеющий своим основанием 13 лет практического разрешения национального вопроса Советской властью, есть обратная сторона той медали, которая выражает эти собеседские настроения.

В чем конкретно эти настроения заключаются? Они заключаются в ряде почти однородных формул: «Я, как национал, потребую», «Мне, как националу, не откажут», «Для националов особые условия», «Для националов, конечно, исключение» и т. д. и т. п.

Эти настроения и эти претензии на исключительность, на особое внимание к себе делают порою, как, например, в деле вербовки рабочих-горцев в промышленность, невозможным учет особенностей нацобластей и какую-либо реальную помощь, так как вызывают неплановый, вне всяких нарядов, приток безработных горцев, неправильно сформированных своими земляками в их письмах на родину, зачастую ими же вызванных. Эти же настроения являются причиной всяких необоснованных претензий как со стороны приезжающих по наряду, так и со стороны приезжающих не только без наряда, но даже без всякого документа. Эти настроения, говорящие о неправильных взглядах на дело формирования и вербовки рабочего ядра в горских областях, служат серьезным препятствием в этом деле, создают добавочные трудности.

Но даже этим не исчерпываются все трудности создания пролетарских кадров националов. Национальные парторганизации не вполне усвоили свои задачи, вытекающие из партийных директив о пролетарских кадрах нацобластей. Они не вполне оценили те трудности, о которых мы до сих пор говорили.

Откуда это видно? Это видно и с неоспоримой очевидностью обнаруживается при первом знакомстве с теми товарищами, которые приезжают из Чечни, Карачая, Черкесии и др. нацобластей для поступления на производство. Кого же они присылают? Не будем мы сейчас говорить о не вполне и не всегда удовлетворительном, доброкачественном социальном составе командированных нацобластями, о невыполнении директив Крайкома в отношении женщин-горянок — вместо 20 процентов, требуемых Крайкомом в составе присылаемых нацобластями в производство, до сих пор прислали только 2 процента. В дан-

ном случае наша задача состоит в том, чтобы показать на основании личного знакомства со многими товарищами, личных наблюдений, впечатлений, бесед, неторопливого вникания в историю, так сказать, пролетаризации отдельных товарищей, в результате внимательного выслушивания их жалоб, ходатайств, просьб, пожеланий и т. п., кого же присылают наобласти в отношении их перспектив в производстве, в смысле понимания ими серьезности этого важнейшего поворота в жизни, более важного, чем женитьба и замужество, более важного, чем поступление на советскую службу в обычном смысле слова, более важного, наконец, чем поездка на учебу.

Они, как правило, присылают людей, не имеющих никакого понятия об ожидающей их работе на производстве, о его характере, резко отличающемся от крестьянского труда, от обстановки горского аула, от кошевой жизни, не связанной с производственной трудовой дисциплиной, с обязательным соблюдением не только дней и часов в работе, но даже и минут, что не всегда понятно национальному крестьянству.

Приезжающие сплошь и рядом говорят: «Мне в области (т. е. в Чечне, Карачае, Балкарии, Кабарде и др.) сказали: будешь работать, получать жалованье и будешь учиться». Это стереотипный, готовый ответ на вопрос: зачем приехал? Многие, покидая свой аул, воображают: лишь бы добраться до Ростова, а там дело в шляпе, там начинается область, где текут медовые реки между кисельными берегами, там, наверно, будет хорошо: «Националам ведь снисхождение». В крайнем случае, «наши» (т. е. уже устроившиеся земляки) помогут.

И здесь начинается хождение по мукам, полоса мытарств обоюдных: и для тех, кто приехал, и для тех, в надежде на чью помощь приехали.

Крестьянин не привык измерять свое время (а чужое время тем более) часами и минутами, несмотря на все специфические трудности крестьянского труда. Горец-крестьянин, «живущий по солнцу», определяющий время дня по пяти ежедневным намазам, еще меньше привык дорожить минутами. Ему часто непонятно, «зачем только суетятся люди», когда-де можно делать все спокойно, не спеша. Он не имеет никакого понятия о тех многочисленных обязанностях, о той нагрузке, под тяжестью которых часто изнывает их земляк, не располагая свободным часом для себя.

Горец-крестьянин гостеприимен, и часто для своего

гостя он имеет возможность ничего не покупать, потому что крестьянское хозяйство ему дает все самое необходимое, а «деликатесов» от него никто не будет требовать. Приезжая в город, он то же самое ожидает от своих земляков, соплеменников и одноаульцев, которые в городе живут в обрез, часто даже не имея собственной комнаты, в общежитии, вдвоем, втроем или вчетвером с кем-нибудь, не имея с ними ничего общего, кроме общей жилплощади.

В городе существует биржа труда, которая регулирует дело предоставления работы нуждающимся в ней и предлагающим свой труд. На бирже числятся тысячи безработных, которые, ожидая работы долгими месяцами, не могут дожидаться ее. Необходимость пройти через биржу и считаться с «какой-то» биржей часто непонятна горцам. Приезжая в большой город, они много видят безработных, которые ждут и готовы настойчиво ждать работы. У горца, который приезжает без наряда, в неплановом, самотечном порядке и требует к себе «снисхождения», «максимума внимания» и т. д., в ожидании работы этой настойчивости не хватает. Да и ждать-то ему, в сущности, негде: он не имеет жилплощади, сидит на шее у какого-нибудь «земляка», не имея необходимых средств в виде прожиточного минимума, чтобы жить и ждать очереди.

Мало этого: израсходовав последние гроши, он переходит на «попечение» земляков, которые сами живут впроголодь. Но, не смея сделаться отступниками обычая гостеприимства, они, сами получающие 60—70—100 рублей, делятся с гостем последним, когда это так тяжело даже получающим не менее 60 рублей, а в три и больше раз.

На гостеприимстве в городских условиях мы останавливаемся, чтобы сказать, что при наличии этих обычаев вчерашний аульский парень сегодня как «горожанин»-рабочий должен принимать земляков, приезжающих из аулов и ущелий наобластей. Гостеприимство в этих условиях такое явление, с которым необходимо бороться.

Общезвестно, что неквалифицированный труд оплачивается хуже квалифицированного. Горцу не назначают того жалованья, которое бы было ему желательно, которое бы хватило ему на «сносную жизнь», на прием гостей, а назначают в соответствии с тарифной сеткой. 40—50—60 рублей для начинающего жить и работать в городских

условиях, попутно помогая и своей семье, оставленной в далеком ауле, оказываются недостаточными.

Горцы на различных предприятиях составляют не сотни, даже не всегда десятки, а единицы. Окружающая негорская масса часто не понимает горцев. А горцы, в силу своей крестьянской психологии, в силу своего воспитания на началах адата, намуса, шариата, также не понимают окружающей рабочей массы, ее языка, ее склонностей, привычек и т. д. и т. п. Горцы очень часто даже вовсе неграмотны и не говорят по-русски — ни те, что приезжают в порядке самотека, ни те, что прибывают в порядке выполнения наряда.

Горцев присылают в город на производство так, что ни посылаемые лица, ни посылающие организации часто не знают, на каком же производстве будет данный товарищ и где наиболее желательна его работа. Товарищ этот большей частью попадает на такое производство, которое совсем не отвечает ни его призванию, ни его склонностям, ни потребностям пославшей его национальной области в квалифицированных рабочих кадрах. В этом отношении во время последней вербовки рабочих из семи нацобластей и ряда нацрайонов края составила исключение Ингушская область, которая вдумчиво и серьезно отнеслась к вопросу о посылке на производство.

Ингушский облисполком в своем обращении к национальному совету подробно указывает, сколько нужно в промышленности Ингушетии из состава данной вербовки токарей по дереву, слесарей, пилоточильщиков, циркулярщиков и т. д. и т. п. — по лесодеревообрабатывающей промышленности, сколько в лесохимической, в кирпично-черепичной, консервной, крахмальной, сланцевой и т. д. и т. д. Больше ни одна из горских областей до сих пор к этому делу не отнеслась с такой серьезностью, а это осложняет и без того большие трудности. Эти вовремя не учтенные, не предусмотренные трудности являются в конечном результате источником всяких бед, огорчений, разочарований, ухода с производства или увольнений с работы, что очень часто достигает горцев.

Коль скоро существуют трудности, ясно, с ними надо бороться так, чтобы получить в короткий срок максимальный эффект. Отсюда вопрос: возможно ли полностью или в значительной степени изжить эти недочеты?

Мы с полной уверенностью отвечаем: если местные власти и советская общественность нацобластей хорошо усвоят и поймут свои задачи в этом деле, то в значитель-

ной части от этих недочетов можно избавиться. И мы предлагаем: при вербовке рабочих на производство практиковать подход сугубо индивидуальный. Не только нельзя послать всякого «национала», но нельзя посылать всякого бедняка, батрака, середняка. Какой смысл посылать на производство такого бедняка, батрака и т. д., если они смотрят на это дело, как на выполнение повинности, если они не проявляют никакой склонности к тому, чтобы влиться в производство, стать рабочим, поднять свой культурно-политический уровень?

Нужно по возможности посылать бедняка, батрака, середняка грамотного, достаточно подвижного, чтобы приспособиться к условиям производства, имеющего склонность и тенденцию к культурному и политическому росту по-настоящему, ибо известно, что не всякий рабочий имеет тенденцию учиться, многие по достижении 18—20 лет решают: учиться уже поздно, не нужно на это тратить время.

Нельзя не обратить внимание на такое явление: есть отдельные работники-националы, злоупотребляющие чутким отношением к батрачеству и бедноте со стороны партийных товарищей или учреждений. Эти работники ведут «кочевой» образ жизни: переходят с учебы на производство, с производства на советскую работу, с последней в какую-нибудь военную школу, потом оставляют ее, потом опять уходят куда-нибудь. Их бедняцкое или батрацкое происхождение из среды мелких национальностей им помогает тут и там добывать необходимые для этих «переходов» бумажки. Им все нехорошо, все не нравится, всюду не то, всюду к ним «придираются», везде к ним «несправедливы», нигде действительность не совпадает с их ожиданиями и желаниями, которых они либо не уяснили себе, либо же, увлекшись «разнообразием», не желают «засиживаться» долго на одном месте.

Есть такие товарищи среди учащихся, более или менее взрослых. Есть такие среди подростков-националов, которые, несмотря на молодость, умеют подчеркивать свое бедняцко-батрацкое происхождение, преувеличенно расписывать настоящие или мнимые заслуги своих отцов перед революцией и на этом основании требовать к себе внимания и забот. Один такой парень лет 16—17, переменивший до десятка разных фабрик, заводов, фабзавучей, после последнего исключения пишет в Краевой нацсовет: «Похлопочите принять меня обратно, я уже исправился — и больше баловаться не буду».

Таких парней нужно держать в ежовых рукавицах дисциплины, школьной или производственной — безразлично. А прежде чем начать применять жесткий режим, нужно заранее подготовить к мысли, что в школе или на производстве ожидает не бумажная, а настоящая дисциплина, несоблюдение которой лишает права на место, которого ждут десятки и сотни потомственных пролетариев, имеющих такие же, а может быть и большие, права на учебу.

Есть еще одна разновидность рабочего-национала. Мы говорим о таких, которые работают на фабрике или заводе очень добросовестно и очень серьезно, все ими довольны, мастера их хвалят, но весь свой заработок и все свободное время тратят на учебу у частных учителей, не довольствуясь тем, что им дают различные курсы, кружки, школы, доступные для рабочих от станка. Но что же тут особенного, разве это плохо? Учиться и работать, конечно, не плохо, но плохо, когда такой присланный смотрит на свое положение рабочего как на вещь, только помогающую дойти «до степеней известных», когда он смотрит на него как на неизбежное зло, как на божье наказание, которое надо отбыть, только отбыть во что бы то ни стало. Это плохо тогда, когда он представляет себе рабочего согбенным и страдающим, а не хозяином и творцом социалистического общества, умелой, мастерской рукой переделывающим весь мир. Мир переделывают именно не «служащие», не «чиновники», а рабочий класс, вооруженный наукой и техникой и сознающий свою великую историческую миссию. Каждому рабочему, в том числе и националу, с завистью поглядывающему на служащего, нужно понять и усвоить эту великую историческую миссию пролетариата.

Та категория рабочих-националов, о которой мы здесь говорим, на свое пребывание на производстве смотрит как на «временное» явление. Не нужно однако же их считать законченными «мещанами», которые способны думать только о тепле и уюте. В их таком упорном стремлении именно этим путем «выйти в люди» сказывается их прежняя забитость, суровая школа нужды и голода, которую они прошли и которая им внушила страстное, неудержимое желание, пройдя через все трудности, заработать право на «чистую жизнь».

Они не имеют понятия о том, что государство у нас рабочее, что рабочие держат твердой рукой знамя своей диктатуры, что в рабочем государстве для рабочего открыты необъятные, неограниченные возможности.

Когда им объясняешь все это и открывающиеся перед ними, как рабочими, перспективы, когда объясняешь, что хоть медленно, но упорно, безостановочно, неудержимо все идет к тому, что будут стерты наконец грани между умственным и физическим трудом, — то все время у него на лице чувствуешь одну и ту же неизменную, но всегда одинаково четкую, невысказанную мысль: «А черт бы тебя побрал с твоими рассуждениями. Не за тем к тебе пришли. Если хорошо быть рабочим, то какого же дьявола сидишь сам в учреждении, почему сам не идешь на производство?».

«Почему сам не идешь?» — Они редко понимают, что это не всегда возможно, что это связано иногда с огромными трудностями, что, наконец, государство имеет в виду путем орабочивания помогать не служащим, а крестьянам, беднякам, батракам, середнякам, колхозникам в первую очередь.

О чем все это говорит? Это говорит о необходимости разъяснений широким батрацко-бедняцким и середняцким массам горских областей, а вербуемым в промышленность товарищам в первую очередь возможно глубже внедрить в сознание важность создания рабочих кадров и в нацобластях. Необходимо широко разъяснить, что государство имеет в виду не только устроить персонально того или иного хорошего человека, а имеет в виду капитальной важности задание в отношении нацобластей — выработать во что бы то ни стало рабочие кадры из националов, помочь формированию национального пролетариата...

Если молодые рабочие-горцы это понимают и хотят пойти навстречу партии и рабочему классу в их великом деле, то они должны сознательно, по мере возможности, может быть, не один день, не один месяц отказываться и отказаться от своих аульных кошевых, специфически крестьянских навыков, правил, традиций, сознательно идти на самопеределку, на переделку своего нутра, на преодоление в себе крестьянских склонностей, воспитать себя по образу и подобию того класса, который является величайшим творцом и организатором, какого не знает вся история человечества и пример которого так поучителен для народов, из небытия тянущихся к невиданной роли в истории всех времен и народов.

Им нужно по возможности «настроиться» на рабочий лад, стараться быть всегда и всюду на своем месте, приносить определенную заметную и бесспорную пользу. Национальным рабочим, которые не всегда быстро аккли-

матизируются на производстве, нужно больше всего бояться быть помехой в производстве, стоять, вольно или невольно, на пути строительства, путаться под ногами, служить тормозом, пробкой в работе. Людям, занятым работой, людям перегруженным ничто до такой степени не омерзительно, как путание под ногами, ненужные склочные или кажущиеся склочными жалобы и т. д.

Горцу в производстве необходимо слиться с производством, необходимо идти нога в ногу со всеми своими товарищами, со всем рабочим коллективом, не выпячивая свое особое положение национала, жадно впитывая все то новое, хорошее, что дает и чему учит крестьянина-национала производство.

Нашим рабочим порою необходимо объяснить очень элементарные, очень простые вещи, что многие несчастья (увольнения с работы, выговоры, замечания и т. д.) часто происходят просто из-за того, что некоторые простые элементарные вещи не переварены, не усвоены... не только посылаемыми товарищами, но даже и теми, кто посылает их в Ростов, Таганрог, Краснодар и в др. города края.

Это все одна сторона большого вопроса. Но вопрос этот имеет и другую сторону, которая заключается в следующем. Руководители тех предприятий, куда попадают на работу националы, директора фабрик, заводов, фабкомы, завкомы, ячейки партийные и комсомольские не всегда понимают несравненное для нацобластей значение такого грандиозного политического, хозяйственного и культурного мероприятия, как вовлечение нескольких тысяч горских бедняков, колхозников, батраков и лучших середняков в производство. Порою они относятся очень формально к своим обязанностям принять националов в рабочую среду, помочь тому, чтобы они «освоились», акклиматизировались в ней, воспитать их в ленинском, большевистском, интернациональном пролетарском духе, растворить их в производстве, помочь им изжить в себе элементы обособленности и исключительности, словом, все то дурное, индивидуалистическое, «специфически горское», нацменовское, унаследованное от сословно-феодальной и патриархально-родовой или фанатически клерикальной среды, от среды, развращенной шестидесятилетним правлением романов-

ских жандармов, урядников, полицейских, от всего того груза печального прошлого, который они неизбежно приносят с собою.

Не всегда понимается в наших хозяйственных органах, что в этом деле важна его политическая, его качественная сторона, а не количественная, показная, так сказать, арифметическая.

Нельзя в этом случае на дело смотреть так, например, что на фабрике им. Микояна было 5000 рабочих, а когда приняли 100 горцев, то стало 5 100 рабочих, — больше-де ничего. Фабрика им. Микояна не только увеличила свой состав на 100 человек, что не так уж важно при масштабах микояновской фабрики, а важно то, что она этим самым фактом приема на производство 100 человек крестьян-националов, со всеми их достоинствами и недостатками, взяла на себя обязательство воспитать из этих националов подлинных пролетариев, интернациональных революционеров, которые бы переняли от них не только их умение, их знания, их склонности, их навыки, но и их настроения, их пролетарскую зарядку, их готовность бороться за дело международного коммунизма, за дело Ленина и пострадать, когда нужно, за него.

Кстати, о фабрике им. Микояна. Она имеет ряд подшефных аулов в Ингушетии. Рабочая бригада этой фабрики поехала в этом году не так давно в подшефные аулы, побывала там полтора месяца и в результате основательно ознакомления с положением на местах делится на страницах фабричной газеты «Трибуна обувщика» своими впечатлениями от поездки и делает выводы. Выводы эти следующие:

«Учитывая условия работы в национальной области — Ингушетии, — где не изжиты кровная месть и родовые связи, надо поставить вопрос перед фабрикой о выращивании работников-ингушей, воспитывая их на нашем производстве для дальнейшей работы в аулах.

Надо поставить вопрос перед фабрикой о посылке счетных работников на временную работу в аулы для налаживания счетной работы в колхозах, товариществах и сельсоветах.

Поставить вопрос перед Ингушским женотделом о присылке к нам нескольких работниц-ингушек для воспитания в условиях производства и в дальнейшем для использования у себя в аулах по работе среди женщин.

Надо восстановить твердый выезд с нашей фабрики

в Ингушетию для связи и для помощи местным организациям («Трибуна обувщика», № 14 (99), 2 стр. 1930 г.).

Вот это тот братский язык, язык лучших рабочих, который националы хотели бы всегда слышать не для того, конечно, чтобы до бесконечности пользоваться и злоупотреблять и помощью и хорошими отношениями к себе рабочих, а для того, чтобы при помощи такого чуткого, внимательного отношения в минимальный срок выковать необходимые рабочие кадры из националов. Но, увы! Не на всех предприятиях, не на всех заводах и фабриках, где работают националы, говорят этим языком. Редакции «Трибуны обувщика», борющейся за максимально хорошие условия орабочивания горцев-националов на фабрике им. Микояна, за их культурное и политическое обслуживание, хорошо известно, что не всегда на фабрике им. Микояна рабочие и работницы из горских областей встречают со стороны отдельных рабочих, со стороны отдельных слоев рабочих чуткое, внимательное, товарищеское отношение к себе.

Были случаи издевательства над рабочими и работницами-горянками, неграмотными и не говорящими по-русски. Эти издевательства ложатся позором не только на их непосредственных виновников, но также и на весь рабочий коллектив, который это знает и не пресекает в корне, больно ударив по рукам элементы, которые в недрах рабочего класса являются агентурой классового врага.

Вывод: нужно поскорее вывести явления, кладущие несмыаемый позор на рабочий коллектив.

Неграмотным нужно помогать поскорее изжить неграмотность, и притом не только по-русски, но и на своем родном языке. Для этого фабрика, завод, предприятие должны поставить дело таким образом, чтобы пришедшие на фабрику неграмотными через два-три месяца стали грамотными.

Не говорящим по-русски нужно помогать научиться свободно объясняться по-русски. Это долг каждого предприятия, долг рабочего коллектива и рабочей общественности. Неграмотность или незнание русского языка не должны быть для рабочих-националов источником всяких насмешек, а, наоборот, они должны быть стимулом для особых забот о таких националах. Для ликвидации их неграмотности, для обучения их русскому языку должны быть созданы особые кружки с привлечением в них к работе горских студентов и иных общественных работников-горцев, живущих в Ростове, хотя бы в порядке пар-

тийной и общественной нагрузки. Неграмотность и незнание русского языка горцами-рабочими не их вина, а их беда, их несчастье, которое ежеминутно, ежечасно, ежедневно заставляет их проклинать все на свете, но больше всего проклинать свою темноту, свою изолированность от людей, которые сознательно живут и сознательно работают.

К таким товарищам, не владеющим русским языком, должно быть особенно чуткое, особенно внимательное отношение.

А на деле мы далеко не всегда это видим. На деле мы видим явное нежелание считаться с теми задачами, которые партия и Советская власть перед собою поставили по линии орабочивания националов.

По пятилетке, к последнему году ее, горские автономные области должны иметь отряд пролетариев, квалифицированных рабочих, в 49 тыс. человек из коренного населения. Из них 5 тысяч должна дать краевая промышленность. Но сможет ли краевая промышленность дать 5 тысяч обученных, изучивших дело, получивших хорошую квалификацию рабочих, если к этому делу не относятся с должной серьезностью фабрики, заводы, предприятия?

О том, что они далеко не все относятся к этому мероприятию партии и Советской власти с надлежащей серьезностью, говорилось и писалось неоднократно. Рабочим-националам и нацменам то и дело приходится слышать: «Приехали откуда-то какие-то нацмены и надоедают», «У нас было спокойно, хорошо до националов». А обращение с самими националами таково, что трудно верить, что могут быть такие рабочие, такие члены партии. Каждое предприятие имеет свои «фрукты», которые нуждаются в том, чтобы контрольные партийные органы занимались ими. Например, в Доншвейпроме на 1-й фабрике есть мастер Зимин, который третий год держит на одной и той же работе рабочего-национала Магомета Вакаева. Тот же Зимин, говорят, помешал принятию т. Вакаева в партию на том-де основании, что Вакаев неграмотен и... ненормален.

Зная же т. Вакаева лично, и достаточно хорошо, мы не можем не спросить: а не нуждается ли сам Зимин в серьезной и длительной помощи врача-психиатра? Тот же самый Зимин преследовал работницу-горянку из Северной Осетии тов. Сафраханум Курнаеву. Последняя была поставлена в такие условия, зарабатывала так мало денег, что ее заработок избегали фиксировать на бумаге, что-

бы мизерность суммы не бросалась в глаза. Тов. Курнаева, кажется, не выдержала зиминского режима и ушла оттуда, так как частенько приходилось голодать, потому что ей квалификации не давали, держа на такой работе, которая слишком мало давала средств на пропитание.

Свои «Зимины» имеются и на Сельмашстрое, и на фабрике Микояна, и на консервной фабрике «Смычка», и в других местах. Работу этого рода людей нельзя расценивать иначе, как вредительство, сознательное или бессознательное.

Нашим муллам, кулакам, бывшим людям, врагам Советской власти в нацобластях ничто не доставит такого удовольствия, как срыв этого важнейшего мероприятия партии и Советской власти. Почему? Потому что 49-тысячный отряд пролетариев-националов, воспитанных, обученных советскими заводами, фабриками, советской пролетарской общественностью, — гарантия, что в ближайшие годы все, что мешает строительству социализма, будет сметено полностью.

И тот, кто вызывает у рабочих и работниц-националок желание вернуться обратно в свои области, тот льет воду на мельницу горских мулл, горских кулаков и др. врагов революции и Советской власти. А между тем отсеиваемый из числа вовлеченных в производство составляет не маленький процент по отношению к общему количеству националов в промышленности.

Какова причина отсева, каковы условия, толкающие националов ехать обратно в свои области? Помимо всего перечисленного, этих причин еще несколько.

Во-первых, рабочих-националов часто и подолгу держат на фабриках и заводах на черной и поденной работах, плохо обеспечивающих и не дающих никакой квалификации. А между тем имеется хорошее постановление президиума Крайисполкома, которое гласит:

«Хозорганизациям и Крайколхозобъединениям обеспечить принятых националов работой, непосредственно связанной с получением квалификации, установив сроки обучения, периодически устраивая испытания и выделив лиц, ответственных за правильное использование националов».

Во-вторых, нет необходимых жилищных условий, чтобы национал-рабочий мог спокойно жить и заниматься своим делом. Об этом также имеется соответствующий хороший пункт в том же постановлении президиума КИКа. Но все несчастье в том, что это постановление не исполняется.

В третьих, с рабочими-националами нет никакой политической и культурной работы. Рабочие предоставлены самим себе. Много среди них неграмотных. А неграмотный человек, как говорил Ленин, находится вне политики. От неграмотного человека бесполезно требовать сознательности и сознательного отношения к этому делу. Об этом также имеется хорошее место в постановлении президиума КИКа. Только нужно начать его выполнять как следует, в период вербовки и после нее повести предварительную работу с рабочими, вовлекаемыми в производство...

Вот в общих чертах те условия, соблюдение которых может дать вполне положительные и заметные результаты.

* * *

В заключение еще два слова о вовлечении в промышленность горянок и об удержании тех, кто уже работает там.

Положение и работу с женщинами нужно признать глубоко неудовлетворительной. По постановлению Крайкома партии и Крайисполкома среди вовлеченных в производство должны быть не менее 20—25 процентов женщин. А на деле что мы имеем? Женщины-горянки в производстве насчитываются лишь единицами, ибо условия, которые трудны для мужчин, во много раз труднее для женщин. Тут сказывается и вековое угнетение адатами, тут и специфически горское воспитание, предписывающее «скромность», молчаливость и т. д., тут и несравненно большая темнота и забитость, чем у мужчин. Фабрики, заводы, их ячейки, их фабзавкомы, пролетарская общественность, их газеты должны учитывать эти моменты и из них делать для себя соответствующие выводы. Нужно особо думать об урегулировании дела принятия националов... в партию.

Трудно, может быть, «нянчиться» с отсталыми крестьянами и горянками, но ведь они же в горских областях будут вернейшей опорой партии и Советской власти. Нужно думать не только о сегодняшнем дне, но и о завтрашнем. Нужно думать о том, что все, что тратится сегодня на этих националов и нацменов, завтра воздастся сторицей.

Горские области обладают богатейшими недрами, и вообще хозяйственные перспективы, стоящие перед ними, далеко не плохи.

Для целесообразнейшей эксплуатации всех этих богатств, которые являются достоянием всех народов Советского Союза и имеют поистине общесоюзное значение,

для освобождения вместе с тем горских народностей от порабощавших их отсталых форм их убогого хозяйства, необходимо создание, пусть немногочисленного, но все же прошедшего советскую пролетарскую выучку, рабочего отряда. Пятилетка наша, как мы уже выше сказали, это предусматривает.

Мы понимаем, конечно, что создание и воспитание такого отряда является, что и говорить, не легким делом. И именно потому, что это нелегкое дело, именно потому, что не всеми сознается в нацобластях и даже в крае, на предприятиях огромное значение этой меры, все силы нужно употребить на то, чтобы помочь успешной, с соблюдением классового принципа, вербовке в промышленность мужчин и женщин, чтобы помочь их акклиматизации, их освоению в производстве, чтобы их окружить атмосферой внимания, заботы и дружбы в интересах воспитания из них действительных строителей социализма, для воспитания из них людей, готовых на какие угодно трудности и жертвы во имя дела рабочего класса, во имя дела Ленина и международного коммунизма.

БОРЬБА ПРОТИВ ГОРСКИХ АДАТОВ — БОРЬБА ЗА СОЦИАЛИЗМ

Принято думать, что горские народы Северного Кавказа — не имевшие даже своей письменности до Октябрьской революции — в высшей степени отсталые народы. И в самом деле, не приходится оспаривать, что трудящиеся массы горских народов, ныне строящие в решительной борьбе с классовыми врагами социализм, одновременно ликвидируя свою хозяйственную и культурную отсталость, оставались в стороне от столбовой дороги истории, были народами без письменности, народами «неисторическими», по определению буржуазных публицистов и ученых. Не приходится оспаривать, что в силу этих и целого ряда других причин, они действительно являлись весьма отсталыми народами. Но значит ли все это, что горцы, не имея письменности, не имея писаной истории, в то же время так-таки не имели никакой культуры? Нужно отметить, что у нас, в житейском обиходе, говоря о культуре, часто имеют в виду только те достижения, которые связаны с письменностью, возникли на ее базе. Это, конечно, неверно, ибо культура есть нечто гораздо больше, чем то, что связано

только с письменностью. Когда-то русский поэт Лермонтов писал о «золотом веке» горцев:

Давным-давно у чистых вод,
Где по кремням Подкумок мчится,
Где за Машуком день встает,
А за крутым Бешту садится—
Близ рубежа чужой земли
Аулы мирные цвели,
Гордились дружбою взаимной.
Там каждый путник находил
Ночлег и пир гостеприимный:
Черкес счастлив и волен был.
Красою чудной за горам
Известны были девы их,
И старцы с белыми власами
Судили распри молодых,
Весельем песни их дышали,
Они тогда еще не знали
Ни золота, ни русской стали.

Мы не верим, конечно, ни в какой безмятежный, без классового деления общества и классовой борьбы, «золотой век» горцев.

Но в то же время несомненно, что в истории горских народов в то время, когда «они еще не знали ни золота, ни русской стали», были моменты, по своей патриархальности напоминающие описываемый Лермонтовым быт.

Спрашивается: это культура или не культура? «Гордость дружбою взаимной», «ночлег и пир гостеприимный» для гостей, «вольность» и «счастье» для народа, хотя бы и относительные, красота их женщин, жизнерадостные песни, почтение к «старцам с белыми власами», которые «судили распри молодых», — все это, безусловно, элементы культуры. Но какой культуры? Патриархально-родовой. Но в то же время нам известно, что под солнцем ничто не стоит в состоянии покоя, «все течет, все меняется». Одну культуру сменяет и вытесняет другая культура.

Горские обычаи, которые являются элементами горской культуры, также не остаются в неизменном состоянии. Они не только изменяются, но превращаются в свою прямую противоположность, в собственное отрицание. Когда-то полезные обычаи, способствовавшие поступательному движению народов, движению их вперед, становятся тормозом всякого прогресса.

Общеизвестен вред религии, вред религиозного фанатизма. И в общей антирелигиозной литературе, и в специальной антирелигиозно-антимусульманской литературе и мусульманская религия, и религиозный фанатизм на-

шли свою надлежащую квалификацию. Но зато не всякий знает, что наравне с религиозным дурманом у горцев есть целая система обычаев, на почве которых существует не менее опасный вредный бытовой дурман, адатный фанатизм. Он затемняет классовое самосознание трудящихся, мешает им понять и усвоить свои классовые интересы, мешает бороться рабочим, колхозникам, батракам, беднякам, середнякам-горцам против своих угнетателей. Есть горская пословица: «Ахрат азабдан эсе дуния намыс кючлюдю». Это значит: «Намыс, хабза, т. е. обычаи, сильнее страха перед муками, ожидающими грешника на том свете». Это значит, если даже шариат и религия повелевают, можно совершить нечто им противоречащее при условии, когда этого требует намыс, хабза, обычай, адат.

В Коране есть место, которое говорит о добросердечном отношении к рабам. Это место Корана требует от мусульман к старикам-рабам относиться как к своим родителям, не требовать невозможного, а к молодым рабам — как к своим младшим братьям. И вот, несмотря на это, горцы-мусульмане и сторонники Корана, даже десятки лет спустя после упразднения рабства и крепостного права, горцы-дворяне, князья, помещики, все привилегированные продолжали издеваться над бывшими крепостными, называя их всякими обидными кличками, избегая родства с ними, отказываясь выдавать за них замуж своих дочерей и не позволяя своим сыновьям жениться на их дочерях, сестрах, родственницах.

Что мы этим хотим сказать? А то, что воспитанные горскими обычаями высокомерие, надменность, спесь, хамское отношение к бывшим рабам, к их потомкам, близким и отдаленным, были настолько велики, что даже Кораном предписанные правила поведения в отношении бывших рабов не признавались, не соблюдались никем. Фанатики были склонны обвинять мулл, происходящих из среды бывших рабов, в подделке Корана. А муллы, происходящие из среды узденей, обычно замалчивали это кораническое предписание, потому что даже они, при всей «святости» и «религиозности» их, были подвержены сильнейшему влиянию адатов, фамильно-родовых и сословных предрассудков и традиций и подчинялись в своей «духовной» практике интересам своего класса и служили им.

Вся жизнь горской семьи, весь семейный бытовой уклад, все сознание были пропитаны насквозь этими обычаями. Обычаи сковывали волю, сознание и каждый шаг

горца. Как говорить с женой при людях и в семье, как говорить с детьми при взрослых, при старших, при младших, при родственниках, при посторонних, как вести себя в семье и на людях, что делать при встрече на улице или в дороге с взрослыми, с молодыми, с женщиной, молодой, старой, когда идешь в одном направлении, когда дороги идут в двух противоположных направлениях, как помочь старику сойти с лошади или садиться на лошадь, как ухаживать лучше за гостем, кому уступать правую сторону от себя и кому не уступать этой правой стороны, как ухаживать за гостем во время еды, как его сопровождать, когда он идет в уборную, что нужно делать, когда гость выходит из уборной, как помогать ему совершать омовение, как помогать ему мыть лицо, руки, ноги, как подавать ему полотенце, как говорить с ним, если гость молодой или — если он старый, — на счет всего этого есть свои правила, установленные, принятые, разница только в установившейся, существующей практике, там или здесь разница в большей или меньшей степени обязательности. Разница еще в степени разложения, которое коснулось этих обычаев у тех или иных народов, в силу большей или меньшей близости к городским влияниям.

Рассматривая эти обычаи, знакомясь с ними, наблюдая их практическое преломление в жизни, мы должны все же подчеркнуть их сугубо классовый характер.

Возьмем, например, фамильно-родовые обычаи. О чем они говорят? Они говорят, что все члены данного рода, данной фамилии, мужчины и женщины между собою братья и сестры — независимо от их классово-социальной сущности. Эти родовые и фамильные обычаи говорят примерно так: горец-кулак, середняк, бедняк, батрак, колхозник, рабочий, мулла, б. белый офицер, принадлежащие к одному роду, являются между собою «братьями». Не только в обычное время, но во время большого горя, несчастья для кого-либо из них, остальные должны его поддерживать. В переводе на язык нашей житейской практики это значит: Советская власть лишила кулака избирательных прав за беспардонную эксплуатацию чужого труда, но он с этим фактом не предоставлен только самому себе, потому что у него есть «братья» — рабочие, колхозники, комсомольцы, партийцы, трудовая советская интеллигенция, которые должны ему изо всех сил помочь выкарабкаться из беды или облегчить ему его участь.

В наших аулах все еще встречаются муллы-знахари, которые «молитвами» — «дуа» лечат больных, «помогают» безнадежно влюбленным «добиться взаимности» или выиграть судебный процесс — конечно, при соблюдении таких-то и таких-то обычаев. Помощь со стороны мулл оказывается липовой, и те, кто, уплатив мзду, не получили помощи, люди, так сказать, вдвойне пострадавшие, хотели бы получить откуда-нибудь какую-нибудь компенсацию или привлечь к ответственности шарлатана. Вполне законное желание со стороны человека обманутого, ограбленного.

Мулла, которому грозит такая опасность, не предоставлен со своим горем только самому себе: те или иные его сородичи, более близкие к партии и Советской власти, частенько заступаются за него, не дают его в обиду, вытаскивают его из беды, и его преступления остаются безнаказанными или, во всяком случае, его участь значительно облегчается.

Почему? Да потому, что нельзя «своего» дать в обиду.

Рассуждают они ориентировочно таким образом:

Если власти обидят сегодня одного, завтра другого, послезавтра третьего, что же хорошего может из этого положения получиться. Все сильные, все умные, все мудрые окажутся перебитыми, выбитыми... (из антисоветского строя), кто же тогда может дать сородичам* «задушевные», «братские» советы! Отсюда род круговой поруки, о чем, что и говорить, конечно, не было предварительного уговора. Отсюда связанность на сословно-родовой или фамильной почве, сковывающая членов рода различными обязательствами, как железными обручами. Так обстоит дело между сородичами. Но только лишь тем, что мы выше рассказали, дело не ограничивается. Каждый горец, воспитанный в правилах сословно-родовой, фамильной или тайповой морали и этики, является в большей или меньшей степени «патриотом» только своей фамилии.

А что это значит? Это значит не только быть прикрывателем и защитником того дурного, что имеется в своем роде или своей фамилии, но еще больше — в угоду фамильным, родовым интересам, в ущерб классовым интересам бедняков и батраков — в период такой сословно-родовой или фамильной склоки — не замечать «хорошего» или хорошего без кавычек, что имеется, быть может, в чужих родах, чужих фамилиях. Больше того, это значит вести вражду против того хорошего, что имеется в чужих фамилиях. Враждующие на почве кровной мести фамилии

в Ингушетии и Чечне, говорят, еще не так давно убивали не первого попавшегося из враждебного рода — когда не было возможности убить кровника непосредственно, они убивали лучшего, умнейшего представителя враждебного рода, убивали людей своего класса. Люди во имя адатов гибли сами и губили других, абсолютно невинных.

Нужно еще сказать в подтверждение наличия той круговой поруки, о которой мы говорили, вот о чем.

У горцев существует обычай «союм-джыйган», который у различных народностей носит не одинаковое название, хотя содержание и смысл его всюду одни и те же.

Женитьба каждого горца связана или, во всяком случае, была связана, с большими затратами не только для жениховой стороны, но также и для родственников и близких невесты. Средств личных недостаточно ни у невесты, ни у жениха для того, чтобы выйти с честью из затруднений, связанных со свадьбой. Вот тут-то сородичи и друзья приходят на помощь жениху. Для угощений, для успешного проведения торжеств, которые обязательны, жених уезжает с двумя-тремя товарищами в коши своих однофамильцев, своих многочисленных родственников, близких и дальних, своих знакомых и друзей, на чью помощь он может рассчитывать, и собирает скот. В зависимости от степени знатности и влияния жениха, в зависимости от материального состояния тех лиц, чьи коши объезжает жених, последний получает от каждого кошевладельца барана, корову и т. д. Если жених приятель кошевладельца, то ему неудобно подарить козленка или барашка, он дарит либо корову, либо быка, либо лошадь.

Часть собранного таким способом скота дарится родственникам невесты, чтобы им облегчить бремя расходов, неизбежных при выходе замуж дочери или сестры. Этот обычай, помимо всего сказанного выше, также укрепляет ту круговую поруку, о которой мы говорили выше. Кулак, который подарил однофамильцу-бедняку козленка или оказал ему ничтожную услугу, считает его вечным своим должником и в свою очередь предъявляет к нему различные требования, которые тот считает долгом выполнять, ибо кулак — это ведь «почетный старик», родовой авторитет и т. п. Несомненно, круговая порука даже была полезна и желательна перед лицом такого врага, как царизм и буржуазно-помещичий строй, особенно круговая порука между трудящимися. Но в условиях Советской

власти круговая порука между трудящимися-сородичами, сотайповцами, однофамильцами является таким обычаем, который превратился в свою прямую противоположность.

Таким образом, круговая порука в настоящее время выгодна только кулаку, мулле и иным антисоветским элементам аула.

Об обычае «союм-джыйган» мы говорим здесь не потому, что этот обычай сам по себе имеет и в наше время, в 1932 году, большое практическое, житейское значение. А потому мы говорим о нем, что такие моменты стимулируют сохранение круговой поруки и все, что стимулирует сохранение круговой поруки, мешает строительству социализма. Не в одном обычае «союм-джыйган» дело, а дело в системе обычаев, упрочивающих эту круговую поруку.

Обычай «белхи» у чеченцев, а по-карачаевски — «мам-матлык» — взаимопомощь во время полевых работ при полке или уборке урожая, при постройке дома, когда его крышу надо покрыть землей, а для этого требуется одновременно много рабочих рук, на оплату которых ни у какого среднего горца нет средств, тоже имеет отрицательное значение.

Участие в такой взаимопомощи обязывает быть предупредительным и благодарным по отношению к каждому участнику взаимопомощи, особенно же по отношению к родовым авторитетам и старикам, оказывающим «большую честь» своим участием, за что они получают потом сторицей, связав к тому же по рукам и ногам бедняка, который никогда после такой услуги не выступит против участника взаимопомощи. Это тоже усиливает круговую поруку, которая при проведении классово-политической должна быть уничтожена, ибо она на руку только врагам рабочего класса, эксплуататорам-контрреволюционерам.

Общеизвестен старый горский обычай, существующий, впрочем, не у одних только горцев, но и у всех кавказских народов — уважение старших. По этому обычаю «всякий» молодой горец всеми доступными средствами должен обслуживать, прислуживать и угождать старикам, оказывать им всякое внимание, уважение и помощь. На деле же что мы видели? Всякий старик, если он был богат и знатен, пользовался со стороны более молодых горцев почетом, вниманием и уважением. Но, хотя горские обычаи прямо не говорят и говорить не могут о том, чтобы не уважать старика-бедняка или батрака, эти уваже-

ние и почет на стариков-бедняков на деле не простирались. Даже наоборот, старик-бедняк, крестьянин должен был с приветом, вниманием и уважением относиться к «ашхыладан, игиледен туганга», а молодой лоботряс из породы паразитов-эксплуататоров перед стариком-крестьянином не нес никаких обязанностей. Обычай уважения к старикам направлен к сохранению и упрочению господствующего положения паразитических элементов.

Еще более неприкрытый классовый характер носила практика воздавания уважения и почестей представителям именитых знатных родов. Никто не будет отрицать, особенно в Адыгее, Черкесии и Кабарде, каким уважением пользовались всякие молодые паразиты из фамилий Атажукиных, Наурузовых, Бековичей-Черкасских, Булатоковых, Султан-Гиреев только на том основании, что эти молодые бездельники и прожигатели жизни принадлежали к перечисленным выше фамилиям. Ну, а разве что-нибудь похожее можно сказать об уважении и внимании к старикам-батракам, беднякам, середнякам, рабочим-горцам? Само собою разумеется — нет. Старик-крестьянин должен был при встрече уступить им почетное место. Если они нуждались, скажем, в верховой лошади, то он должен был уступить лошадь, чтобы самому плестись пешком. Этот обычай, так же как и многие другие горские обычаи, носит совершенно ясно и недвусмысленно выраженный классовый характер, направленный к благу и защите выгод и интересов князей, дворян, помещиков, кулаков, мулл и т. п.

Почему нет у горских народов обычаев, которые четко и ясно, недвусмысленно обязывали бы относиться с уважением и почетом к старикам-крестьянам, беднякам, батракам, рабочим, к крепостным и зависимым людям?

Почему нет у горцев таких обычаев, которые бы привоздили к позорному столбу и заклеямили презрением хамское отношение к старику-бедняку, старику-кулу со стороны представителей привилегированных родов и фамилий? Потому, что эти обычаи созданы в интересах господствующих классов горцев. В то же время горские народности знают такую позорную, исключительную по своей циничности, чисто кулацкую «народную мудрость» (в дальнейшем мы будем приводить пословицы и поговорки, ибо в них особенно ярко рисуется классовое содержание адатов), как пословицы: «Джалчыны джалын бер да джанын ал». Это значит: «Уплати своему работнику то, что ему полагается, и затем вымотай у него душу».

Или:

«Кулга урунма — кумга симе», т. е. «Не водись, не связывайся с кулом, с людьми низшего сословия, не мочись на песок». Если человек «мочится на песок», то последний поглощает жидкость и от нее ничего не остается, точно так же бесполезно и вредно-де им водиться с кулом. Спрашивается, почему? Ведь все люди, богатые и бедные, по мусульманской морали, так же как и по христианской морали, — «братья», близкие между собою. А потому, что кул в пословице — это значит бедняк, батрак, бездомный, нищий, не имеющий ни кола ни двора. Кому нужен такой человек без перспектив когда-либо выйти в люди? Ясно, никому.

Есть еще пословица:

«Бий бильгенни кул да биледи, айтырга болмайды ансы», т. е. «То, что знает князь, не хуже знает и кул, да только говорить-то об этом не рекомендуется». Эта народная мудрость — бессильно протестующего характера. Она зародилась, несомненно, в недрах угнетенных слоев горцев, ибо князьям, дворянам, помещикам невыгодно создавать такую действительно революционную мудрость, хотя она и не призывает угнетенных взяться непосредственно за оружие для свержения ненавистного им ярма — помещиков, дворян, князей и иных паразитов. Об абсолютном бесправии и крайней задавленности бедняков говорит и другая пословица, выраженная в форме вопроса и ответа в грубоватой, но глубоко правдивой форме: «Кто навонял? — Конечно, бедняк». Иначе говоря, бедняк, вопреки действительности и здравому смыслу, всегда виноват. Его бедность делает его виноватым даже в том случае, если бы даже земля и горы вопили о его невинности.

Есть и еще одна пословица, принадлежащая не к разряду двух последних, а к разряду двух первых. Она тоже характеризует отношение верхушки дворянской знати к кулам, к самому низшему и угнетенному сословию.

«Кулну кёлю коргашынды», т. е. «Мужество, смелость духа у кула из свинца». Из свинца — значит, не из стали или железа, а свинец — непрочный металл, он подвержен расплавлению даже при не особенно высокой температуре. Кул-де лишен мужества, отваги, смелости, ибо, дескать, эти благородные черты — «неотъемлемое свойство только белой кости и голубой крови». Вот это выражение дворянской «народной мудрости» господствующих классов направленное к унижению самого угнетенного сословия. Это

такая «мудрость», которую история горцев опрокидывает начисто. Приведенные «мудрые» поговорки дают ключ к пониманию того, как и в чьих интересах складывались горские обычаи — адаты.

История Бзиюкской битвы у черкесов, выступление Чермена против осетинских владык или случай с известным слугой Амырхановых — Джандаром в популярнейшей карачаевской песне «Джандарны джыры» («Песнь о Джандаре») в Карачае и множество других говорят о том, что горские бедняки, батраки, крестьяне не только не были лишены мужества, а наоборот — они при подлой трусости их «хозяев» были способны на величайшее личное мужество и самопожертвование во имя свободы, во имя общественного блага, во имя долга, правильно или ошибочно понятого.

Не в меньшей степени, чем все выше приведенное, говорят об угнетенном положении бедняков среди горцев следующие пословицы. «Джарлыны калачы уллу кёрюнюр», т. е. «Бедняцкий калач всегда кажется слишком великим». А раз он «велик», то у него надо его отнять. Иначе говоря, на бедняцкое добро, хотя бы и самое маленькое, много охотников, которые готовы им воспользоваться, если не мытьем, так катаньем, если не путем голого произвола, то путем лести и обмана. Это последнее обстоятельство выражено пословицей: «Джарлыны эшигин махтаган джабар», т. е. «Бедняка губит тот, кто его хвалит», а по части похвальбы, дипломатии и лести горские кулаки, князья, дворяне, помещики и пр. паразитические элементы всегда были большими мастерами, когда это дело им сулило какую-нибудь выгоду.

О вопиющем бесправии бедняков и о том, что хозяевами положения в горской среде до Советской власти являлись исключительно богатые, именитые, имущие и т. д., говорят и пословицы: «Байны кызы, баймак болса да, эрсиз кьалмаз», т. е. «Если даже дочь богача и кривоногая, она без мужа не останется»; «Иги болса — бийден, аман болса — кулдан», что значит: «Если хорошее дело, то это заслуга князя, а если скверное дело, то это вина бедняка». После всего этого гнусным издевательством над правдой звучат всякие рассуждения о том, что в горской среде (в какой именно, неизвестно) были идиллические нравы, что не было в ней классов, неравенства, эксплуатации, угнетения и т. д., и т. п. Так могут говорить люди, которым невыгодно напоминание об их вчерашней роли в отношении беднейших и угнетеннейших слоев горских

народностей, классов неимущих и классов привилегированных, которые застала в наших горских областях Октябрьская революция.

Народная мудрость в виде этих пословиц и поговорок тоже является элементом культуры, в которой нашли свое выражение обычаи, взгляды, симпатии господствующих и... угнетенных классов горцев. Мы выше сказали и здесь утверждаем, что горские обычаи и та культура горских народностей, о которой мы говорили выше, носили резко выраженный классовый характер, направленный к благу и защите интересов господствующих классов и верхушечных слоев существовавших у горцев сословий.

Необходимо здесь остановиться на распространенном горском обычае — на обычае гостеприимства. Всем известно, что горцы в течение более 100 лет вели жестокую неравную борьбу с таким мощным противником, как царская крепостническая Россия. В этой борьбе, упорной и длительной, «военное» счастье клонилось то в сторону горцев, то в сторону их противников. Отдельные районы переходили из рук в руки. Население подвергалось жесточайшему опустошению. Здесь было, конечно, много предателей и изменников той или иной стороне, мнимых или настоящих, которые преследовались. Оказывать таким преследуемым гостеприимство в горской среде было священным и почетным долгом, связанным в то же время с большими опасностями и благородным риском для тех, кто оказывал гостеприимство. Но это гостеприимство было не везде одинаковым. Так, например, по свидетельству покойного М. Н. Покровского, «Ермоловские солдаты массами дезертировали в демократическую Чечню, тогда как в феодальную Кабарду не бежал никто».

Известна «измена» убежавшего из ссылки поручика Якубовича, который был принят Шамилем и оказывал ему большие услуги как артиллерист. Отсюда не только практическое, житейское значение горского гостеприимства, но и огромное политическое значение его — оказывать приют людям, гонимым и преследуемым жестокими и неумолимыми поработителями родины.

Еще одна сторона горского гостеприимства заключается в том, что в тех условиях, в каких горцы жили до покорения Кавказа (да и после покорения тоже), гостеприимство было необходимейшим институтом. В горах не могло быть ни гостиниц, ни трактиров, ни харчевен, где за деньги можно было бы получить необходимое питание и ночлег для себя и для своего неизменного друга

и спутника — для верховой лошади. Аулу с аулом нужно было поддерживать связь, соседним народам между собою также необходимо было поддерживать связь, а эта связь не могла осуществляться иначе, как при посредстве гостеприимства. Таким образом, значение гостеприимства не ограничивалось тем, что кто-то к кому-то приехал в гости, провел столько-то дней, уничтожил такое-то количество еды и питья и уехал. Политическое значение гостеприимства представляется совершенно бесспорным. Но времена меняются. Изменились условия, вызывавшие гостеприимство в прежних формах у горцев...

Прежде всего период войны с царизмом отделяется от нас многими десятилетиями, но обычаи, порожденные положением и условиями этого или более раннего периода истории горцев, продолжают существовать. К числу таких обычаев принадлежит и гостеприимство. Если гостеприимство оказывалось тогда только людям, у которых нет дурных намерений против общества, врагам царизма, его ставленников, его законов, то в наше время обычаям гостеприимства в аулах пользуются часто люди, избегающие встречи с представителями Советской власти. Отдельные малосознательные элементы горцев, остающиеся под сильным влиянием горских обычаев, даже до сих пор считают для себя обязательным обычай гостеприимства.

Из этой «обязательности» делают вывод, что если к горцу является в «гости» бандит, ограбивший кооператив, убивший советских работников, исполнявших свои обязанности, бандит, у которого на совести десятки различных преступлений и убийств, то ему тоже нужно оказывать гостеприимство, вместо того чтобы его пристрелить или передать в руки властей. Именно неправильным пониманием смысла обычая гостеприимства можно объяснить то, что нередко в горских аулах бандиты еще недавно находили ночлег и пропитание, а не тем, что лица, оказывающие гостеприимство, сочувствуют ограблению кооперативов и убийствам. Теперь гостеприимство такого значения, конечно, не имеет. Теперь весьма часто гостеприимство служит интересам наших классовых врагов, с чем нужно настойчиво бороться, воспитывая классовое самосознание рабочих и колхозников.

Много писалось и говорилось в советское время о вреде обычая калыма, т. е. выкупа за невесту. Поскольку калым отменен советским законодательством и его восстановление карается соответствующими статьями уголов-

ного кодекса, на нем останавливаться подробно не приходится. Правда, калым существовал после его отмены, кое-где, быть может, контрабандно и сейчас существует. Но, во всяком случае, ему нанесен смертельный удар. Он, безусловно, разоблачен и дискредитирован, с предельной ясностью выявлена его антиреволюционная, его эксплуататорская, грабительская сущность, во-вторых, он отменен Советской властью и не имеет ни права, ни возможности на существование, и, наконец, в-третьих, он не просто отменен и запрещен без одновременного создания каких-либо норм, направленных к защите и обеспечению прав женщины, он запрещен с одновременным созданием, утверждением и проведением в жизнь целой системы серьезных мероприятий, которые не бросают женщину на произвол судьбы, а дают ей определенное обеспечение, открывают путь к независимости. В силу тех огромных достижений, которые у нас к 1932 г. имеются налицо в деле освобождения женщины-горянки, мы считаем излишним подробно останавливаться на обычае калыма. Но этим мы ни в какой мере не хотим сказать, что уже к нашему времени достигнуто полное равенство женщин с мужчинами, что у нас нет никакой работы, никаких задач, политических, хозяйственных и культурных, в области раскрепощения тружениц-горянок. Задачи стоят громадные, работа предстоит большая и ответственная, но, поскольку у нас речь идет о главнейших обычаях горцев, против которых (обычаев) нужно вести неослабную борьбу, мы считаем возможным в отношении калыма ограничиться вышесказанным.

Такой же сокрушительный удар нанесен за 15 лет существования Советской власти отвратительнейшему, жесточайшему, бесчеловечному порождению темного прошлого горцев — обычаю кровной мести. Конечно, трудно и невозможно отменить кровную месть подобно тому, как мы отменили калым. Но все, что было в силах и возможностях Советской власти, использовано и используется для того, чтобы уничтожить этот обычай. Не поддается никакому учету та громадная работа, которую проделали т. н. примирительные комиссии в Чечне, Ингушетии. Нечего и говорить о том, что до полного уничтожения этого обычая, до его окончательной ликвидации еще далеко, но то, что имеется сейчас, ни в какой мере нельзя сравнить с тем, что было в первые годы Советской власти. Перелом наметился бесспорный и огромный. Сдвиги решающие.

Все это настолько важно с принципиальной стороны—

ведь еще 15 лет назад ни один самый смелый фантазер и оптимист не мог бы назначить таких сроков для получения имеющихся у нас сейчас результатов в борьбе с кровной мстью. Но, тем не менее, такое положение нас никак не может успокоить. Впереди стоит необъятно большая работа, может быть, не с кровной только мстью, которую нельзя вырвать и отделить от всей системы обычаев данного народа, а именно со всей этой системой обычаев, загнивающей и захлебывающейся в грязи и крови.

Здесь мы хотим снова вернуться к ней и дать более обстоятельную характеристику ее. Если не останавливаться на оттенках, на степени, глубже и шире этих понятий, которые у разных народов имеют свои названия, эта система выражается словами «намыс» («намус»), «хабза» (ворк-хабза, адыге-хабза), ёзденлик, адамлык. Это понятие одновременно в себе содержит и благородство, и честь, и репутацию, и доброе имя, и уважение к обычаям, и преданность долгу, и достоинство личное, фамильное, родовое, человеческое, сословное и т. п. Одно слово намыс, ёзденлик, ворк-хабза содержит все эти понятия.

Это значит, что если твоего родственника по несчастной случайности убили на месте преступления, то ты, верный сын своего рода, должен мстить убийцам, но убийцам, быть может, тоже по несчастной случайности и необходимости, а частично в условиях необходимой самозащиты.

Это, далее, значит, что если твой родственник, аульное начальство, сватается к дочери бедняка и, получив от него отказ, превращает бедняка в лишенца и... «раскулачивает его», то ты, во имя намыса, хабза и т. д., не имеешь права в это дело вмешиваться, ибо ты должен поддерживать своего родственника, кто бы он ни был и что бы он ни делал.

Это значит также и то, что если твоему сородичу, аульному или иному начальству, понравилась дочь кулака, он, кулак, выдает свою дочку замуж за начальство, сам становится как бы вроде начальства, восстанавливается в правах, выявляют его всячески, но никак выявить не могут, то ты, верный сын своего рода, не имеешь права протестовать против таких житейских «мелочей» и должен всячески поддерживать и поощрять своего родственника.

Это значит еще и то, что если решается спор между бедняком из чужого и далекого тебе рода и кулаком твоего рода, то в этом споре ты должен быть на стороне своего сородича-кулака, а не на стороне бедняка из другого рода.

Не перечислить здесь всего того, что еще значат, какой смысл содержат наши обычаи. Несомненно, что они в основном направлены на то, чтобы какой угодно ценой защищать права и привилегии эксплуататорского класса. Намыс, хабза и пр. мешают работнику, когда он напимается на работу, договариваться об условиях жизни, работы и особенно питания. Когда работник заговаривает о каких-либо удобствах, то это является признаком невоспитанности, противоречит горскому «хорошему тону». Нет надобности говорить о том, что наемный работник, выполняя трудную, изнурительную работу, расходует свои силы и здоровье, которые требуют ежедневно своего восстановления хотя бы даже для того, чтобы продолжать ту же самую изнурительную работу.

Если признать такую необходимость, то представляется полнейшей бессмыслицей этот запрет «торговаться» об условиях жизни, труда, питания, о том необходимом минимуме удобств, без которого нельзя работать, нельзя восстанавливать израсходованные силы. Если работник не договаривается об условиях, то предполагается, что он доверился на «совесть» и «честь» работодателя. А общеизвестно, какая совесть и честь у мелкого собственника, когда ему приходится сделать выбор между тем, что лично ему выгодно сейчас, и тем, что от него требуют... совесть и честь. Мелкий собственник родного отца с матерью продаст, совесть и честь в придачу отдаст, чтобы только не отказаться от защиты и обеспечения своих интересов. Такова его природа. Горцы в этом отношении не исключение.

Горские обычаи осуждают «обжорство», чревоугодие, горские легенды рассказывают о случаях, когда тот или иной уздень был всенародно лишен узденского достоинства из-за обжорства, невоздержания в отношении еды во время войны, во время всенародной защиты территории, занимаемой той или иной народностью. Затем, есть «обжоры», принадлежащие даже к господствующим классам, о которых сохранились предания, например, некто Айсандыров, которого народная молва не пощадила из-за его анекдотического чревоугодия. Но это все единичные случаи, это исключения из общего правила. Правило же, обычай или норма, которая осуждает «обжорство», это есть орудие эксплуататорского класса, направленное к еще большему угнетению и унижению и без того угнетенных в прошлом и беднейших слоев крестьянства. Ибо, в самом деле, кто может быть «обжорой», «чревоугодни-

ком», способным проявлять жадность в отношении питья и еды? Конечно, кто сыт по горло, кого не задавит щемящая душу забота о куске насущного хлеба для себя и для своих детей, о своем завтрашнем дне, тот не может быть «обжорой».

«Обжорой» и чревоугодником может быть тот, кого не оставляет забота о куске хлеба, о чашке похлебки или хантхупса. Из-за опасения прослыть «мелочным», заслужить кличку «чревоугодника», «обжоры» батрак-горец, нанимающийся к кулаку в годовые или сезонные работники, стесняется договариваться о том, как и чем его будет кормить «хозяин». А хозяин кормит, как известно, по «совести»: когда приспичит и чем приспичит, чаще всего обедками. Ведь батрак все равно связан по рукам и ногам, какими бы отбросами и обедками его ни кормили, он не будет не только протестовать и добиваться своих прав, но даже вступать в какие-либо разговоры по вопросам питания... Если же «хозяин» его вовремя не накормит, то батрак, связанный по рукам и ногам, молчаливо будет выносить голод и делать приятное лицо, будто так и нужно.

Даже крестьянин или колхозники-горцы, прибывающие в Ростов или другие промышленные города края для поступления на производство, стесняются порою спросить о том, как кормятся, как питаются рабочие. Они интересуются лишь работой, заработком и возможностью получения квалификации, выучки, не чувствуя порою, что возможность такой учебы часто бывает связана с условием питания. Если, тем не менее, при такой нетребовательности, невзыскательности, выносливости молодых рабочих-горцев мы имеем огромный процент отсева, то это объясняется причинами, о которых много писалось и говорилось, которые более или менее общеизвестны.

Остановливаясь на необходимых мероприятиях по борьбе с адатами, надо подчеркнуть, что нельзя ограничиться воспитательной работой среди одних мужчин. На женские трудовые массы должно быть направлено особое внимание. Как отсталость женщин пагубно отражается на темпах всей нашей политической и культурной работы, ограничивает наш размах, а часто вовсе парализует работу, так и сознательное активное участие женщин в этой работе ускоряет, в два-три и больше раз сокращает сроки, которые требуются для ликвидации, для изжития этих обычаев.

Попутно должна вестись упорная, непримиримая борьба

ба против обычаев, закрепощающих наших матерей, сестер и жен, против практики, низводящей их на степень второстепенного существа. У нас еще много таких, которые продолжают сохранять старые, архаические, реакционные взгляды на роль и положение женщины в семье и общественной жизни. Небезупречны и наши работники, некоторые члены партии и комсомольцы. Если прислушаться, то на словах как будто никто ничего не имеет против закрепощения женщин, а только дела не совпадают со словами. Дело же обстоит так, что недостаточно ничего не иметь против, надо активно бороться за освобождение женщин, за уничтожение обычаев, закрепощающих их.

Всем хорошо известны те взаимоотношения, которые еще недавно, до Советской власти, существовали между различными горскими национальностями. И в том, что эти взаимоотношения далеко не всегда были добрососедскими, в том, что между горцами различных национальностей существовал известный холодок, а порою вражда и рознь, порою медленно, далеко не большевистскими темпами изживаемые, в этом виноваты наши обычаи, наши взгляды на себя, на своих соседей, на весь мир. В этом виновато старое взаимное недоверие между горцами, насчитывающее многолетнюю давность.

Что же говорят в основном эти взгляды, чем они характеризуются? Чеченцы считали себя выше ингушей, а ингуши выше чеченцев и осетин. Осетины считали себя выше и лучше и чеченцев и ингушей и т. д. Карачаевцы считали себя лучше черкесов и кабардинцев. Называли их «чыгыр черкес», относились к ним слегка презрительно, а кабардинцы и черкесы, особенно их князья, карачаевцев и балкарцев даже за людей не считали, называли их «чабырлы-карачай», «тюклю-чабырлы» и т. д.

Даже в пределах одной народности уроженцы одних районов подтрунивают над уроженцами других районов.

Например, над жителями горных районов смеются, считая их «дикарями», смеются над их угловатостью, наивностью, простотой, непосредственностью, называя их в Чечне и Ингушетии «ламаро», в Карачае «сюрюучюле» («чабаны») и т. д. А жители горных районов считают плоско-стных «испорченными», смеются над тем, что молоком торгуют стаканами, бутылками, не соблюдают обычая гостеприимства и т. д. Словом, нет двух соседей, у которых бы не было запасов всяких наименований и презрительных кличек в отношении друг друга. Это все тоже было в системе

обычаев горцев. Это все способствовало отдалению трудящихся масс горцев и отдельных элементов друг от друга, а не сближению их между собою.

Питая неприязненные чувства друг к другу, горцы в то же время ненавидели русских. Каких русских? Ведь русские бывают разные: рабочие, крестьяне, помещики, чиновники, генералы, красные, белые, эмигранты и т. д. Это все верно, но в такие «детали» фанатики воинствующего местного национализма не входили. Это они стригли всех русских под одну гребенку. Это они смешивали в одну кучу русских чиновников, взяточников и казнокрадов с пролетариями, вынесшими и выносящими на своих плечах нечеловеческие трудности... Верно, были русские, у которых взятки были профессией, но это же не дает никакого права на обобщения. Ибо где их не было? Горцы в собственной среде имели их в большом количестве. Ада-ты, специфическое адатное воспитание, которым напичканы не только рядовые горцы... мешают в русских рабочих, русских крестьянах видеть братьев и соратников в борьбе за бесклассовое социалистическое общество.

Русские товарищи, работающие в национальных областях, и рабочие тех заводов и фабрик, куда вербуются националы для того, чтобы дать им квалификацию, своим чутким, внимательным отношением к горцам-рабочим и крестьянам должны помочь им изжить все и всякие остатки былого недоверия. Когда какой-либо работник-русский особенно внимательно относился к запросам горцев-батраков, бедняков, колхозников и всех трудящихся, это получало повсеместную известность среди горцев...

Если какой-нибудь работник-русский «отличается» в противоположном направлении, то это также становится известным.

Если какой-нибудь горец уехал из аула, поступил на фабрику или завод, освоился и акклиматизировался в рабочей среде и поддерживает связь со своим аулом, со своими земляками, это имеет огромное значение для изжития огульного недоверия к «русским», для дела ликвидации вредных горских обычаев, для того, чтобы дать отпор кулаку, мулле и бывшему человеку, засевшему в ауле.

Если, наоборот, горец из далекого аула уехал в город, поступил на фабрику или завод, но не освоился в этой среде мало ли по каким причинам, то это приводит к обратным результатам, служит темой для сплетен, пересудов и клеветы со стороны мулл, кулаков, антисоветских и националистических элементов.

Все это тесно связано с обычаями горцев, с борьбой за социализм, ибо без борьбы против обычаев, адатов, устаревших традиций в горских условиях нет борьбы за социализм, за новый быт, за перестройку всех отношений в быту.

В заключение несколько слов. Необходимость борьбы с устаревшими обычаями горцев абсолютно несомненна. Нужно при этом иметь в виду, что борьба против адатов, которые являются, с одной стороны, продуктом патриархально-родового общества, а с другой — феодальных и полупеодальных отношений, должна быть подкреплена основательным знакомством с этими обычаями. Это необходимо для того, чтобы критика обычаев, борьба против них не были наездническими и дали максимальный эффект. Знакомство с обычаями должно освещаться, осмысливаться овладением марксистско-ленинской методологией.

Нужно хорошо понимать причины, вызвавшие те или другие обычаи. Нужно понимать, когда, кому и зачем они были нужны и почему они теперь стали ненужными, превратились в лишний и вредный балласт.

Партийцам и комсомольцам-националам, работающим в ауле, нужно вооружиться хорошо, чтобы популярно объяснять все это, выдвигая новые институты, проявляя максимальную инициативу в борьбе за новые коллективистические обычаи.

Наша вторая 5-летка ставит своей задачей построение бесклассового социалистического общества, превращение всего трудящегося населения в сознательных и активных строителей социализма и, стало быть, воспитание нового человека.

Новый, — так сказать, социалистический человек в горских областях может быть выкован и воспитан в непримиримой борьбе с адатами, с рабской психологией, которая является продуктом всей предшествующей истории горцев и неременной спутницей горских адатов, традиций, узаконившихся представлений, типичных для горца, воспитанного в духе адатов, хабза, намыса.

В силу всех этих причин борьба против устаревших горских адатов есть самая доподлинная борьба за социализм.

ГОРСКИЙ КОММУНИСТ И АДАТЫ

«Нравы» Кавказа по Немировичу-Данченко

Когда-то... В. И. Немирович-Данченко описывал в своей книге «Под горячим солнцем» идиллические нравы

горцев Кавказа, как, например, сидение крестьянина-горца за общим столом с каким-нибудь князем, феодалом, и особо подчеркивал, что этот князь по-французски называется «Le prince». Но эта «идиллия» прежде всего объясняется не «добротой» кавказских князей, феодалов, эксплуататоров и их «воспитанностью», а состоянием производительных сил горских народностей, характером существовавших в то время производственных отношений. Вдобавок, эта «идиллия», эта «патриархальность» нравов возникла не в интересах эксплуатируемых, а в интересах эксплуататоров, в интересах господствующих классов для ослабления и притупления классовой борьбы.

Неудобно прямо сказать батраку: «Ты не требуй от кулака, крупного скотовода, конезаводчика, подрядчика и т. д. зарплаты», а гораздо приличнее сказать: «Соблюдай адаты, в которых нет ничего «дурного» и по которым-де жили наши отцы, деды и прадеды!» И это более действенное средство, чем прямая рекомендация отказаться от заработанного. И вот кулак и батрак, по существу классовые враги друг другу, устраивают между собою род состязания в тонком знании и соблюдении адатов. Князь или кулак сажает крестьянина с собой за общий стол (хотя это бывает не всегда) и этим покупает его преданность, притупляет его вражду, а крестьянин не желает «портить» хороших отношений с «почтенным», родовитым и сильным человеком и идет, скрепя сердце, обманутый красноречием и... гостеприимством, на эксплуатацию, в кабалу. Получается положение, о котором говорит пословица: «Мягко стелет, но жестко спать».

Есть очень типичная, циничная, чисто кулацкая горская пословица: «Наемному работнику выплати зарплату (добросовестно — И. К.) и тогда уже вымотай у него душу». У горских кулаков, хотя они мягко стелят, хотя часто, так сказать, в их бархатных руках чувствуется железная хватка эксплуататора-мироеда, обычай: более охотно соблюдать первую, а не вторую часть этой явно кулацкой «народной мудрости». Нужно раз навсегда усвоить: в природе горских адатов лежит закон — служить господствующим классам. Господства классов, которым служили адаты, уже нет, а они сами, т. е. адаты, порождение этого господства, все же остаются и исчезают не сразу, а медленно, продолжая по-прежнему, в новых условиях, калечить людей, помогая паразитическим слоям населения, принося существенный вред трудящимся, затемняя их классовое самосознание. Необходимо поэтому

форсировать всеми доступными нам средствами истребление адатов.

Принято думать, что горцы очень религиозны. И тем не менее горцы говорят: «Намыс (в сущности, тот же адат — И. К.) сильнее мук наказания в преисподней». О чем это говорит? О том, что во многих случаях адат оказывается сильнее шарията.

Когда адаты сильнее шарията

В типичной горской фамилии уживаются различные классовые прослойки. Тут встречаются б. помещики (хотя и редко), крестьяне-кулаки, середняки, бедняки, батраки, рабочие, ремесленники, кустари, торговцы, подрядчики, спекулянты, совслужащие, трудовая интеллигенция, комсомольцы, партийцы, б. военные, муллы, шейхи, и т. д. и т. п. И по горским понятиям, по адату, все они между собою — «братья», поскольку принадлежат к одному роду. И, несмотря на борьбу за влияние в фамилии между ее отдельными ветвями — родовая, фамильная мораль гласит: «Тот, кто был другом твоего отца, не станет тебе врагом, кто был врагом твоего отца — тот не станет тебе другом». Старикам оказывается уважение, но как-то случается так, что и старшинство, и «дружба» отцов, и их вражда летят побоку, забываются, в зависимости от того, в чьих же руках находятся материальные блага, власть, влияние, и т. д. и т. п.

Богатый, несмотря на принадлежность к одной фамилии, жестоко эксплуатирует бедняка-сородича, сильный — слабого, кулак — безлошадника, бездомного, безработного, сопровождая все это соловьиными руладами о том, как было хорошо в «старину». В это время он, ругая Советскую власть, ругает всех кяфиров и гяуров¹, которые нарушили «счастливую» жизнь горцев, уважавших прежде друг друга, а в особенности почитавших стариков. Нужно при этом знать и помнить, до какой степени глубоко развито у горцев чувство родства. Тут влияние адата много сильнее влияния шарията.

По шарияту мусульманин имеет право жениться на своей двоюродной сестре, если она в то же время не является сестрой молочной. По адату только князья имели право жениться на своих двоюродных сестрах, на близких родственницах, однофамилицах и т. д. Это, очевидно, потому, что княжеские роды не многочисленны, выбор жени-

¹ Неверных, безбожников.

хов и невест в аристократической среде небольшой, слияние с «демосом» князьями не поощрялось, и всякий шаг к сближению с ним резко осуждался и преследовался. А для них, для князей, все, что не принадлежит к их породе, есть «демос». Совсем другое дело — крестьянство. Есть роды, которые в своих рядах насчитывают по несколько сот дворов. Эти дворы или семьи между собой даже не родственны, даже не поддерживают между собой связи, друг про друга редко вспоминают. И, тем не менее, за всю историю этих родов (а история эта иногда насчитывает сотни лет) не было случая женитьбы гр-на Икс на гражданке из той же фамилии. Даже больше того. Есть родственные между собою крупные фамилии, которые поклялись друг другу в верности, и в знак своего родства они не имеют права допускать женитьбу и замужество между своими сочленами и членами отдельных родов, поклявшихся в верности. Такие роды «в минуту жизни трудную» должны приходиться друг другу на помощь.

«Хоть он и плох, всё же свой»

Известны также случаи преследования коммунистов в 1919—20 гг. за службу Советской власти, когда только принадлежность к большой фамилии спасала им жизнь. Про этих коммунистов говорили: «Хоть он и плох, что же делать, все же он свой». Правда, это был 1919-й год. А в 1918-м году коммунист-горец, боровшийся только за Советскую власть, не мог участвовать в отобрании ни фамильных земель, ни инвентаря, ни имущества, которое должно было принадлежать бедноте, и потому он не успел заслужить ненависти людей, по своей природе враждебных его убеждениям, людей ему классово чуждых.

Но если бывали отдельные случаи, когда принадлежность к фамилии спасала жизнь отдельным коммунистам, давала им возможность работать, обеспечивая относительную безопасность, именно благодаря тому, что развитие и ход революции не довели этих коммунистов до грани вражды со «своими», — то все же для партии и для коммунистов гораздо больше вреда от принадлежности к большим фамилиям, чем пользы от этого. И вот почему. Через коммуниста, подверженного фамильному, родовому и пр. влияниям, в партийные организации просачиваются чуждые партии и ее задачам настроения и влияния. И чем крупнее такой работник по своему удельному весу, по своей роли и значению в партии, тем больше от него

вреда. Таким образом, представляется совершенно бесспорным тот вред, который приносит партии такой коммунист, если он не оценит положение, не застрахует себя мерами, так сказать, профилактического характера, от возможности быть использованным вопреки интересам партии и революции.

Года два тому назад в одной из нацобластей бандиты убили ответработника. Труп пришлось везти из города в аул для погребения, причем погребение происходило по всем правилам мусульманского ритуала. На торжественные похороны прибыли ответственные партработники, которые не придумали ничего лучшего, как стать в один ряд со всеми верующими и совершить с ними, тоже «по всем правилам», торжественно-печальный обряд. Это ли не комедия! К таким нелепостям приводит отсутствие строгой, принципиально-выдержанной партийной линии.

А это было всего лишь в 1926 году.

Совершенно особой печатью отмечен обычай гостеприимства у горцев. Много глупостей, несуразностей, неправды говорится и пишется о горцах, но тем не менее, то, что говорят о горском гостеприимстве, — правда. Не верно, что горец всегда, во всех случаях рад всякому гостю. Верно, что горец рад тому гостю, от которого для него предвидится какая-либо выгода в близком или отдаленном будущем. Но так или иначе горец не прогонит гостя, если даже он его ненавидит, если даже гость преступник, бандит.

Если когда-то было связано с риском и потому было похвально и «благородно» принимать абреков, преследуемых жестоким, суровым и несправедливым царским законом, то, оказывая приют бандиту, который грабит кооперативы и т. д., горец совершает несмыслимое политическое преступление. Каленым железом падо выжигать обычаи, которые допускают терпимость и примиренческое отношение к такому гостеприимству.

Хороший и благородный обычай гостеприимства, который когда-то имел свой большой смысл, с течением времени диалектически превратился в собственную противоположность, в исторический хлам, который надо да-

же не в архив сдавать, а в сорную яму выбросить — во множестве случаев. О значении этого обычая даже в наше время можно судить хотя бы по тому количеству обвинений и дел в контрольных комиссиях, которые предъявляются коммунистам, что они дали приют такому-то, скрывали такого-то и т. д. и т. д. Не важно, что в том или ином отдельном случае это правда или неправда, а важно, что это действительно уязвимое место для коммунистов. Нет надобности говорить о том, каким тормозом является обычай гостеприимства без разбора на путях к оформлению нового человека в условиях горских наобластей.

Обычай названного братства

В тесной связи с обычаем гостеприимства находится институт названного братства, когда два молодых человека поклялись в верности друг другу. Немножко подслащенный роман Влад. Иксуля «Ард-Хорды» дает все же довольно правильное представление об этом явлении, встречающемся среди горцев. Названное и молочное братство было достойно высокого уважения, когда такие братья во имя братства и дружбы отказывались даже от любимых женщин один ради другого, шли на какие угодно опасности и жертвы...

Это было объяснимо тогда, когда личное мужество, дружба и т. п. качества в общественной жизни горцев играли большую роль, чем теперь, когда на историческую арену выступает коллектив. И обычай названного братства, порожденный временем, нужный и, может быть, необходимый в известном историческом периоде, превратился в свою противоположность, ненужный мусор. И в самом деле: какая в наше время необходимость в том, чтобы один, скажем, хороший парень погубил себя, свою жизнь, если у него названным братом окажется бандит, преследуемый советскими законами? Даже независимо от названного братства, горцы в своей дружбе бывают беспредельно верны.

Дружба, что и говорить, вещь хорошая, украшающая нашу жизнь, часто превращается в собственное отрицание, в нечто неудобоваримое, когда человек много дает и много требует «не в службу, а в дружбу». Много получающий, ясно, старается не остаться в долгу. Ну, а если много дающему захочется получить от своего приятеля-коммуниста (ведь у нас же не преследуется дружба с беспартийными) равноценную своим услугам услугу, на-

пример, секрет, от которого зависит успех партийного дела? Как быть в таком случае?

В отношении дружбы горцы не стоят особняком. Горцы, хотя много имеют своего специфически-горского, местного, все же во многом, в частности в практикующейся у нас такого рода дружбе, напоминают другие восточные народности, которые также чтут дружбу. Кто не помнит нашумевшее дело бывшего председателя ЦИКа Крымской Республики Вели-Ибрагимов? Что было особенно примечательного во всей этой истории? Во всей этой истории примечательна неумеренная дружба Вели-Ибрагимова с бывшим офицером Хайсеровым, белобандитом, контрразведчиком, с которым у пролетарского революционера, естественно, интересы могли быть глубоко различны. Но, к сожалению, на этот раз интересы оказались общими, как оказался липовым революционером и сам гр. Вели-Ибрагимов.

Дело это, как, впрочем, и дело Султан-Галиева, является предостережением для молодых коммунистов восточных народностей, в том числе и для горцев. И это совсем не потому, что наши коммунисты формируются из недоброкачественного материала. Хотя, правда, коммунист-крестьянин, коммунист-интеллигент, коммунист-служащий с большим трудом подвергается переделке и с большим трудом усваивает идеологию пролетарской боевой партии, чем потомственный пролетарий.

Необходимо критически относиться ко всякой дружбе, потому что наши обычаи, наши родства, наши фамильные и иные связи, существующие часто против нашей воли и нашего желания, благоприятствуют такой дружбе и мешают круто рвать такие связи. А между тем, наступила пора вопросы такие ставить ребром и решать коренным образом. А коммунистам-националам их разрешать необходимо для себя в своем сознании, чтобы не было путаницы. Товарищей, показывающих хорошие примеры, надо во что бы то ни стало поощрять. Их хорошие примеры имеют огромное значение еще и потому, что простой горец привык в глубине души не уважать чиновника, пристава, судью, урядника и всякое другое «начальство», чье расположение он мог покупать всегда при наличии денег. Простой горец до Советской власти не знал такого начальства, которого бы нельзя было подкупить... А молодые советские и партийные работники, которые служат созданию и укреплению в горской среде новых понятий, заслуживают всяческого поощрения.

Против групповщины и склок

Коммунисты-националы часто не по-коммунистически, не по-товарищески, ни с точки зрения интересов партии, ни с точки зрения интересов мировой пролетарской революции относятся друг к другу. Есть товарищи, которые воображают, что великой миллионной партии Ленина только они нужны и никого-де партии, кроме них, не нужно. Кому неизвестны эти набившие оскомину склоки между коммунистами-националами, которые всегда кончаются какими-либо оргвыводами. Благодаря этим склокам, появляются упадочные настроения, благодаря им теряется перспектива, затемняется сознание великих задач, стоящих перед партией, благодаря им тормозится и стоит работа на местах. Товарищи, которые вчера сидели мирно и мирно работали рядом, сегодня начинают разоблачать друг друга, каждый доказывая, что только он настоящий коммунист, а его вчерашний товарищ никогда-де коммунистов не был.

Это ли не обывательское, не мещанское болото? Коммунистов без страха и упрёка у нас мало, а если таковые у нас имеются, то мы их не ценим. Головоотяпы, демагоги и иные, подверженные комчванству, «активисты», кричащие «за что боролись, за что кровь проливали»; часто заставляют собою людей, бесконечно нужных делу партии, делу мировой пролетарской революции, часто действительно «проливавших кровь» и всегда готовых проливать. Они не помогают партии разобраться в национальной действительности, а осложняют ее задачи учета и изучения этой действительности.

Коммунисты-националы часто ошибки и промахи своих товарищей фиксируют для себя и прячут в карман, чтобы потом «когда-нибудь» использовать против ошибавшихся, радуются повторению этих ошибок и промахов и снова фиксируют и прячут, вместо того, чтобы по-товарищески, по-коммунистически предупреждать друг друга об ошибках, помогать друг другу изживать и не повторять ошибки. В этом случае они поступают не как коммунисты, а как обыватели, как мелочные интриганы.

Задачи партийца-национала

Такова атмосфера, в которой приходится работать партийцу-националу. Если пристально всмотреться в эту атмосферу, глубже вникнуть в это положение, то легко убедиться, что среда эта коренным образом отличается от

того, что мы привыкли наблюдать в центральных русских районах СССР. Отсюда — громадные задачи, стоящие перед партийцем-националом. Конечно, есть партийцы и партийцы. Есть такие, которые идут или, по крайней мере, шли в партию, чтобы иметь «право носить оружие», помогать в беде сородичам и однофамильцам, чтобы, выражаясь грубовато, но правдиво, превратить партию в дойную корову, чтобы приспособлять ее к своим потребностям. Не о таких партийцах речь. Речь здесь о таких партийцах, которые пришли в партию, чтобы самим впитать в себя все, что есть в партии лучшего: ее беззаветный, ее самоотверженный, самозабвенный героизм, мужество, настойчивость, готовность пострадать за дело рабочего класса, за мировую пролетарскую революцию, за коммунизм, чтобы воспитать и закалить себя под руководством партии, по образу и подобию партии.

Перед такими партийцами стоит задача «понять своеобразие своей республики в отличие от условий и положения РСФСР, понять необходимость не копировать нашу (российских коммунистов — *И. К.*) тактику, а обдуманно видоизменять ее, применительно к развитию конкретных условий». (Ленин. Письмо к коммунистам Кавказа, т. XVIII, ч. 1, стр. 200.) Понять это и сделать практические выводы из такого усвоения — вот задача.

Из признания этого своеобразия и необходимости организованной систематической борьбы с адатами и пр. «добродетелями», мешающими нашему поступательному движению, и надо исходить партийцу-националу в своей работе. Это, между прочим, значит быть коммунистом в многосложных условиях нацобластей. Плыть по течению, идти по линии наименьшего сопротивления не достойно коммуниста-бойца, пролетарского революционера. Быть в рядах партии для национала значит не только непосредственно нести определенную работу, а помогать партии разбираться в многосложных вопросах нацработы, больших или малых кризисах нацработы.

Без четкого, ясного понимания «своеобразия своей республики», огромных (в своем масштабе) задач национальных парторганизаций, не должно быть коммунистов-националов.

Коммунисты-националы, недостаточно четко и ясно представляющие свои задачи в условиях национальной среды, желающие активно бороться со стариной и со всеми препятствиями, стоящими на пути поступательного движения своих областей, должны усиленно работать над

собой, над своим партийным, коммунистическим, классовым, в пролетарском, в ленинском духе воспитанием.

С другой стороны — об обязанностях парторганизации в отношении коммунистов-националов. Здесь не должно быть казенно-формального отношения, формального подхода к товарищам, которые самозабвенно отдаются делу партии, совсем не стремятся обязательно выйти в «большие комиссары», а находят моральное удовлетворение в любой работе, порученной им партией, нужной партии и рабочему классу. Таких партийцев нельзя рассматривать «гамузом», пачками и дюжинами, а нужно к ним подходить индивидуально и индивидуально их расценивать.

Необходимо в то же время всеми способами помогать выдвижению новых работников. В полосу культурной революции, перед генеральной чисткой партии, и у партии, и у коммунистов-националов должно быть обо всем этом ясное и четкое представление.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Библиографическая справка¹

- И. А.-К. Хубиев.* Несколько слов о Карачае. — Журнал «Мусульманин». Париж, 1911, № 5, с. 201—204.
- Хубиев Ислам.* Сословные недоразумения в Карачае (Пережиток старины). — «Мусульманин». Париж, 1911, № 24, с. 973—976.
- Карачаевец.* Положение женщины в Карачае. — Там же, с. 979—980.
- Карачайлы Ислам.* Тоже кудесник. — «Мусульманская газета», СПБ, 1913, № 10.
- Карачайлы Ислам.* Очерки Карачая. — «Мусульманская газета», СПБ, 1913, 25 сентября, № 24.
- Карачайлы.* В. Карачае и Черкесии. — «Жизнь национальностей», 1922, № 3, с. 9.
- Хубиев (Карачайлы) Ислам.* Кабардино-Карачаевский вопрос. — «Жизнь национальностей», Р/Д., 1922, № 4.
- Карачайлы И.* 2-ой губернский съезд Советов. — «Терек», 1922, № 10.
- Карачайлы И.* Письма из Карачая. — «Терек», 1922, № 125.
- Карачайлы И.* Письма из Карачая. Аул Хасаут. — «Терек», 1922, № 126.
- Карачайлы И.* Письма из Карачая. — «Терек», 1922, № 144.
- Карачайлы И.* По Карачаю. О судьбах школьного дела в Карачае и Черкесии. — «Терек», 1922, № 176.
- И. К.* По Карачаю. — «Терек», 1922, № 177.
- Карачайлы И.* По Карачаю. — «Терек», 1922, № 185.
- Карачайлы И.* О существенных мелочах. — «Терек», 1922, № 186.
- Карачайлы И.* О Кабардино-карачаевских отношениях. — «Терек», 1922, № 187.
- Карачайлы И.* К советизации Карачая и Черкесии. — «Терек», 1922, № 188.
- Карачайлы И.* К советизации Карачая и Черкесии. — «Терек», 1922, № 189.
- Карачайлы И.* По Карачаю. О мерах борьбы со скотокрадством и бандитизмом. — «Терек», 1922, № 191.
- Карачайлы И.* Вести из Карачая. Женское образование. — «Терек», 1922, № 208.

¹ В предлагаемый, далеко не полный, перечень работ И. Хубиева (Карачайлы) не вошли: публикации в газетах «Таулу джашау», «Путь юношества», «Красный Дагестан», «Вечерняя Москва», в периодических органах северокавказских автономий, не говоря уже о значительных пропусках в упомянутых изданиях. (Примечание составителей.)

- Карачайлы И. Вести из Карачая. О мытарствах хасаутцев. — «Терек», 1922, № 213.
- Карачайлы И. Вести из Карачая. Манifestация горцев. — «Терек», 1922, № 218.
- Карачайлы И. Вести из Карачая. — «Терек», 1922, № 219.
- Карачайлы И. Вести из Карачая. Экономическое положение Карачая. — «Терек», 1922, № 224.
- Карачайлы И. Вести из Карачая. Народное дело и кулацкая совесть. — «Терек», 1922, № 228.
- Карачайлы И. Вести из Карачая. Об отношениях кисловодчан и карачаевцев. О школе. О скотоводстве. — «Терек», 1922, № 229.
- Карачайлы И. К сессии Карачаево-Черкесского областного народного суда — «Терек», 1922, № 230.
- Карачайлы И. Вести из Карачая. Приготовления к октябрьским торжествам. — «Терек», 1922, № 236.
- Карачайлы И. Вести из Карачая. К возрождению коневодства в Карачае. — «Терек», 1922, № 237.
- Карачайлы И. Голос Карачая. — «Терек», 1922, № 238.
- Карачайлы И. По Карачаю. — «Терек», 1922, № 242.
- Карачайлы И. Вести из Карачая. Съезд Советов Малого Карачая. — «Терек», 1922, №№ 253—254.
- Карачайлы И. Вести из Карачая. — «Терек», 1922, № 255.
- Карачайлы И. Областной учредительный съезд Советов. — «Терек», 1922, № 268.
- Карачайлы И. Вести из Карачая. Новые труды о Карачае. — «Терек», 1922, № 278.
- Карачайлы И. Памятка нарсудьи Широцкого Н. Ф. — «Терек», 1923, № 31.
- Карачайлы И. Шефская помощь продолжается. Новая школа. — «Терек», 1923, № 41.
- Карачайлы И. В Карачае и Черкесии. — «Терек», 1923, № 43.
- Карачайлы И. Хурзукский политкружок. — «Терек», 1923, № 45.
- Карачайлы И. В Карачае и Черкесии. О делах здравоохранения. — «Терек», 1923, № 49.
- Карачайлы И. В Карачае и Черкесии. 1. Аульская милиция. 2. От скотоводства к земледелию. — «Терек», 1923, № 53.
- Карачайлы И. Льготы переселенцам. — «Терек», 1923, № 54.
- Карачайлы И. Ходатайство маринцев. — «Терек», 1923, № 55.
- Карачайлы И. В Карачае и Черкесии. 1. Революция в аулах. 2. Наша молодежь в Москве. — «Терек», 1923, № 61.
- Карачайлы И. В Карачае и Черкесии. 1. Перед посевной кампанией. 2. Энергичный секретарь. — «Терек», 1923, № 70.
- Карачайлы И. К вопросу о железнодорожной ветке Невинномысск — Теберда. — «Терек», 1923, № 76.
- Карачайлы И. О двойной бухгалтерии. (О калыме). — «Терек», 1923, № 78.
- Карачайлы И. Эпидемия оспы в Карачае. — «Терек», 1923, № 81.
- Карачайлы И. 1. В Теберде. 2. Ходатайство джегутинцев. — «Терек», 1923, № 94, 97, 105.
- Карачайлы И. Калинин у карачаевцев. — «Терек», 1923, № 107.
- Карачайлы И. В Карачае и Черкесии. — «Терек», 1923, № 118.
- Карачайлы И. В Кисловодске (о карачаевском политкружке). — «Терек», 1923, № 123.
- Карачайлы И. О продовольственных делах. — «Терек», 1923, № 129.

- Карачайлы И. В Карачае и Черкесии. 1. На карачаевском шрифте. 2. Кооперативные курсы. — «Терек», 1923, № 141.
- Карачайлы И. Памяти Алатова, — «Терек», 1923, № 142.
- Карачайлы И. О делах кооперации. — «Терек», 1923, № 145.
- Карачайлы И. О многоженстве. — «Терек», 1923, № 146.
- Карачайлы И. О горских строениях в Кисловодске. Эпидемия малярии. — «Терек», 1923, № 159.
- Карачайлы И. Перспективы воздушного сообщения в Карачае и Черкесии. — «Терек», 1923, № 163.
- Карачайлы И. В Карачае и Черкесии (о взаимопомощи). — «Терек», 1923, № 171.
- Карачайлы И. 1. ЗАГС и горцы. 2. Экспонаты в Москву. 3. 2 1/2 триллиона на местные нужды. — «Терек», 1923, № 173.
- Карачайлы И. Перед весенней стрижкой, — «Терек», 1923, № 200.
- Карачайлы И. Карачай и карачаевский народ в их прошлом и настоящем. — «Терек», 1923, № 206.
- Карачайлы И. 1. Вопрос о налогах. 2. Пути сообщения. — «Терек», 1923, № 208.
- Карачайлы И. Съезд председателей Советов Малокарачаевского округа. — «Терек», 1923, № 213.
- Карачайлы И. О школах и детских учреждениях г. Кисловодска. — «Терек», 1923, № 229.
- Карачайлы И. Зам. Наркома тов. Брейдо среди карачаевцев. — «Терек», 1923, № 230.
- Карачайлы И. К восстановлению Теберды. — «Терек», 1924, № 208.
- Карачайлы И. В Карачае и Черкесии. О секретаре Малокарачаевской окрчайки Гагарине, петроградском рабочем. — «Терек», 1924, № 226.
- Карачайлы И. О наших так называемых национальных служащих, — «Терек», 1924, № 227.
- Карачайлы И. О положении нашего народного хозяйства. — «Терек», 1924, № 229.
- Карачайлы И. Собрание горцев в Кисловодске. — «Терек», 1924, № 235.
- Карачайлы И. В Карачае и Черкесии. В борьбе за грамоту, за начальную школу. — «Терек», 1924, № 236.
- Карачайлы И. В Карачае и Черкесии. Газета в ауле. — «Терек», 1924, № 238.
- Карачайлы И. Октябрь и горцы. — «Терек», 1924, № 256.
- Карачайлы И. К перевыборам Советов в Карачае и Черкесии. — «Терек», 1924, № 267.
- Карачайлы И. О работе среди горцев. — «Терек», 1925, № 28.
- Карачайлы И. Горянка и международный день работниц. — «Терек», 1925, № 56.
- Карачайлы И. О землеустройстве. — «Терек», 1926, № 19.
- Карачайлы И. К убийству Калмыкова и Санглибаева. — «Терек», 1926, №№ 62, 63.
- Карачайлы И. Голос горцев. — «Терек», 1926, № 160.
- Карачайлы И. Постройка областного центра Карачая. — «Терек», 1926, № 277.
- Карачайлы И. О пророках в своем отечестве. — «Советский Юг», 1923, № 14.
- Карачайлы И. В пути. — «Советский Юг», 1923, № 23.
- Карачайлы И. В Карачае и Черкесии. Красный благотворитель. — «Советский Юг», 1923, № 113.

Карачайлы И. Перспектива хозяйственного возрождения и советская работа в Дагестане. — «Советский Юг», 1923, № 190.

Карачайлы И. К вопросу об изучении горских народностей Кавказа. Аул Эльбрус. — «Советский Юг», № 192.

Карачайлы И. О путях сообщения и их значении для советской работы. — «Советский Юг», 1923, № 196.

Карачайлы И. В пути. — «Советский Юг», 1923, № 220.

Карачайлы И. Первая артистка-мусульманка. (О Фатиме-Ханум Мухтаровой). — «Советский Юг», 1923, № 239.

Карачайлы И. Быт горцев. (Кульмт возраста и почитание старшинства у горцев). — «Советский Юг», 1923, № 245.

Карачайлы И. Быт горцев. Мамматлык. — «Советский Юг», 1923, № 247.

Карачайлы И. О медицинской помощи для горянок. — «Советский Юг», 1923, № 257.

Карачайлы И. Грозненские впечатления. — «Советский Юг», 1923, № 268.

Карачайлы И. Очерки Дагестана. — «Советский Юг», 1923, № 290.

Карачайлы И. На распутьи. — «Советский Юг», 1924, № 8.

Ол Кеси. В Карачае и Черкесии. О полтккружках. — «Советский Юг», 1924, № 10.

Карачайлы И. Итоги перевыборов Советов. — «Советский Юг», 1924, № 14.

Ол Кеси. О забытых углах Карачая и Черкесии. I. Аул Эльбрус. — «Советский Юг», 1924, № 14.

Карачайлы И. Здравоохранение в Карачае и Черкесии. — «Советский Юг», 1924, № 15.

Карачайлы И. Ленин и угнетенные народности Востока. — «Советский Юг», 1924, № 19.

Хаджи-Мурат. Горцы — о Ленине. — «Советский Юг», 1924, № 25.

Карачайлы И. Задачи сельскохозяйственной кооперации среди горцев. — «Советский Юг», 1924, № 28.

Карачайлы И. К смычке между горскими народностями. — «Советский Юг», 1924, № 30.

Карачайлы И. В Карачае и Черкесии. На Теберде. — «Советский Юг», 1924, № 32.

Карачайлы И. Отголоски на смерть вождя в Карачае и Черкесии. — «Советский Юг», 1924, № 35.

Карачайлы И. К увековечению памяти Асланбека Шерипова. — «Советский Юг», 1924, № 49.

Ол Кеси. Среди горского студенчества. — «Советский Юг», 1924, № 59.

Ол Кеси. О забытых углах Карачая и Черкесии. II. а. Дуут. — «Советский Юг», 1924, № 63.

Ол Кеси. О забытых углах Карачая и Черкесии. III. а. Уччулан. — «Советский Юг», 1924, № 67.

Карачайлы И. О Кизлярском округе. — «Советский Юг», 1924, № 72.

Карачайлы И. Хетагуров и горцы. — «Советский Юг», 1924, № 73.

Карачайлы И. О забытых углах Карачая и Черкесии. IV. а. Хурзук. — «Советский Юг», 1924, № 73.

Хаджи-Мурат. Отклики на смерть вождя и учителя. — «Советский Юг», 1924, № 73.

Карачайлы И. К вопросу об общегорской письменности. — «Советский Юг», 1924, № 74.

Карачайлы И. К вопросу о борьбе за грамотность среди горцев. — «Советский Юг», 1924, № 78.

- Ол Кеси.* Об издательской и культурно-просветительской работе в Карачае и Черкесии. — «Советский Юг», 1924, № 78.
- Ол Кеси.* О забытых углах Карачая и Черкесии. V. а. Карт-Джурт. — «Советский Юг», 1924, № 79.
- Ол Кеси.* О забытых углах Карачая и Черкесии. VI. а. Джазлык. — «Советский Юг», 1924, № 94.
- Карачайлы И.* Об одной забытой народности (О горских евреях). — «Советский Юг», 1924, № 98.
- Карачайлы И.* О национальной печати в горских областях. — «Советский Юг», 1924, № 101.
- Ол Кеси.* В Дагестане. — «Советский Юг», 1924, № 104.
- Карачайлы И.* В Чеченской области. «Советский Юг», 1924, № 104.
- Карачайлы И.* 7000 и 900. — «Советский Юг», 1924, № 108.
- Ол Кеси.* О забытых углах Карачая и Черкесии. VII. Верхняя Ма-ра. — «Советский Юг», 1924, № 118.
- Ол Кеси.* Наши лесные богатства. — «Советский Юг», 1924, № 125.
- Карачайлы И.* Среди горцев Ю.-Востока. Горцы в борьбе за грамоту. — «Советский Юг», 1924, № 132.
- Ол Кеси.* Осколок Адыген. (К судьбе Суворовско-Черкесского аула). — «Советский Юг», 1924, № 135.
- Ол Кеси.* О забытых углах Карачая и Черкесии. VIII. Хурла. — «Советский Юг», 1924, № 138.
- Карачайлы И.* У студентов-горцев. — «Советский Юг», 1924, № 138.
- Ол Кеси.* О культурной работе в Дагестане. — «Советский Юг», 1924, № 154.
- Ол Кеси.* О забытых углах Карачая и Черкесии. Аул Н.-Маринский. — «Советский Юг», 1924, № 164.
- Карачайлы И.* Среди горцев. Исторический день Чечни. — «Советский Юг», 1924, №№ 170, 184, 187, 188.
- Карачайлы И.* Первый день съезда. — «Советский Юг», 1924, № 175.
- Ол Кеси.* Среди горцев. Аул Хунзах. — «Советский Юг», 1924, № 178.
- Карачайлы И.* К пленуму Северо-Кавказского крайкома. — «Советский Юг», 1924, № 266.
- Карачайлы И.* Ленин и работа среди работниц-крестьянок и горняков. — «Советский Юг», 1925, № 18.
- Карачайлы И.* Неграмотность и горцы. — «Советский Юг», 1925, № 109.
- Карачайлы И.* Неках. — «Советский Юг», 1925, № 122.
- Карачайлы И.* Промышленность национальных областей края. (В Карачае и Черкесии). — «Советский Юг», 1925, № 131.
- Карачайлы И.* Здравоохранение в Карачае и Черкесии. — «Советский Юг», 1925, № 204.
- Карачайлы И.* Об истпарработе в горских областях. — «Советский Юг», 1925, № 222.
- Карачайлы И.* Национальная печать. — «Советский Юг», 1925, № 222.
- Карачайлы И.* Абдул-Керим Халкечев. — «Советский Юг», 1925, № 224.
- Карачайлы И.* Горцы и родной язык. — «Советский Юг», 1925, № 227.
- Карачайлы И.* Пробуждение горянки. — «Советский Юг», 1925, № 240.
- Карачайлы И.* Кустари в Карачае и Черкесии. — «Советский Юг», 1925, № 243.

- Карачайлы И.* На путях революционной законности. — «Советский Юг», 1925, № 247.
- Карачайлы И.* Горские народности и Октябрьская революция. — «Советский Юг», 1925, № 257.
- Карачайлы И.* О горской молодежи. — «Советский Юг», 1925, № 265.
- Карачайлы И.* Комсомол Карачая и Черкесии. — «Советский Юг», 1925, № 275.
- Карачайлы И.* Смешное и трагическое в горском быту. — «Советский Юг», 1925, № 276.
- Карачайлы И.* Нашествие культуры (В Чечне). — «Советский Юг», 1925, № 278.
- Карачайлы И.* Первый революционер-карачаевец. (К 7-летию со дня смерти Султан-Хаджи Байчорова.) — «Советский Юг», 1925, № 279.
- Карачайлы И.* Полвека на посту просвещения (О К. В. Парадиеве). — «Советский Юг», 1925, № 280.
- Карачайлы И.* Горянка на выборах. — «Советский Юг», 1926, № 37.
- Карачайлы И.* Вопросы скотоводческого хозяйства Карачая. — «Советский Юг», 1926, № 39.
- Карачайлы И.* Памяти А. Б. Қалмыкова. — «Советский Юг», 1926, № 62.
- Мен-Кесим.* Пролетарские праздники горцев. — «Советский Юг», 1926, № 108.
- Карачайлы И.* IV съезд КЧАО. — «Советский Юг», 1926, № 117.
- К. Махар* — курорт будущего. — «Советский Юг», 1926, № 131.
- Карачайлы И.* Объединенный областной съезд Советов. — «Советский Юг», 1926, № 146.
- Карачайлы И.* Конференция карачаевских организаций. — «Советский Юг», 1926, № 159.
- Карачайлы И.* Старое и новое в Б. Карачае. — «Советский Юг», 1926, № 164.
- Карачайлы И.* Об одной из сторон нашей работы. — «Советский Юг», 1926, № 165.
- Карачайлы И.* Пленум облсполкома Карачая в Учкулане. — «Советский Юг», 1926, № 177.
- Карачайлы И.* Надо помогать переселенцам Карачая. — «Советский Юг», 1926, № 178.
- Карачайлы И.* Некролог. Наны Хасанович Токов. — «Советский Юг», 1926, № 192.
- Карачайлы И.* Наны Токов — культработник гор. — «Советский Юг», 1926, № 193.
- Карачайлы И.* Областной центр Карачая строится. — «Советский Юг», 1926, № 267.
- Карачайлы И.* К перевыборной кампании в Карачае. — «Советский Юг», 1927, № 14.
- Карачайлы И.* Режим экономики или издевательство. — «Советский Юг», 1927, № 20—21.
- Карачайлы И.* К перевыборной кампании в КАО. — «Советский Юг», 1927, № 28.
- Карачайлы И.* Нацменьшинства в Карачае. (Абазинцы). — «Советский Юг», 1927, № 203.
- Карачайлы И.* Нацменьшинства в Карачае. — «Советский Юг», 1927, № 223.
- Карачайлы И.* Съезд горянок Малого Карачая. — «Советский Юг», 1927, № 231.
- Карачайлы И.* Октябрь в аулах Карачая. — «Советский Юг», 1927, № 239.

Карачайлы И. Нацменьшинства в Карачае. Осетины. — «Советский Юг», 1927, № 278.

Карачайлы И. Очередные задачи строительства в Карачае. — «Советский Юг», 1927, № 284.

Карачайлы И. Нацменьшинства в Карачае. Кабардинцы. — «Советский Юг», 1927, № 288.

Карачайлы И. Тридцать пять лет на посту аульного учителя. (О Х. М. Халилове). — «Советский Юг», 1927, № 229.

Карачайлы И. Великие дни в Карачае. — «Горская жизнь», 1927, № 123.

Карачайлы И. Великая годовщина. — «Горская жизнь», 1927, № 132.

Карачайлы И. Национальные меньшинства в Карачае. Черкесы. — «Молот», 1928, 12 января.

Карачайлы И. Примирение кровников. — «Молот», 1928, 12 февраля.

Карачайлы И. Горянка на курсах птицеводов. — «Молот», 1928, 4 сентября.

Карачайлы И. О журнале «Революция и горец». — «Молот», 1928, 30 сентября.

Карачайлы Ислам. По аулам Карачая. — «Известия Советов крайисполкома», 1926, № 10, с. 17.

Ислам. Что надо устранить нашим Советам. — «Известия Советов крайисполкома», 1926, № 4—5.

Карачаевец. Первый съезд у карачаевцев. — «Известия Советов крайисполкома», 1926, № 4—5, с. 12.

Карачайлы Ислам. К вопросу о районировании Карачая. — «Путь Советов», 1930, № 21—22, с. 50—52.

Амалатбек. «Казакки» — кинофильм производства Госкинопром Грузии... глазами горца. — «Революция и горец», 1928, № 1, с. 66—68.

И. К. Горянка на пути к экономическому раскрепощению. — «Революция и горец», 1928, № 1, с. 26—28.

Карачайлы Ислам. Родной язык в национальных областях Северного Кавказа. — «Революция и горец», 1928, № 1, с. 39—43.

Карачайлы Ислам. Тов. Магомед Энеев. Некролог. — «Революция и горец», 1928, № 1, с. 60—62.

Карачайлы Ислам. Горцы и казаки в XVIII веке. (Исторический набросок). — «Революция и горец», 1928, № 2, с. 73—80.

Амалатбек. «Экономика в Коране». О докладе профессора Черноусова. — «Революция и горец», 1928, № 2, с. 91—94.

Карачайлы И. Афганистан в полосе кризиса. — «Революция и горец», 1929, № 1—2, с. 74—79.

Карачайлы И. Ораза на Северном Кавказе. — «Революция и горец», 1929, № 3, с. 45—48.

Карачайлы И. «Неисторические» национальности и М. Горький. — «Революция и горец», 1929, № 4, с. 58—61.

Амалатбек. О художественном воспитании и образовании горской молодежи. — «Революция и горец», 1929, № 4, с. 62—65.

Карачайлы И. Горцы и их борьба за свою свободу в творчестве А. С. Пушкина. (К 130-летию со дня рождения. 1799—1929 гг.) — «Революция и горец», 1929, № 5, с. 48—59.

Амалатбек. Шахсей-вахсей и рабочие турки. (Впечатления от рабочего собрания). — «Революция и горец», 1929, № 6, с. 58—61.

Хаджи-Мурат. Какие поборы в пользу духовенства существуют в горских областях? — «Революция и горец», 1929, № 7—8, с. 49—51.

Амалатбек. От патриархальной семьи к атеистической. — «Революция и горец», 1929, № 7—8, с. 74—78.

Карачайлы И. Традиция, с которой надо кончить. (О неуважении к национальностям). — «Революция и горец», 1929, № 7—8, с. 90—93.

Карачайлы И. Тахо-Годи. А. Уллубий Буйнакский (1890—1919). Махачкала, Дагиздат, 1928 (Критико-библиографическая справка). — «Революция и горец», 1929, № 7—8, с. 125.

Хаджи-Мурат. Пять лет Центриздата народов СССР. Центриздат, 1924. — «Революция и горец», 1929, № 7—8, с. 126.

Амалатбек. 1-ое Северокавказское краевое совещание нацменработников (20—23 декабря 1927 г., Ростов-на-Дону) Нацменкомиссии КИКа. — «Революция и горец», 1929, № 7—8, с. 126—127.

Карачайлы И. Через семь десятков лет. (К годовщине покорения Кавказа). — «Революция и горец», 1929, № 9, с. 48—55.

Амиран. Уллубий Буйнакский, Асланбек Шерипов. — Там же, с. 51—61.

Карачайлы И. О наболевшем, или «пустяки», которые нас душат. — «Революция и горец», 1929, № 10, с. 39—47.

Карачайлы И. Ингушский НИИ краеведения. Кавказ и Л. Толстой (1828—1928). М. И. Семенов, Бр. Бёме, Г. К. Мартиросян. Владикавказ, 1928, л. 127—128.

И. К. Развитие различных систем сельских коопераций в Адыгее. — «Революция и горец», 1929, № 11—12, с. 17—20.

Карачайлы И. Вчерашняя и сегодняшняя Адыгея. — Там же, с. 21—27.

Карачайлы И. О чинопочитании в литературе, или... мертвецы, которые гипнотизируют (Из цикла «Лев Толстой и горцы»). — «Революция и горец», 1930, № 1, с. 35—41.

Карачайлы И. Плисецкий И. Горцы Дагестана. М., Гос. Центральный музей народоведения. (Критико-библиографическая статья). — «Революция и горец», 1930, № 1, с. 92—94.

Карачайлы И. Лев Толстой и горцы. (По поводу книги Тахо-Годи «Лев Толстой и «Хаджи-Мурат»). — «Революция и горец», 1930, № 2, с. 36—42.

Карачайлы И. О «художественной интуиции и проникновенности». — «Революция и горец», 1930, № 3, с. 69—75.

Карачайлы И. Карачай и «карачаи» в произведениях Мариэтты Шагинян. — «Революция и горец», 1930, № 4, с. 58—65.

Карачайлы И. Владимир Маяковский. «Революция и горец», 1930, № 4, с. 77—81.

Карачайлы И. Прошлое горцев на советском экране. (К демонстрации кинофильма «Кавказский пленник»). — «Революция и горец», 1930, № 6—7, с. 88—92.

Карачайлы И. Горцы в производстве и рабочие кадры для нацобластей. (Об опыте и перспективах вербовки националов в краевую промышленность). — «Революция и горец», 1930, № 8, с. 27—34.

И. К. Перебийносов Ф. и М. «В теснинах Кавказа. По Балкарии и Сванетии». Ростов-на-Дону, 1930, «Северный Кавказ». (Критико-библиографическая статья). — «Революция и горец», 1930, № 8, с. 83—84.

Карачайлы И. Памяти Самет-Ага Агамали Оглы. — «Революция и горец», 1930, № 9—10, с. 67—69.

Карачайлы И. Сборник Научного общества этнографин, языка и литературы при Горском педагогическом институте, т. 1, Владикавказ. (Критико-библиографическая статья). — «Революция и горец», 1930, № 9—10, с. 82—84.

Карачайлы И. О «кровной мести», о национальных моментах в

споре «Большевицкой смены» с «Советским Сказом» и причем...— «Революция и горец», 1930, № 11, с. 24—32.

И. К. К. вопросу о районировании Карачая. — «Революция и горец», 1930, № 11, с. 41—43.

Карачайлы И. Карачай на экране, или... издевательство над миллионным зрителем. (О кинофильме «Закон гор», 1927). — «Революция и горец», 1930, № 11, с. 82—83.

Амалатбек. О горской музыке и ее пионерах. — «Революция и горец», 1930, № 12, с. 65—69.

Карачайлы И. Памяти товарища Ивана Эрнестовича Гофферта. — «Революция и горец», 1930, № 12, с. 79—80.

Хубиев И. Краеведные музеи национальных областей Северного Кавказа и их задачи. — «Революция и горец», 1931, № 5, с. 60—62.

Карачайлы И. Как живут, в чем нуждаются и на что жалуются рабочие-националы в краевой промышленности. — «Революция и горец», 1931, № 6—7, с. 86—91.

Карачайлы И. О назойливых авторах, упражняющихся на «восточные» темы, или урок начинающим. — «Революция и горец», 1931, № 6—7, с. 93—95.

И. К. О краевых курсах горянок и нацменок г. Микоян-Шахара. — «Революция и горец», 1931, № 7, с. 100—101.

Карачайлы И. Цомак Гаднев. — «Революция и горец», 1931, № 10—11, с. 116—119.

Амалатбек. Олимпиада искусств горских народов Северного Кавказа. (Из хроники Олимпиады). — «Революция и горец», 1931, № 12, с. 115—117.

Амалатбек. Колумбы от литературы, которые Америки не открыли. (О романе «Тайпа» Л. Пасынкова). — «Революция и горец», 1932, № 2—3, с. 125—143.

Карачайлы И. Народы Востока в советском искусстве. — «Революция и горец», 1932, № 4, с. 81—84.

Карачайлы И. О ленинском шеститомнике на национальных языках в связи с темпами нашей терминологической работы. — «Революция и горец», 1932, № 5, с. 30—40.

Амалатбек. Так не заботятся о Красной Армии. — «Революция и горец», 1932, № 5, с. 75—76.

Хаджи-Мурат. «Перелом» Д. и О. Мальсаговых — зеркало революционных сдвигов в Ингушетии. — «Революция и горец», 1932, № 6—7, с. 76—81.

И. А. К. Об одном учебнике. О первой книге по русскому языку для горской школы 1-й ступени «Красный горец». — «Революция и горец», 1932, № 6—7, с. 132—133.

Карачайлы И. Борьба против горских адатов — борьба за социализм. — «Революция и горец», 1932, № 8—9, с. 78—89.

Карачайлы И. Несколько слов о Кимбаеве из «Страха» Афиногенова. (К открытию зимнего театрального сезона). — «Революция и горец», 1932, № 8—9, с. 119—122.

Карачайлы И. Демьян Бедный (рецензия). — «Революция и горец», 1933, № 8, с. 82—84.

Карачайлы И. «Человек из аула» Т. Кантеева. — «Революция и горец», 1933, с. 81—83.

Карачайлы Ислам. Пример, достойный подражания. О конкурсе на произведения искусств Кабардино-Балкарской области. — «Революция и горец», 1933, № 10—12, с. 114—115.

И. К. Переводы партийных документов не техническое дело, а политическое. — «Революция и горец», 1933, № 10—12, с. 154—159.

- Карачайлы Ислам.* Среди горцев. 300 комсомольцев. (Карачаево-Черкесская область). — «Коммунист», Р/Д, 1924, № 3—4, с. 97—98.
- Карачайлы Ислам.* О предвыборных настроениях в Карачае и Черкесии. — «Коммунист», 1925, № 5—6, с. 107—108.
- Карачайлы Ислам.* Когда немые заговорили. (О национальной культуре на Северном Кавказе). — «На подъеме», Р/Д, 1928, № 10, с. 55—58.
- Карачайлы Ислам.* Балкарня... «с точки зрения». — «На подъеме», 1928, № 11, с. 69—71.
- Карачайлы Ислам.* Писатели и поэты Карачая. — «На подъеме», 1929, № 2, с. 67—74.
- Карачайлы Ислам.* Об одной неоконченной дискуссии. — «На подъеме», 1929, № 9, с. 79—81.
- Карачайлы Ислам.* Творчество А. С. Пушкина о горах в свете фактов истории и обычаев горцев. «Голуб». — «На подъеме», 1929, № 10, с. 63—68.
- Карачайлы Ислам.* Женитьба Хасана. (Из карачаевского быта). — «На подъеме», 1928, № 9, с. 47—49.
- Карачайлы Ислам.* Сатирические песни Карачая. Очерк. — «Советский Северный Кавказ», 1930, № 1, с. 39—41.
- Карачайлы Ислам.* Кровная месть горцев. Очерк. — «Советский Северный Кавказ», 1930, № 3, с. 24—26.
- Карачайлы Ислам.* Адат и шарнат. Очерк. — «Советский Северный Кавказ», 1930, № 5, с. 16—17.
- Карачайлы Ислам.* Письмо в редакцию. — «Советский Северный Кавказ», 1930, № 6, с. 39.
- Карачайлы.* Проблема гор. — «Советский Северный Кавказ», 1930, № 7, с. 33—35.
- Карачайлы И.* Алфавит революции. Очерк. — «Советский Северный Кавказ», 1930, № 8, с. 27—28. Здесь же — «Самед-Ага Агамали Оглы».
- Карачайлы Ислам.* «Быт горских народностей Юго-Востока». — «Библиотека краеведения, выпуск 8-й, издательство «Советский Юг», Ростов-на-Дону, 1924.
- Карачайлы И.* На некаях. — Журнал «Лава», 1926, Р/Д, № 2, с. 38—45.
- Карачайлы И.* Карачаевская литература. — «Литературная энциклопедия», М., 1931, т. V, с. 17—18.
- Карачайлы И.* Горский коммунист и адаты. — Журнал «Ленинский путь», 1929, № 6, с. 66—76.
- Карачаевец.* Прежде и теперь. — «Труженица Северного Кавказа», Р/Д, 1926, № 5, с. 14—15

О Г Л А В Л Е Н И Е

Слово об авторе и книге	5
Сословные недоразумения в Карачае	18
Положение женщин в Карачае	21
Проблема гор	23
Быт горских народностей Юго-Востока	27
Адат и шарнат	52
Шахсей-вахсей и рабочие-тюрки	56
Экономика в Коране	61
Какие поборы в пользу духовенства существуют в горских областях	65
Ораза на Северном Кавказе	68
На некаях	74
Женитьба Хасана	85
Кровная месть горцев	91
Письмо в редакцию	95
О «кровной мести», о национальных моментах в споре «Большевистской смены» с «Советским сказом» и прочем	97
От патриархальной семьи к атенстической	110
Горянка на путях к экономическому раскрепощению	116
Горец в производстве и рабочие кадры для нацобластей	119
Борьба против горских адатов — борьба за социализм	136
Горский коммунист и адаты	154
Приложение	164

ИБ № 1280

ХУБИЕВ ИСЛАМ АБДУЛ-КЕРИМОВИЧ
(ИСЛАМ КАРАЧАЙЛЫ)

СТАТЬИ И ОЧЕРКИ

Художник В. И. Бекетов
Художественный редактор Л. А. Асланова
Технический редактор Г. И. Газиева
Корректор В. И. Буяльская

Сдано в набор 01.08.84.
Подписано в печать 14.11.84.
Формат 84x108^{1/32}.
ВУ 60777. Бумага типографская № 3.
Гарнитура литературная.
Печать высокая.
Усл. п. л. 9,2. Усл. кр.-отт. 9,2. Уч.-изд. л. 10,6.
Тираж 5000 экз. Заказ № 4730.
Цена 45 коп.

Карачаево-Черкесское отделение
Ставропольского книжного издательства
375100. Черкесск, пл. Кирова, 23. Дом печати

Карачаево-Черкесская укрупненная типография
357100. Черкесск, ул. Первомайская, 47